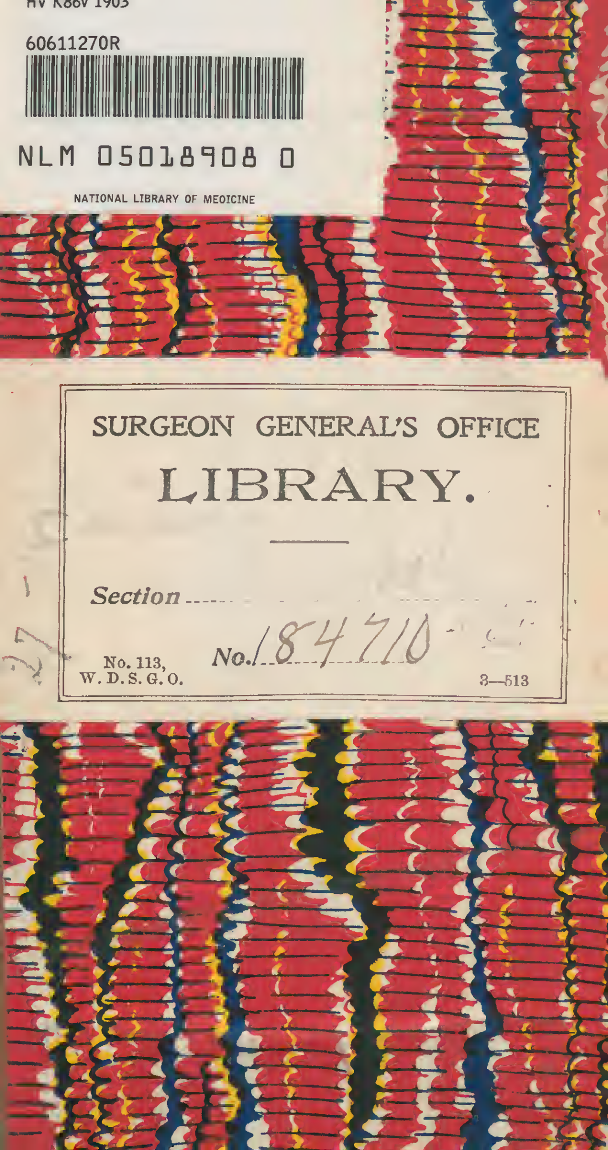

WV K86v 1903
60611270R
NLM 05018908 0
NATIONAL LIBRARY OF MEDICINE
SURGEON GENERAL'S OFFICE
LIBRARY.
Section
No. 184710
No. 113,
W. D. S. G. O.
3—513

Вырожденіе и возрожденіе.

Преступникъ и борьба
съ преступностью.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЫРОЖДЕНІЕ и ПРЕСТУПНОС

..лено цензурою. Спб., Ноября 1902 г.

Проф. П. И. Ковалевскій.

Вырожденіе
и
возрожденіе.

Преступник и борьба с преступностью.

(Соціально - психологическіе эскизы).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.
Типографія М. И. Акинфіева и И. В. Леонтьева
Бассейная, 14.
1903.

I

ВЫРОЖДЕНІЕ и ВОЗРОЖДЕНІЕ

I.

«Жизнь есть движенiе» — это вѣрно. Но это движенiе не есть движенiе на одном и том же мѣстѣ,—оно идет вперед. Все живущее совершенствуется и развивается во имя закона прогрессивнаго развитiя. Каждая минута, каждый миг мiровой жизни приносят нам все новыя и новыя явленiя, все новые факты. Значит ли это, что они дѣйствительно являются вновь, что они дѣйствительно никогда не существовали? Ничуть не бывало. Мiровая матерiя неизмѣнна. Новы только тѣ формы и способы проявленiя, в которых она ежесекундно выражается. Таким образом, мы можем сказать, что жизнь есть непрерывное, безконечное—в предѣлах человѣческаго бытiя—видоизмѣненiе матерiи, с цѣлью (с нашей точки зрѣнiя) совершенствованiя форм этой матерiи.

Но в этих словах о жизни, в этом понятiи о непрерывном совер-

шенствованіи всего существующаго заключается также и понятіе о смерти. В самом дѣлѣ, всякое новое проявленіе матеріи неизбѣжно влечет за собою уничтоженіе стараго. Не может быть новаго, если ему не предшествует старое, и таким образом бытіе новаго зиждется на развалинах стараго. Будучи количественно неизмѣнною, качественно же, напротив, неудержимо измѣняемою, матерія может существовать в новом видѣ только на счет стараго. Вот почему закон прогрессивнаго развитія всего существующаго вмѣстѣ с тѣм связан с другим законом—законом регрессивной метаморфозы или с законом разложенія.

Новая форма матеріи можетъ возникнуть и существовать только лишь на счет видоизмѣненія разложенія и новаго сложенія старой. Всякая новая міровая ступень существованія стоит непремѣнно на старой ступени и ея движеніе возможно только лишь по трупам предшественников.

Условія этого міровового существованія и составляют то, что извѣстно у нѣкоторых под именем за-

кона *борьбы за существованіе*. Едва ли, однако, это будет закон. Это просто условіе матеріальнаго бытія. Жизнь есть движеніе; иначе—жизнь есть борьба. Кто одолѣл, кто превзошол соперника, тот и живет; кто остался побѣжденным, тот обречен на погибель. Но эта погибель не заключает в себѣ ничего ужаснаго;—это есть ступень к совершенству, это будет только умираніе для воскресенія в новом, улучшенном и дополненном, существованіи. Это есть оставленіе ветхаго человѣка для облеченія его в новаго. И это положеніе вѣрно со всѣх точек зрѣнія.

Таким образом, мы можем видоизмѣнить наше первое положеніе так: жизнь есть движеніе; движеніе есть жизнь; но движеніе есть и смерть,—хотя эта смерть есть возвращеніе к жизни.

В силу непреложнаго закона непрерывнаго движенія вперед движется также непрерывно вперед и наука. *Наука—это есть книга бытія жизни*. Может ли она не двигаться вперед, или, как говорят, не совершенствоваться, если все

существующее, если само бытіе идет вперед и совершенствуется? Наука занимается изученіем міровых явленій, условій их существованія, законов міроваго движенія и т. д. И каждый данный день, каждый час, каждую минуту в эту сокровищницу влагаются все новыя и новыя лепты, на этот алтарь приносятся все новыя и новыя приношенія. Правда, о нѣкоторых из этих приношеній можно сказать: timeo Danaos et dona ferentes», но и они преслѣдовали одно—исканіе истины, какою она представлялась взору искателя.

Кажется, из всѣх живых существ в мірѣ, человѣк является самым продерзостным существом. В самом дѣлѣ, изучая міровыя явленія, их сущность, законы и проч., он дѣлает это не только с простою цѣлью любознательности; — нѣт, у него почти всегда существует задняя мысль: как бы воспользоваться тѣм или другим знаніем в свою пользу. Вмѣсто того, чтобы тихонько жить себѣ и всѣми силами совершенствоваться, дабы не погибнуть на этом базарѣ житейской суеты и ярмаркѣ

тщесловія, человѣк накладывает руку на землю, из нея же произошел. Но этого мало. Большей наблюдательности, как она проявляется у медиков, по отношенію к матери-природѣ, трудно себѣ представить. Они также любознательны, и даже слишком любознательны Свои познанія они не зарывают в землю. Нѣт, всѣ силы разумѣнія они употребляют на то, чтобы бороться со своею матерью-природой. В самом дѣлѣ: в силу закона совершенствованія, всѣ люди должны идти вперед и вперед, но по пути встрѣчаются тернія и волчцы. Человѣк невольно цѣпляется, падает и отстает, рвет свой костюм и царапает тѣло,—из него летят клочья и течет кровь. А он все идет. Его путь усѣян костьми и обагрен потоками крови... Куда же он так спѣшит?!.. Скорѣе умереть... Видя такое незавидное положеніе своего собрата, человѣк не остается бездѣятельным. Он не преклоняет голову перед своей владычицей. И вот является цѣлая туча двуногих муравьев: одни расчищают дорогу, устраняют всѣ препоны к движенію

и стараются помочь указаніем добраго жизненнаго пути—это гигіенисты; другіе выправляют ноги упавшему, накладывают швы и исправляют порчу—это врачи. И тѣ, и другіе преслѣдуют одну цѣль: помочь отстающему и падающему ближнему в борьбѣ за существованіе...

Но чтобы эта помощь не была похожа на помощь медвѣдя пустыннику, требуется соблюденіе многих и многих условій, и прежде всего побольше знаній...

А между тѣм медицина, как наука, растет не по часам, а по минутам. Нужно много времени и труда даже для того, чтобы составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о цѣлом, как о наукѣ; для успѣшнаго же примѣненія этих знаній на практикѣ требуется спеціализація.

Примѣняя общія положенія по отношенію к области нервных болѣзней, мы можем сказать, что за послѣднее время характер их нѣсколько измѣняется, можно думать, под вліяніям постепеннаго измѣненія в условіях существованія человѣка и человѣчества — количество знаній об этих состояніях значительно

увеличилось и способы борьбы с этими уклоненіями стали очень отличаться от прежних. Что касается болѣзненных нервных состояній, то в них усматриваются двѣ особенности: их, повидимому, стало больше и онѣ в огромном большинствѣ случаев принимают характер вырожденія. Как то, так и другое объясняется условіями существованія. В самом дѣлѣ, человѣческая жизнь с каждым днем на своем пути встрѣчает все большія и большія затрудненія. Борьба за существованіе усиливается и ожесточается. От этой борьбы страдают как одержавшіе побѣду, так и побѣжденные. Побѣдители становятся хилыми, неустойчивыми, не могущими существовать без возбудителей, как алкоголь, табак, морфій и проч.,—в высокой степени возбудимыми, неуравновѣшенными и склонными к паденію при малѣйшем напряженіи. Их побѣда стоит им очень дорого и далась за счет их организма.—Побѣжденные являются уже органически дефективными, носящими разныя, быть может, физическія болѣзни, как: сифилис, алкоголизм, подагру,

ревматизм, неврозы—эпилепсію, психозы и проч., — пріобрѣтенные в жизненной борьбѣ за существованіе.

Таким образом, и побѣдитель, и побѣжденный являются потерпѣвшими; их нервная система оказывается подорванною, неуравновѣшенною и неустойчивою... Все бы это было еще ничего, если бы дѣло ограничивалось только потерпѣвшими; но дѣло в том, что это состояніе неустойчивости, неуравновѣшенности и подорванности родителей отражается и на слѣдующих поколѣніях. В этом смыслѣ на первый план выступает *наслѣдственность*. Если родители стали нервными и неустойчивыми случайно, под вліяніем жизненных условій, то их дѣти становятся нервными и дефективными уже органически. Эта недостаточность в различных случаях может выражаться весьма разнообразно и общій исход всѣх этих состояній будет тот, что если своевременно не принять надлежащих мѣр, то всѣ они поведут дальнѣйшія поколѣнія к вырожденію.

Так дѣйствует наслѣдственность. Не лучше дѣйствуют условія суще-

ствованія лично на людей крѣпких, мощных, с неподорванною нервною системой. Наш вѣк, говорят, есть «нервный вѣк». Это вѣрно, и не только потому, что в теченіе его развилась масса нервных людей,— нѣт, еще и потому, что он повысил борьбу за существованіе и не дал противовѣса в видѣ общераспространенности гигіенических и діэтетических знаній.

Уже с первых недѣль и мѣсяцев существованія, ребенок сплошь и рядом ставится в неправильныя условія питанія. В одних случаях его слишком много кормят мясом и вином, дѣлая из него перераздраженнаго хищника; в других случаях, за недостатком питанія, он становитя хилым, вялым и слабым, вслѣдствіе слишком бѣднаго, количественно и качественно, кормленія и содержанія.

Начатое питаніем продолжается воспитаніем и образованіем, чрезвычайно обширным, безсистемнымъ нерѣдко безцвѣтным и безполезным. Все это гонится в короткій срок. Ребенок переутомляется, слабѣет, хилѣет и, закончивши общее воспи-

таніе, становится в положеніе человѣка совершенно безпочвеннаго. Оказывается, что, послѣ многих лѣт ученія и мученія, он является все таки негоднымъ для жизни, и, чтобы быть полезным себѣ и другим, должен *начать свое обученіе вновь*, специализироваться. Но самое худшее в пройденных им 7—8 годах обученія—это крайняя односторонность воспитанія. Люди прилагают всѣ усилія к тому, чтобы нетолько надсадить мозг и переутомить центральную нервную систему,—но вмѣстѣ с тѣм задержать развитіе физическое, ослабить его, обезсилить и довести до полнаго истощенія. Нѣт ничего тяжелѣе и вмѣстѣ с тѣм комичнѣе, как смотрѣть на хилых, блѣдных, слабых, худых и истощенных наших гимназистов, изучающих описанія гимнастических игр и учрежденій греческих гимнастов...

Но этого мало. Становясь спеціалистом, современный человѣк становится спеціалистом до жалкой крайности. Если человѣк идет по дорогѣ литературнаго труда, то почти невозможно от него требо-

вать, чтобы он занимался физическим трудом; если он учитель, то только учитель и т. д. Если в общем образованіи нас поражает безсистемная разбросанность, ведущая к безпорядочности и неустойчивости, то в дальнѣйшей жизни нас поражает узкая спеціализація, изсушающая организм и безусловно ведущая к переутомленію и раздражительности. Но еще важнѣе во всем этом характер самой дѣятельности. Жажда быстрой наживы, чрезмѣрная конкуренція, цѣлый ряд неудач, несчастій и потрясеній, невѣроятно напряженная, чрезмѣрная и непосильная дѣятельность, колебанія, опасенія и ожиданія, связанныя с борьбой,—все это ведет к переутомленію и перенапряженію. И мы думаем, что *переутомленіе и перенапряженіе является одною из могущественных причин, обусловливающих вырожденіе*. Излишніе часы труда обезсиливают тѣло и мозг. Естественное утомленіе вызывает крѣпкій сладкій сон, а чрезмѣрное утомленіе отдаляет такой сон и напрягает нервную систему. Ужасная спѣшность современной

жизни требует постояннаго разряженія нервной энергіи и наша нервная сила является преждевременно растраченной.

Далѣе, одним из *неблагопріятных жизненных условій, способствующих развитію нервности, служит жизненная спеціализація.* Работая только в одной области, люди с одной стороны слишком переутомляют данный отдѣл нервной системы, а с другой оставляют в недѣятельности всю остальную нервную систему;—результатом такого состоянія будут: слабость и неустойчивость всей нервной системы, несоотвѣтствіе между отдѣльными частями ея и переутомленіе спеціальной ея части.

Но это еще не все. Работая свыше сил, работая чрезмѣрно и до полнаго утомленія, современный человѣк впадает в ошибку и в своей діэтѣ. Он старается поддержать себя мясом, мясом и мясом. Правда, мясо необходимо при усиленном умственном трудѣ, но еще болѣе оно должно составлять пищу человѣка, занимающагося физическим трудом. У нас же жизнь склады-

вается так: работник физическаго труда не видит мяса, работник умственнаго труда потребляет его через мѣру. У перваго организм и вся нервная система падают *от недостатка* питательнаго матеріала,— у втораго—*от избытка*, так как, при отсутствіи физическаго труда, у послѣдняго мясо в большом количествѣ не достигает степени окончательных продуктов окисленія и остается в организмѣ в видѣ продуктов неполной метаморфозы, дѣйствующих весьма раздражительно на нервную систему. Таким образом, под вліяніем хотя бы и усиленнаго внесенія питательных веществ, но за то неправильнаго образа жизни, у современнаго человѣка происходит самоотравленіе недокисленными продуктами обмѣна веществ, а, быть может, и птомаинами.

Но еще худшее заключается в том, что современный надорванный человѣк, как недоучившійся, так и переучившійся, ищет себѣ поддержки в наркотических веществах (алкоголѣ, табакѣ, морфіѣ и т. д.). Этот злой дух (spiritus) потому опасен, что, будучи исполнен зла, он обле-

кается в пріятнѣйшую форму. Он дает временное забвеніе пострадавшим и униженным; он приносит успокоеніе возбужденным, он дает временно силы и энергію падающим душою и тѣлом. К несчастію, этот универсіальный цѣлебный бальзам, давая моментальную искорку жизни, сжигает весь организм и доводит его нервную систему до полнаго истощенія и паденія.

Мы не скоро окончили бы нервную мартирологію современнаго человѣка, еслибы вздумали перечислить всѣ неблагопріятныя условія, способствующія его вырожденію. Получая, в огромном большинствѣ, неустойчивую нервную организацію от своих родителей, современный человѣк плавает в житейском морѣ между такими шхерами и подводными камнями, что нужно имѣть много силы воли, устойчивости характера и пониманія правильной жизни, чтобы если не совершенно разбить, то по крайней мѣрѣ, не искалечить своего организма до степени непригодности.

Из всего вышесказаннаго мы усматриваем слѣдующее: условія

современной жизни очень значительно измѣнились против прежняго. Эти жизненныя измѣненія повліяли и на проявленія болѣзненнаго нервнаго типа, сдѣлали его болѣе совершенным и утонченным, но вмѣстѣ с тѣм и болѣе нѣжным, неустойчивым и хрупким. Его силы не выдерживают борьбы, и он вынужден падать. *Человѣк вырождается.* Долг его братьев оказать падающему поддержку; долг врача—противиться вырожденію. Для этого прежде всего требуется тщательно изучить главныя причины вырожденія.

II.

Разсматривая идеальнаго средняго человѣка, современно-образованнаго, мы представляем себѣ существо, обладающее знаніями, принесенными послѣдним словом науки, мыслями современнаго общества, желаніями, стремленіями и побужденіями, не расходящимися с таковыми же даннаго кружка, в котором он вращается, поступками и дѣйствіями соотвѣтствующими интересам личным и того общества, членом котораго он

состоит. Словом это будет личность законченная, обладающая свободною, разумною волею и проявляющая в своих дѣйствіях и поступках данную общественность.

Но, спрашивается, в какой же мѣрѣ это существо является свободным или со свободною волею? Такой человѣк должен жить жизнью даннаго общества: он должен мыслить так, как мыслят и его ближніе; он должен поступать так, чтобы не задѣть интересов близких людей,—иначе он попадет в разряд *безпокойных людей*, а то и преступников; он должен имѣть чувства, желанія, побужденія и стремленія, сотвѣтствующія таковым же окружающих:—иначе его могут принять за атавистическое существо, дегенерата, эпилептика и проч. Словом, современный человѣк должен быть плотью от плоти и кровью от крови современнаго общества. Он должен быть таким, как всѣ,—в противном случаѣ его изъемлют из общества в тюрьму, сумашедшій дом, или на висѣлицу. Умственный и нравственный уровень современнаго общества есть та нивелировка, тот жиз-

ненный процесс, который всѣ отдѣльныя единицы приводит к одному знаменателю, уравнивает их и дѣлает подобными. Таким образом, одно из важнѣйших условій бытія нормальной личности—это *отраженіе условій существованія в данный момент человѣчества, государства, общества, семьи.*

Но всѣ мы знаем, что тот или другой жизненный момент человѣчества и общества есть естественный плод и слѣдствіе предшествовавших исторических событій в связи с природными условіями существованія. Эта исторія прошлаго в одинаковой мѣрѣ вліяет как на все человѣчество, так и на отдѣльнаго человѣка. Она вносит в его настоящее свое вліяніе, свое отраженіе, свое воздѣйствіе и отмѣчает на нем тѣ черты, которыя, в сочетаніи с текущими событіями, создают своеобразную, для него отличительную, черту настоящаго. Всякое настоящее есть производное от прошедшаго и совершающагося нынѣ, и будет имѣть свою физіономію, то болѣе похожую на прошлое, то менѣе похожую, в зависимости от преобла-

данія воздѣйствій прошлаго или событій настоящаго. Что можно сказать об обществѣ и человѣчествѣ, тоже можно сказать и об отдѣльном человѣкѣ: он есть несомнѣнный плод как нынѣ текущей жизни, так и предшествующей. Поэтому на личность человѣка в данный момент, кромѣ современных жизненных условій и воздѣйствій, вліяют еще *условія предшествовавшей жизни.*

В этих предшествовавших условіях жизни личности мы должны, однако, расчленить воздѣйствіе воспитанія и тѣх вліяній, которыя отражаются на человѣкѣ по окончаніи им воспитанія и образованія. Несомнѣнно, что из этих дѣятелей болѣе сильным и могущественным окажется воспитаніе, уже потому, что оно падает на почву невоздѣланную, свободную и открытую для сѣянія. Сѣмена, брошенныя в это время, приносят наиболѣе совершенные плоды, потому что почва дѣтскаго возраста имѣет очень мало терній и волчцов, и потому семѣна могут возрастать незаглушенными и на полном просторѣ. Таким образом открывается третье воздѣйствіе на

человѣка и воздѣйствіе весьма могущественное — *воспитаніе*.

Но самое воспитаніе, — понимая его в наиболѣе широком смыслѣ: питанія, обученія, образованія и т. д., — не является первым фактором, отражающимся на личности. Ему предшествует наслѣдственность; ему предшествуют черты и свойства организма, унаслѣдованныя от родителей в момент зачатія. Рожденный младенец не есть, однако, tabula rasa, — вощаная пластинка, на которой можно написать все то, что угодно родителям и воспитателям. Нѣт на ней написан уже первообраз, в котором можно дѣлать исправленія, дополненія, операціи и пересадки: но в основѣ все таки будут лежать унаслѣдованныя черты, и так как эти унаслѣдованныя особенности будут органическаго характера, то по этому самому онѣ будут прочно укрѣплены и весьма трудно изгладимы, и зачастую остаются пожизненно для передачи из рода в род, из поколѣнія в поколѣніе. Является новый фактор, влія-

ющій на выработку личности человѣка,—*наслѣдственность*.

Итак, вполнѣ сформированный современный человѣк явится производным слѣдующих сил: наслѣдственности, воспитанія, условій прежней жизни и условій существованія даннаго момента. Всѣ эти воздѣйствія очень могущественны и вліятельны. Нерѣдко они входят в борьбу друг с другом. Эта борьба бывает весьма ожесточенною и создает тот тип, который служит идеалом для окружающих, или самого человѣка. Не рѣдки случаи, когда дурная наслѣдственность искореняется воспитаніем и, наоборот, доброкачественная наслѣдственность портится воспитаніем и дает плод, по внѣшности добрый, а по существу испорченный. Такая же борьба бывает между наслѣдственностью и воспитаніем с одной стороны и условіями дальнѣйшей жизни—с другой. Горе тому человѣку, у котораго эта ломка ведет к несчастію и паденію,—и благо тому, у кого выправка и ломка имѣют цѣлью исправленіе грѣхов родителей и воспитателей.

Всѣ вышесказанные факторы мо-

гут влiять на человѣка благодѣтельно, могут влiять и гибельно. В послѣднем случаѣ, человѣку и человѣчеству приходится бороться и принимать мѣры к искорененiю причиненнаго им зла. А для того, чтобы болѣе или менѣе успѣшно бороться с ними и побѣждать—нужно их знать, нужно изучать.

Я позволю себѣ коснуться одного из этих факторов и показать, что наука сдѣлала в этом отношенiи кое-что, добыла свѣдѣнiя и получила кое-какiя данныя, дабы просвѣтить человѣчество в дѣлѣ борьбы с дурными плодами этого дѣятеля. Я коснусь наслѣдственности. Это особенно важный фактор, так как он, в неблагопрiятных случаях, наиболѣе способствует вырожденiю отдѣльных членов общества, а иногда и всего общества.

Что такое наслѣдственность? Наслѣдственность—это отраженiе в зародышѣ свойств родительской организацiи. Зарожденiе и наслѣдственность — понятiя нераздѣльныя. Раз происходит зарожденiе, то и этот зародыш должен быть человѣческим существом со всѣми его

свойствами. А так как этот зародыш есть плоть от плоти и кровь от крови родителей, то он и должен воплотиться в образѣ и подобіи родителей. Отвлеченнаго человѣка нѣт. Существует реальный человѣк. Производное от этого реальнаго только и может быть похоже на производящаго. Так это наблюдается в растительном царствѣ, так бывает в животном царствѣ, также должно быть и в человѣческом родѣ. Подобіе рожденнаго рождающему есть біологическая неизбѣжность. Этот процесс подобія рождаемаго рождающему есть біологическій закон. Правда, из этого закона существует исключеніе. Бывают случаи, когда от родителей, обычно имѣющих одну голову, двѣ руки и проч., рождается ребенок о двух головах, четырех руках и проч., но эти явленія представляют болѣзненное исключеніе, которое существует как бы для того, чтобы еще больше утвердить физіологическій закон.

Итак, наслѣдственность и зарожденіе, при обычном теченіи животной жизни, есть явленіе нераздѣль-

ное и неизбѣжное, настолько роковое, что составляет собою закон. Каждый человѣк своим происхожденіем на свѣт, своим бытіем, обязан двум микроскопическим элементам: сперматозоа отца и яичку матери. При встрѣчѣ этих двух элементов, происходит оплодотвореніе послѣдняго первым, каковым способом совершается акт зарожденія. С зачатіем новой жизни происходит разрушеніе первых двух элементов и зарожденіе новаго будущаго человѣка. Таким образом, на развалинах и обломках стараго возникает новая живнь и появляется новый организм. Остатки стараго служат колыбелью новому существу. Невольно является вопрос: каким образом два микроскопических элемента—сперматозоа и яичко — дают жизнь столь сложному организму, как человѣческій? Каким образом из этих простѣйших начал создается организм с многочисленными органами и сложнѣйшими тканями? Тайна сія велика. Это явленіе не только нам неизвѣстно, но мы не приблизились даже к его теоретическому объясненію и пониманію. Spencer,

Darwin, Häckel и другіе знаменитые ученые пытались создать теоріи наслѣдственности, но и они не могли разгадать тайны проявленія наслѣдственности.

Если для нас остается невыясненным вопрос, каким образом микроскопическое существо — зародыш—в дальнѣйшем разростается в весьма сложный организм, совершенно подобный родительскому, то не менѣе темным остается и другой вопрос: каким образом качества родителей в зародышѣ передаются не только в общих чертах, а до мельчайших подробностей? Далѣе, в актѣ зарожденія участвуют два лица—отец и мать. В большинствѣ случаев дѣти похожи и на отца и на мать; в других случаях одни дѣти похожи на отца, другія на мать,—еще в иных случаях только лишь на отца, или только на мать. Почему все это совершается так?... Это опять тайна. Несомнѣнно, что в процессѣ наслѣдственности происходит борьба двух начал: отцевскаго и материнскаго. Сперматозоа является представителем и носителем свойств и особенностей отца, и

еслибы вся сущность заключалась в нем то всѣ дѣти должны были бы быть похожими на отца. Представителем и защитником интересов матери является яичко. Опять таки, еслибы оно играло главную роль, то всѣ дѣти были бы похожи на мать. Но на дѣлѣ и это не так. Вновь нарождающееся существо заимствует часть свойств и особенностей у отца, а часть—у матери.

Чѣм обусловливается в этом случаѣ выбор—остается опять таки невыясненным. Наблюденія показали, что черты и особенности родителей, болѣе рѣзко выраженныя и существующія в данных семействах в теченіи нѣскольких поколѣній, воспроизводятся въ слѣдующих поколѣніях чаще и выразительнѣе, чѣм черты и особенности мелкія и недавно усвоенныя. Далѣе, не подлежит сомнѣнію и тот факт, что черты организаціи и особенности характера, общія обоим родителям, в потомствѣ воспроизводятся почти обязательно, тогда как качества родителей противоположныя воспроизводятся в дѣтях в несравненно слабѣйшей степени. Можно даже

сказать, что сходныя черты физической и психической организаціи родителей в их потомствѣ суммируются, тогда как различныя качества родителей в дѣтях проявляются, как бы в формѣ и напряженности разницы свойств родителей.

Эти послѣднія условія весьма важны для нас в смыслѣ пониманія наслѣдственности болѣзненных проявленій. Потомки унаслѣдуют от родителей и предков не только нормальныя особенности и качества, но и болѣзни. Если отец и мать — физически и душевно — люди здоровые, то и потомство их точно также рождается с организмом, обладающим нормальным устройством и нормальными отправленіями. Иное дѣло в тѣх случаях, когда один из родителей физически или психически болен. Здѣсь происходит борьба натур. Унаслѣдованіе отойдет на долю того из родителей, который представит большій плюс. Если организм здороваго члена семьи настолько крѣпок и мощен, что стоит несравненно выше болѣзненности другаго, то дѣти получают организм вполнѣ крѣпкій; если же ор-

ганизм здороваго родителя окажется только относительно крѣпким, то организмы дѣтей получатся если не не больными, то хилыми, неустойчивыми и склонными к заболѣванію при случайных неблагопріятных жизненных условіях.

Нужно сознаться, что до настоящаго времени наслѣдственность болѣе внимательно изучалась в области болѣзненной передачи, и очень мало изучалась физіологическая наслѣдственность. В области патологіи даже установлены законы наслѣдственности, которые, однако, имѣют только относительное значеніе. Замѣчено прежде всего, что болѣзнь может передаваться дѣтям или в том видѣ, как она проявляется у родителей, или в другой формѣ. Так, бывают случаи, когда мигрень матери передается и дѣтям в видѣ мигрени; но бывают и такіе случаи, когда у мигренозной матери рождаются вообще нервныя дѣти, а в дальнѣйшем, в жизненных условіях, на этой нервности может развиться и эпилепсія, и истерія и т. д. Та форма наслѣдственности, по которой болѣзнь передается от родите-

лей дѣтям в том же видѣ, называется *однородною*, или гомогенною наслѣдственностью; та же, по которой у дѣтей болѣзнь видоизмѣняется, носит названіе *видоизмѣненной*, или *разнородной*, (трансформаторной, или гетерогенной) наслѣдственности. Чаще всего, в формѣ однородной наслѣдственности, из нервных разстройств передается: мигрень, истерія, пьянство, склонность к самоубійству и т. п. Особенно опасна и гибельна наслѣдственность к самоубійству. Часто бывает, что эта склонность проявляется в извѣстном, для той или другой семьи, опредѣленном возрастѣ; тогда в данном возрастѣ должно крѣпко-накрѣпко слѣдить,—иначе такіе наслѣдственники неуклонно приведутъ в исполненіе свою роковую страсть. Мнѣ пришлось наблюдать душевнобольного крестьянина, у котораго повѣсился отец, повѣсилась мать, повѣсились два взрослых брата и двѣ взрослыя сестры; самого больного (меланхолика) тоже вынули из петли. Интересно, что всѣ эти случаи повѣшенія произошли въ возрастѣ между 25—30 гг. жизни.

Знаю я и другое, вполнѣ образованное, семейство, над которым тяготѣло это роковое несчастье и члены котораго в возрастѣ между 35—40 гг. или кончали жизнь самоубійством, или сходили с ума. Один из братьев заболѣл душевною болѣзнью, лечился, вылечился и уѣхал жениться по любви,—но в это время на молитвѣ сам себѣ разрубил голову...

В видѣ гетерогенной наслѣдственности появляются почти всѣ нервныя болѣзни; так, у эпилептика могут быть дѣти идіоты, пьяницы, душевно-больные и т. п.

Относительно передачи наслѣдственности дѣтям различнаго пола установлены слѣдующіе законы:

А. Закон прямой наслѣдственности, когда болѣзненныя свойства родителей непосредственно передаются дѣтям. Этот род наслѣдственности дѣлят на два вида: *прямую* наслѣдственность в собственном смыслѣ,—когда свойства отца передаются дѣтям мужского пола, а свойства матери дѣтям женскаго пола,—и *перекрестную* наслѣдственность, когда свойства отца переда-

ются дѣвочкам, а свойства матери— мальчикам. Нѣкоторые наблюдатели утверждают, что перекрестная наслѣдственность встрѣчается значительно чаще, чѣм прямая.

В. Закон возвратной наслѣдственности, или атавизма, когда болѣзни передаются от дѣда и бабки внукам и внучкам, минуя родителей. В этих случаях чаще наблюдается прямая наслѣдственность, т. е. передача болѣзненных свойств дѣда внукам и бабки—внучкам. Промежуточныя лица, повидимому, остаются здоровыми; но это только *повидимому,* потому что в сущности они были носителями болѣзни, но только у них болѣзнь была в скрытом состояніи. Жизненное их существованіе было настолько благопріятно, что не пробудило в них тяготѣющаго над ними предрасположенія к болѣзни, но эта ужасная печать отразилась на их дѣтях и создала в них болѣзнь. Это явленіе выясняет и то положеніе, почему перекрестная наслѣдственность встрѣчается чаще, чѣм прямая: та или другая болѣзнь дѣда скрытно таится в организмѣ матери и пере-

дается сыну,—таким образом, болѣзнь дѣда передается внуку, а болѣзнь бабки — внучкѣ; являясь прямою, она в сущности может быть и перекрестною.

C. Боковая или непрямая, наслѣдственность проявляется тогда, когда та или другая, унаслѣдованная дѣтьми, болѣзнь усматривается не у отца или матери, а у дяди или тетки. Очевидно, это явленіе есть только лишь частичное проявленіе закона атавизма. Родители дѣтей видимо не больны,—но та болѣзнь, которая у дятей и теток существует открыто, таится в них сокровенно и унаслѣдована как ими, так и их братьями и сестрами, от своих ро ителей, т. е. дѣда и бабки данных дѣтей.

D. Закон наслѣдственности через вліяніе,—когда дѣти втораго брака матери унаслѣдуют свойства перваго мужа. На первый взгляд это явленіе кажется странным и даже нелѣпым,—на самом же дѣлѣ оно существует и особенно хорошо извѣстно в домашнем хозяйствѣ—овцеводствѣ, конных заводах и проч. Сперматозоа от перваго отца,

находясь в утробѣ матери, питается ея кровью. Между организмом плода и матери существует тѣсная органическая связь. Кровь матери входит в организм плода, циркулирует в нем, питает его и забирает от него частицы, внося их в кровь матери. Таким образом, мать получает нѣкоторыя свойства отца через организм плода, а затѣм, в свою очередь, при беременности от второго мужа, она может отложить эти свойства в новом плодѣ и передать ему наслѣдіе от перваго отца. Самым наглядным случаем на этот раз была бы передача сифилиса перваго отца, путем оплодотворенія, организму матери, а затѣм и организму плода от втораго брака. Но подобные случаи наслѣдственности через вліяніе усматриваются и в болѣе тонких случаях: так, мнѣ приходилось наблюдать проявленіе наслѣдственнаго самоубійства от самоубійцы отца в потомках не только прямых, но и другого отца.

Из вышеизложеннаго явствует, что наслѣдственность представляет собою роковую необходимость передачи органических свойств от роди-

телей потомкам в момент их зачатія. Если родители будут совершенно здоровы физически и психически, то ихъ дѣти будут также здоровы,— мало того, они могут быть крѣпче и здоровѣе одного из родителей, если другой особенно крѣпок и мощен в физическом и умственном отношеніи. Таким путем может произойти физическое и психическое *укрѣпленіе и совершенствованіе рода человѣческаго.*

Если один из родителей слаб физически или психически, другой же, напротив, мощен и притом наслѣдственномощен, происходя от прочнаго родового дерева, то в наслѣдственной борьбѣ, при передачѣ родительских свойств, почти всегда берет перевѣс организація крѣпкая и мощная, и в этих случаях получается *возрожденіе* слабаго и хилаго рода одного члена в мощном и крѣпком другом членѣ. Вот почему при заключеніи браков, было бы полезно сочетаніе членов хилых и сильных для обновленія и укрѣпленія общества. Разумѣется, это pium desiderium. Нынѣ, при заключеніи браков, преслѣдуются только—

или личныя тяготѣнія, или матеріальные разсчеты.

Организм одного родителя может быть мощным, крѣпким и здоровым; организм другого—больным. Если болѣзнь больного члена не имѣет рѣшительно никакого созвучія в организмѣ другого, если она наталкивается, напротив, на особенную крѣпость в данном организмѣ, то дѣти могут быть вовсе не болѣзненными на вид, но предрасположенными к заболѣванію в данной области при неблагопріятных жизненных условіях, и, наконец, хилыми и слабыми в данном органѣ. Такая квалификація зависит от многих условій: благопріятнаго или неблагопріятнаго теченія беременности, условій жизни матери в этот момент, благополучія родов и т. д.

Оба родителя могут быть хворы и слабы. Их дѣти суммируют в себѣ ортицательныя их качества; послѣдствіем такого состоянія будет полное *вырожденіе*, которое, какъ увидим, влечет безплодіе, выкидыши, мертворожденность, смерть в дѣтском возрастѣ, идіотизм и т. п.

Не можем не остановиться на

одном весьма интересном явленіи в области наслѣдственности. Замѣчено, что у умных отцов нерѣдко рождаются дѣти-неудачники, далеко не подобныя своим родителям. Интересное объясненіе этому явленію дает Darrière. По его мнѣнію существует для каждаго рода свой *тип*. Случается, однако, что от этого типа рода происходит отклоненіе. Так, в подобной семьѣ может появиться геній, может появиться умственно выдающійся человѣк и т. д. В таких случаях баланс средняго родового типа нарушается, и избыток дарованій, данный природой одному члену семьи, должен быть восполнен недочетом у других членов.

III.

Итак, в силу рокового закона наслѣдственности, для рождающихся представляется уже нѣкоторое предопредѣленіе их организаціи. Они будут совершеннѣе своих родителей, если оба родителя будут вполнѣ здоровыми и, помимо общих свойствъ, представляют в различных направ-

леніях отдѣльныя мощныя черты; они будут средними людьми, если родители умѣреннаго здоровья; они будут хилыми, если один из родителей болен; они пойдут по пути вырожденія и вымиранія, если оба родителя больны и притом—особенно—одною и тою же болѣзнью.

Обращаясь к настоящему времени, мы видим, что нашъ вѣк по справедливости считается «нервным вѣком». Борьба за существованіе достигла крайняго напряженія. Нервная система у всѣх работает до переутомленія. И таким образом жизнь идет из года в год. Нервные родители передают свою переутомленную нервную систему дѣтям, а послѣднія, получив ее неустойчивою и расшатанною, доводят до послѣдняго напряженія и истощенія, и невольно попадают на путь вырожденія и вымиранія. А жизнь и вся обстановка еще болѣе способствуют тому.

Современному обществу нужно подумать о том, как бороться, что противопоставить ей и какія мѣры намѣтить для успѣшной борьбы с нею. Первый успѣх в войнѣ—тща-

тельное знаніе свойств и качеств врага. Для удачной борьбы с нервностью нужно прежде всего изучить причины ея. Мы остановимся главным образом на тѣх причинах, которыя воздѣйствуют на современнаго человѣка, как сами по себѣ, так и путем наслѣдственности. В этом отношеніи должно отмѣтить главными причинами: множество случаев душевных заболѣваній, слишком большую распространенность нервных болѣзней, чрезвычайно частое пьянство, не менѣе частыя секретныя болѣзни, кровное по духу и тѣлу родство брачущихся и проч.

Душевныя болѣзни распространены въ обществѣ болѣе, чѣм мы об этом думаем. По точной статистикѣ, в отдѣльных частях имперіи *на 1000 здоровых людей приходится 2—3—5 душевно-больных.* Это число увеличивается для городов и *особенно для столиц.* Но если мы даже примем для Петербурга 3 душевно-больных на 1000 здоровых, то и тогда в нем в настоящій момент представится *психопатическая армія болѣе чѣм в*

3000 человѣк! Если мы допустим, что из них женатых 50% и каждая такая жена имѣет 3 ребят, то этимъ самым в будущем для Петербурга предназначается 4.500 инвалидов, которые уже сами в себѣ носят вырожденіе и предназначены к вымиранію. Еще несравненно обильнѣе и распространеннѣе в обществѣ *нервныя болѣзни*: нейрастенія, истерія, эпилепсія, мигрень, пляска св. Витта, Базедова болѣзнь и множество других извѣстных и неизвѣстных нервных заболѣваній. Всѣ они не остаются безслѣдными для дѣтей и при неблагопріятных брачных и жизненных условіях ведут в дальнѣйших поколѣніях к сумасшествію, идіотизму и вымиранію.

Преступный и порочный образ жизни родителей безусловно отражается на дѣтях, передаваясь то в прямом видѣ прирожденной преступности и пауперизма, то в видоизмѣненіи—в формѣ эпилепсіи, дипсоманіи, нравственнаго помѣшательства, идіотизма и вымиранія. Цѣлый ряд таких авторов, как Despine, Thomsen, Legrand du Saule, Solbring, а у нас Д. А. Дриль, дока-

зали *тѣсную связь преступности с душевными болѣзнями*, взаимоотношеніе и их пагубное вліяніе на потомство; новѣйшія же изслѣдованія Ottolenghi, Roncoroni, Tonnini и др. итальянцев ставят преступность в сестринское родство с эпилепсіей и нравственным помѣшательством, и тѣм самым уже накладывают на нее печать вырожденія [1]).

Существуют в человѣческом обществѣ два врага его, дѣйствующих необыкновенно гибельно и притом дѣйствующих непосредственно и посредственно. Непосредственно,—губя тѣх, кто им прямо подвергается, посредственно,—губя потомство, путем наслѣдственности. Это будут: пьянство и сифилис или люэс. Употребленіе спиртных напитков производит двоякое измѣніе в нервной системѣ пьющаго: 1) оно вызывает состояніе опьяненія, т. е. временное ненормальное состояніе головного, мозга, временное отравленіе, которое с выведеніем алкоголя из организма, освобождает нервную систему от

---

[1]) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Психологія преступника. Изд. 3, 1903 г.

воздѣйствія и дозволяет ей прійти вновь в прежнее состояніе, —это будет, так сказать, мимолетное помѣшательство, происшедшее вслѣдствіе вольнаго отравленія организма и нервной системы спиртными напитками, и 2) ряд повторных опьяненій вызывает в элементах головного мозга такія измѣненія, которыя не проходят уже безслѣдно с выведеніем спирта, а производят болѣе или менѣе стойкія нарушенія в них. В первом случаѣ происходят временныя измѣненія химическаго состава нервных элементов,--во втором—болѣе или менѣе длительныя, а иногда и пожизненныя.

Тот факт, что случайное опьяненіе может отразиться в зачатіи и потомствѣ—явленіе не тайное и извѣстно было еще в классической древности. Діоген, по отношенію к одному глупому ребенку, сказал: «его отец был пьян, когда мать его зачала». Вулкан родился хромым, потому что зачат был от пьянаго Юпитера. Плутарх писал ebrii genunt ebrios. Карѳагенскій закон запрещал мужчинѣ пить что либо

опьяняющее в тот день, когда он имѣл сожительство с женщиной. Очевидно, уже древніе народы хорошо знали, что *опьяненіе не безопасно не только для пьющаго, но и для его потомства.* А как часто грѣшат против этого и сколько несчастій совершается на землѣ, благодаря человѣческому легкомыслію-увлеченію, страсти и скотскому побужденію! Но еслибы зло, причиненное алкоголем человѣчеству, ограничивалось только этим, то оно было бы слишком ничтожно, чтобы на нем останавливаться. Я указал на данное явленіе только с тою цѣлью, чтобы показать, что даже случайное опьяненіе не безопасно в смыслѣ плохаго вліянія на зарождающееся в таком состояніи потомство.

Перехожу к хроническому опьяненію. Много ли вообще на свѣтѣ пьяниц и много ли их в нашем отечествѣ? Что наш мужик спился— это так общеизвѣстно, что и говорить не стоит. А вот что наш «интеллигент» пьяница, на это указать слѣдует. И этот интеллигент — пьяница гораздо больший,

чѣм мужик. Мужик пьет раз в недѣлю и, слѣдовательно, его пьянство періодическое, сводящееся на единичное простое опьяненіе, а интеллигент пьет изо дня в день. Не ради горя и недостатка он пьет, а от излишка; пьет и в праздник, и в будни, и перед обѣдом, и перед ужином, и за ужином, и послѣ ужина, и за картами, и в театрѣ, и в саду... Гдѣ только он не пьет?.. Теперь спросим, кто же настоящій пьяница: мужик или интеллигент? Посмотрите вокруг себя и увидите, что черезчур пьющих очень и очень много. Если вы захотите поставить вопрос ребром: много ли в интеллигентном обществѣ пьяниц? то и тогда вы должны отвѣтить: их больше, чѣм в деревнѣ. Положительно говорю: я не знаю ни одного порядочнаго семейства, в болѣе или менѣе отдаленном кружкѣ котораго не было бы пьяницы. И это я говорю о пьяницѣ «заправском», пропивающем свою честь и доброе имя... А теперь возьмите других людей: людей порядочных, приличных, милых, принятых в обществѣ, но любящих «заложить», «быть с мухой»,

«немного выпить» и т. п. Их неисчислимое количество! А вѣдь это уже пьяницы, это люди которые *не могут обойтись без алкоголя*. Это люди, для которых алкоголь составляет необходимую принадлежность их плоти и крови.. А скольких вы знаете, писателей, поэтов и и художников, которые могут «творить» только в чаду опьяненія алкоголем, кофе, морфіем и т. п. Увы, все это уже пьяницы, а их дѣти — потомки пьяниц, обреченные на вырожденіе. Тяжело, грустно и жалко сознаться, но это вѣрно.

Что же дѣлает пьянство? Изслѣдованіе Eccheveria Russel'я, мои личныя [1]) и многих других говорят, что эпилептики въ 60% имѣют родителей-пьяниц. Мы не имѣем точных цифр для неврастеніи, истеріи и мигрени, но не подлежит сомнѣнію, что и в этих болѣзнях пьянство родителей играет немалую роль. Совершенно вѣрно и то, что наслѣдственно передаются дѣтям: страсть, неудержимая, болѣзненная страсть

[1]) *Проф. П. И. Ковалевскій*. Эпилепсія и ея леченіе, изд. 3, 1900.

к пьянству, склонность к самоубійству, идіотія, всѣ явленія психическаго вырожденія, нравственное помѣшательство и т. п. Таким образом, наслѣдственность нервных заболѣваній от родителей психопатов и нейропатов усиливается наслѣдственностью пьяниц. И нужно сознаться, что этот вид нейропатической наслѣдственности—богатѣйшій, чѣм первые, ибо, во первых, пьяниц на свѣтѣ несравненно больше, чѣм душевно и нервно-больных; а, во-вторых, самыя душевныя и нервныя заболѣванія родителей во многом зависят от их собственнаго пьянства.

Дарвин полагает, что у пьяниц потомство вымирает в четвертом поколѣніи. Morel приводит слѣдующую схему вымиранія потомства пьяных: 1-е поколѣніе — извращеніе нравственности, алкогольныя излишества; 2-е поколѣніе—пьянство, маніакальные приступы, общій паралич; 3-е—ипохондрія, меланхолія, taedium vitae, стремленіе к самоубійству и 4-е—слабоуміе, идіотизм и вымираніе семьи.

Таким образом, *конечный ис-*

ход наслѣдственности алкоголиков—постепенное вырожденіе и полное вымираніе.

Но есть еще болѣе сильный враг человѣчества,—сильнѣйшій, чѣм соединенные вмѣстѣ нейропатологическая наслѣдственность и пьянство.—Это болѣзнь, которую нѣмцы и русскіе называют французскою, французы—испанскою и т. д., при чем всякая національность от нея открещивается и всякая національность несет ей большую дань. Это *сифилис.* Врагъ этот является опаснѣйшим, во-первых, потому, что он страшно распространен; во вторых, потому, что он сильно и почти неотразимо дѣйствует на потомство; в третьих, потому, что его скрывают и не лечат своевременно, и, в четвертых, потому, что его часто просматривают и родители и врачи. Это болѣзнь, о которой говорят только в медицинских аудиторіях, самое названіе ея ужаснѣй всякаго жупела и упоминаніе этого слова перед кѣм либо в пріемной гостинной равнялось бы закрытію перед ним дверей всѣх гостинных цивилизованнаго міра. Ни одна порядочная

женщина не смѣет знать это слово под страхомъ лишиться званія порядочной женщины. Мужчины в разговорѣ между собой если и позволяют говорить об этой болѣзни, то только лишь по отношенію к третьему, отсутствующему, лицу. Никто из этих больных,—хотя бы о его болѣзни вѣдомо было всему міру,—не рѣшится открыто заявить о своей болѣзни. Весьма многіе больные, при совѣтах с врачем, скрываютъ от него свою болѣзнь. Даже проказа не пользуется в обществѣ столь дурной славой, как данная болѣзнь. Это болѣзнь позорная, неприличная, непозволительная для порядочнаго общества, самое названіе которой недопустимо для упоминанія в обществѣ...

Вѣроятно, она и не встрѣчается в обществѣ? Вѣроятно, эта болѣзнь свойственна лишь общественным отбросам, подонкам общества и отщепенцам, которым доступ в общество не только загражден, но и немыслим? Увы, нѣт и нѣт! К ужасу и насчастью общества, эта страшная болѣзнь поражает *больше всего жителей городов*, преимуще-

ственно молодежь и притом молодежь состоятельную, образованную, «золотую молодежь», аристократію, и не щадит даже владык міра сего. К ужасу и несчастію эта болѣзнь распространена, и распространена очень сильно в самом лучшем обществѣ, между аристократіей рода и аристократіей ума. Если я позволяю себѣ нарушать «общественныя приличія» и заговорить об этой болѣзни открыто и публично; если я рискую подвергнуться общественной цензурѣ и даже общественному остракизму, то это потому, что видѣл очень и очень много зла от этой болѣзни в том обществѣ, на служеніе которому я отдал свою жизнь, и чтобы предупредить его о той страшной опасности, которая грозит ему от него самого.

Эта болѣзнь, как и самое ея названіе, считаются неприличными и позорными от способа и мѣста полученія ея. Да, было время, когда эта болѣзнь получалась неприличными и непозволительными путями. Но теперь далеко не то. В настоящее время люэс среди нас, с нами, и нерѣдко в нас самих, хотя

мы того и не подозрѣваем. Как ужасно сознаться и сказать открыто, что милая, вполнѣ благовоспитанная прекрасная дѣвушка, выходя замуж, получает эту ужасную болѣзнь, от искренно любящаго ее мужа! Как ужасно сказать, что патріархальная и вполнѣ почтенная мать, всѣми любимая и уважаемая, получает эту болѣзнь, цѣлуя горячо любимаго ею сына, надежду и опору семейства! Как ужаснѣй еще сознаться, что наши дѣти гибнут и гибнут, благодаря тому, что их отец был когда-то больным....! Да, эта болѣзнь *ужасна*, а *не позорна*. Она губит того, кто ею поражен, она губит близких ему людей, она губит потомство. Что может быть ужаснѣй этой болѣзни?... Молчать ли о ней? скрывать ли ее долѣе?.. Если мы все будемъ молчать, то об этом заговорят камни и позор должен пасть на голову того, кто знает об этой ужасной болѣзни и молчит.

Нѣт, необходимо говорить и говорить об этой болѣзни. О ней должны знать всѣ: должен знать отец, чтобы охранить семейство,

должна знать мать, чтобы о злѣ предупредить своевременно дѣтей своих; должны знать сыновья, чтобы остеречься от этой ужасной проказы; должны ли знать дочери...—это ваше дѣло. Как хотите, так и поступите в этом отношеніи.

Повторяю, это болѣзнь ужасная и необыкновенно сильно распространенная в нашем образованном и состоятельном обществѣ. Проникая в организм, яд этой болѣзни может поражать всѣ органы нашего тѣла, но болѣе всего тот из них, который почему либо является наислабѣйшим и может оказать ядовитому веществу наименьшее сопротивленіе. Вот почему у страдающих или предрасположенных к страданію печени он скорѣе всего поразит печень; у страдающих легкими — легкія; у страдающих нервными болѣзнями или предрасположенных к этому—нервную систему. А так как наше общество нервно по преимуществу, то эта болѣзнь наичаще проявляется в области мозга и нервной системы. Как часто головныя боли многих умственных работников обязаны своим происхожденіем люэсу!..

Сколько случаев обмороков у взрослых людей обязаны своим происхожденіем тому же источнику. Множество случаев отнятія языка у взрослых и паралича у молодыхъ людей—чисто от этой болѣзни. Как часто припадки эпилепсіи являются тоже принадлежностью ея. А прогрессивный параличъ и спинная сухотка? Наука говорит, что послѣдніе на 80% ей обязаны своим происхожденіем. Если мы будем снисходительны и допустим, что спинная сухотка и прогрессивный паралич развивается от этой болѣзни только в 50%, то и тогда сколько несчастій бывает послѣдствіем этого! Развѣ не жалко жен, которыя своимъ малокровіем, истощеніем и худосочіем всецѣло бываютъ обязаны болѣзни своих мужей?.. Развѣ мы не знаем, сколькими выкидышами жены обязаны своим мужьям?.. Развѣ не больно смотрѣть, как масса дѣтей умирает, благодаря болѣзни своих родителей; развѣ не ужасно смотрѣть на уцѣлѣвших дѣтей этих людей. Вѣдь всѣ эти дѣти носят в себѣ зачатки болѣзни родителей то в видѣ французской

болѣзни, то въ видѣ золотухи, то в видѣ других проявленій болѣзни.

В том то и бѣда, что от этой болѣзни страдают не только получившіе ее, но и их близкіе, и дѣти. Всякая болѣзнь есть несчастіе. И чѣм эта болѣзнь сильнѣе, тѣм несчастіе больше. Французская болѣзнь—несчастнѣйшая болѣзнь и тѣм болѣе несчастен получившій ее. Но будем справедливы. Во сколько же раз несчастнѣе тѣ, кто получает эту болѣзнь не по своей волѣ—жены и дѣти! Я помню сугубое страданіе больных и за себя, и за жену, и за дѣтей,—но все таки их несчастіе меньше, чѣм тихая, глубокая скорьб страдальцев по чужой винѣ, страдальцев безсознательных и неповинных. Болѣзнь поражает не только тѣх, кто ею заражается, но и их потомство. Она передастся не только от человѣка к человѣку, но и наслѣдственно дѣтям. Дѣтям она передается не только в видѣ чистаго люэса, но и под видом золотухи и цѣлаго ряда страданій дискразических, между которыми первое мѣсто занимают пораженія нервной системы. Вот

потомство люэтиков! Прежде всего, весьма часто,—к собственному несчастью, но к общему благополучію,—больные остаются бездѣтными. Далѣе такіе больные дают массу выкидышей: болѣе 50% выкидышей обязаны своим происхожденіем благопріобрѣтенной и прирожденной французской болѣзни. У таких больныхъ часто бывают мертворожденныя дѣти; у них весьма часто умирают дѣти в первые два года жизни от судорог, воспаленія мозга, истощенія и т. п. Засим дѣти таких больных очень часто золотушны. В первые годы, у этих дѣтей часто развивается частичное воспаленіе мозга с послѣдующим развитіем эпилепсіи. Нерѣдко также у этих дѣтей встрѣчаются эпилепсія, нейрастенія, истерія, хорея, спинная сухотка, прогрессивный паралич и т. п. Бывает и так, что дѣти люэтиков до 10—12 л. крѣпки и здоровы, а затѣм начинают чахнуть, проявляя приступы истеріи, эпилепсіи, воспаленія мозга, идіотіи и т. д. Таково постомство люэтиков. Сплошь и рядом родители даже не подозрѣвают, что болѣзни их дѣтей обя-

заны своим происхожденіем именно тому злу—люэсу родителей или дѣдов, ибо люэс передается нетолько во втором, но и в третьем поколѣніи... Вот почему я позволил себѣ нарушить цѣломудріе общества и раскрыть сотую долю того, что дает болѣзнь. Я позволил себѣ эту дерзость потому, что сотни раз мое сердце обливалось кровью при видѣ страданія жен, обязанных своим истощеніем и нервными болѣзнями болѣзни мужей,—при видѣ страданія паралитиков, которые нерѣдко становились неизлечимыми только потому, что своевременно не лечились; при видѣ несчастных дѣтей эпилептиков, паралечных, истеричных; нейрастеников и проч., которыя своими страданіями были обязаны всецѣло болѣзни родителей. Пишу это потому, что вижу безвинныя страданія кротких и непорочных жертв; пишу с истинным огорченіем при мысли о грядущих несчастіях для общества от грядущаго зла, тѣм болѣе, что оно и предупредимо, и устранимо. Этот наслѣдственный агент обусловливает вырожденіе рода человѣческаго не только в ши-

роком, но и в узком смыслѣ слова. Единственным нашим утѣшеніем должно служить то убѣжденіе, что с этим несчастьем бороться можно и можно его побѣждать.

Нѣкоторые излѣдователи нашли, что очень тяжелая патологическая наслѣдственность получается в тѣх случаях, если родители состоят в *кровном родствѣ*. Так, Bauregard представил цифровыя данныя состоянія семейств в семнадцати браках кровных родных, из которых видно, что всѣх дѣтей от этих браков было 95, и из них 24 идіота, 1 глухой, 1 карлик и 37 с проявленіем физической слабости. Boudin нашел, что кровное родство дает: безплодіе, выкидыши, нейропатическое расположеніе, золотуху, бугорчатку, уродливости, албинизм и глухонѣмоту. По Esquirol'ю, сюда же должно добавить помѣшательство, а по Trousseau—и эпилепсію. Такія ужасныя послѣдствія кровнаго родства родителей едва ли возбудят особенную симпатію к заключенію браков между близкими родственниками... Тѣм не менѣе, во всем нужно быть справедливым,

тѣм болѣе в данном случаѣ. Кровное родство играет здѣсь не главную роль,—главное же вліяніе принадлежит родству болѣзней у брачащихся. Если кровные родственники — оба люди здоровые, физически и психически, и не усматривают в своем семействѣ никакого болѣзненнаго отягченія, то они смѣло могут вступать в союз, без опасенія, что их дѣти будут больны, а тѣм болѣе идіоты. Разумѣется, обратное явленіе получится в тѣх случаях, если брачащіеся носят в себѣ зародыши болѣзни, предрасположеніе или самую болѣзнь; тогда несомнѣнно потомки суммируют унаслѣдованное состояніе и дадут очень горькій плод. Но это будет лишь обычным частичным проявленіем общаго закона вырожденія, примѣнимаго по отношенію к кровным родным в такой же мѣрѣ, как и ко всякому другому браку между двумя лицами со сродными болѣзнями. Кровное родство будет имѣть значеніе только в случаях общности болѣзни брачащихся и послѣдствія такого брака будут очевидны для всякаго мыслящаго че-

ловѣка, в силу близкаго родства этих лиц.

Не менѣе дурныя послѣдствія дают иногда браки *по сродству душ*. Очень часто приходится наблюдать в обществѣ, как молодежь мужскаго и женскаго пола, очень нервная, даже психопаты, начинают проявлять особенное тяготѣніе друг к другу. Они — личности настолько «особенныя», что окружающіе, общество, и даже семья «не могут-де их понять». Их взгляды, мысли, желанія, стремленія и побужденія представляются для обычных людей странными, непонятными, непримѣнимыми, даже нелогичными и нелѣпыми. Но вот случайно сходятся эти два существа между собою и «сразу понимают» друг друга. Им не нужно долго толковать, чтобы сговориться. Они быстро сошлись, поняли друг друга, уяснили свои мысли, почувствовали симпатію, влеченіе—и брак готов. Напрасно родители и родные стараются раскрыть глаза увлеченным, уговаривают, выясняют весь вред готовящагося брака... Все это всуе: так или иначе брак заключается; а скоро

получаются и плоды этого скоропостижнаго брака «по сродству душ». Уже первые шаги их в жизни ясно показывают, что они «не поняли друг друга»... «не сошлись характерами» и являются друг другу бременем несчастьем и отравою жизни. Однако, их семейная баталія скоро разрѣшается. Они опять *понимают* друг друга: один идет направо, другой—налѣво. Ну, а если является... «плод любви несчастной», то его ждет та же участь, что и дѣтей от браков кровнаго родства...

Возраст родителей в момент зарожденія является далеко не ничтожным фактором в дѣлѣ наслѣдственности. Очень часто дѣтям стариков приходится расплачиваться за старческое увлеченіе родителей; а тѣм хуже, если родители оба вышли из того возраста, когда им слѣдовало бы имѣть дѣтей. Их организм уже слишком дряхл для того, чтобы дать новой жизни душу и тѣло мощныя и энергичныя. Начинающіеся регрессивные процессы в организмѣ, по самому естественному свойству природы,

ведут к тому, что дѣти стариков являются преждевременно стариками. Почти всегда они получают нервную систему надорванную и склонную к самым разнообразным заболѣваніям. Особенно же часто у таких наслѣдственных малолѣтних старцев появляется эпилепсія. Если слишком старый возраст брачащихся слишком неудобен для потомства, то и слишком *молодой* тоже невполнѣ благопріятен. В этом отношеніи принимается во вниманіе хилость и слабость организма и нерѣдко необдуманное злоупотребленіе жизнью. Недавно Marro сообщил слѣдующій факт: разсматривая причины развитія душевных растройств—меланхоліи и маніи,—он нашел, что на развитіе этих болѣзней огромное вліяніе оказывает возраст родителей в момент зачатія: меланхолія развивается преимущественно у людей, родившихся от престарѣлых родителей; манія же у людей, родившихся от слишком молодых родителей. Granger, провѣрявшій эти изслѣдованія, соглашается с Marro и приходит к выводу, что родители передают своим

дѣтям особенности и свойства своего характера в усугубленном видѣ, причем сдержанность и серьезность престарѣлых родителей превращается у дѣтей в меланхолію, а веселость и жизнерадостность молодых родителей в манію.

Я не стану перечислять других жизненных условій, влекущих за собою болѣзненныя проявленія наслѣдственности, так как их слишком много и они не играют особенно важной роли.

IV.

В чем же, чаще всего, проявляется вырожденіе рода человѣческаго?

Форм и видов вырожденія рода человѣческаго—безчисленное множество. Всѣ их разсматривать и тщательно разбирать—я не считаю себя достаточно сильным. Я позволю себѣ остановиться только на тѣх, проявленіях вырожденія, которыя преимущественно имѣют своим мѣстопребываніем центральную нервную систему и выражаются то боль-

шими, то меньшими уклоненіями душевной жизни, так kak таковыя уклоненія в настоящее время наиболѣе часты, наиболѣе интересны и наиболѣе требуют мѣр предупрежденія и пресѣченія.

Первым проявленіем вырожденія служит *безплодіе*. Нельзя не порадоваться тому явленію природы, что брачная пара, представляющая всѣ данныя на отраженіе в своем потомствѣ всевозможных уклоненій, часто остается безплодною. Мало того, такія лица нерѣдко носят уже в себѣ самих залог безплодія в видѣ *отсутствія сексуальнаго влеченія*, извращенія его, уклоненій в строеніи и отправленіи сексуальных органов и т. п. Так, очень многіе идіоты или лишены сексуальнаго влеченія, или представляют такія уклоненія в производительной системѣ, что уже вполнѣ обезпечивают род человѣческій от появленія подобных себѣ. Точно также и в области душевных и нервных заболѣваній дегенеративнаго типа, — kak параноя, истерія, эпилепсія, нравственное помѣшательство и проч.,—мы имѣем такія

же уклоненія в сексуальной области и тѣм самым обезпечены, что потомство от таких людей невозможно, и потому уродство находит себѣ прекращеніе в его носителях и заканчивается ими. *Отсутствіе полового чувства и влеченія,—его извращеніе и невозможность правильнаго удовлетворенія есть первое и серьезное проявленіе закона вырожденія и первый пріем природы для очищенія рода человѣческаго от элементов негодных ведущих человѣческую породу к ухудшенію.*

Если же половая способность у людей существует, то, для прекращенія распространенія и появленія на свѣт вырождающихся особей, природа обладает другою коренною мѣрою—*безплодіем*. И в этом отношеніи мы наблюдаем чрезвычайно интересное явленіе: люди с органическим порочным расположеніем очень часто остаются непроизводительными. Так, браки многих душевно-больныхъ остаются безплодными. Еще чаще мы наблюдаем безплодіе в браках прирожденных и личных люэтиков, алкоголиков и

проч. Здѣсь мы наблюдаем как бы сознательное и разумное противленіе природы появленію на свѣт и земному бытію личностей, носящих в существѣ своем, от рожденія, зачатки порочности, уродства, недостаточности и вырожденія. Но и этого мало. Иногда недостаточность наслѣдственная суммируется сложностью уклоненій обоих родителей. Это бывает в тѣх случаях, когда каждый брачущійся в отдѣльности еще не представляет большаго порока, но если этот природный недостаток окажется и у мужа, и у жены, то дѣти таких родителей могут уже дать слишкомъ большое уродство человѣческой натуры. Между тѣм, родовая производительность таких родителей существует, и если наслѣдственностъ является порочною, то только в силу однороднаго недостатка и у отца, и у матери. В таких случаях природа очень часто не допускает плод до полнаго развитія и зачатіе заканчивается ранним *выкидышем*. Но не мало и таких случаев, когда зачатіе совершается, плод питается, развивается и растет, а затѣм, на восьмом-де-

вятом мѣсяцѣ, умирает и роды совершаются мертвым плодом. Таковые выкидыши и *мертворожденія* особенно часты у родителей-люэтиков и алкоголиков. И, в данном случаѣ, природа прекращает бытіе особей, которыя при своем развитіи могли бы только быть в тягость себѣ и другим.

Вот дѣти родятся на свѣт, но не на радость своим родителям. Головка у них очень большая, сами же они хилы и слабы; на кожѣ появляется сыпь. Они часто плачут и вскрикивают. Плач нерѣдко переходит в захлебываніе и посинѣніе; такое неистовство заканчивается иногда судорогами. И эти судороги повторяются при всякой малости: насморкѣ, лихорадочкѣ, неправильном отправленіи кишечника и проч.; все это отражается на нервной системѣ. А тут еще замѣчают, что малютка косит глазами, часто вздрагивает, не спит по ночам, часто ночью неистово вскрикивает и представляет много, много разных непріятных разностей. Такія дѣтки недолговѣчны: у огромнаго большинства из нихъ развивается:

родимчик, воспаленіе мозга, сухотка и проч., и дѣтки погибают. Нам, врачам, часто приходится быть безжалостными. Мы рѣжем руки, ноги, глаза, грудь и производим прочія непріятности. И все это нам прощается. Прощается нам такая жестокость потому, что она совершается во имя любви к человѣку. Да простится нам и то, если мы скажем: и слава Богу, что такія дѣти умирают. Лучше пускай похититъ ихъ смерть тогда, когда из них не сформировался человѣк, нежели тогда, когда из них сформируется идіот, эпилептик и проч. Горе родителям—терять маленьких дѣтей, но еще большее горе, если эти дѣти—непоправимо несчастныя существа. *Преждевременная смерть дѣтей*, в огромном числѣ случаев, благодѣяніе и для человѣчества, и для семьи, и для человѣка,—разумѣется, если эта смерть происходит в вырождающихся семьях, ибо существованіе идіотов, тупоумных, душевно-больных и проч. не может составить счастья человѣка и человѣчества. Такое вымираніе дѣтей вырождающихся семейств происхо-

дит либо в первые мѣсяцы, либо в первые годы их жизни. И в том, и в другом случаѣ болѣзни, низводящія несчастных дѣток на смертный одр, помѣчены особенною печатью вырожденія — судорожностью.

И вот такія дѣти, на несчастье выскакивають из когтей смерти. Они остаются жить. Но теперь ихъ организмъ очень уязвим. Существует цѣлый ряд болѣзней. Которыя развиваются на почвѣ вырожденія преимущественно. Мы отмѣтим нѣкоторыя из них. Бывают случаи, когда у дѣток 3—4 лѣт, совершенно до того здоровеньких, вдруг развивается лихорадочное состояніе, жар бред, безсонница, безпокойство и проч. Так длится 3—5 дней. Всѣ в безпокойствѣ, всѣ в волненіи. Причина болѣзни неизвѣстна. Проходит указанный срок. Лихорадка падает, на сцену выступает паралич ножки и ручки, или обѣих ножек и ручек, и проч. Ну, теперь это ясно: это няня была виновата во всем. Она упустила ребенка, послѣдовало воспаленіе, и теперь несчастный ребе-

нокъ—*калѣка*. Да, это правда. В огромном большинствѣ случаев ребенок остается калѣкою. Ножка на всю жизнь парализована и тоньше другой; тоже и съ ручкой. Няня клянется—божится, что она и не роняла ребенка и не простуживала. Но кто же ей повѣрит? О, Господи, что за народ эти няни!... Не браните, господа. В огромном большинствѣ случаев няни тут рѣшительно непричем. Онѣ и не роняли ребенка, и не простуживали. Спросите лучше: «сей согрѣши, или родители его»? Да, нынѣ наука твердо установила тот факт, что такіе случаи дѣтскихъ параличей весьма часто случаются на почвѣ болѣзненной наслѣдственности и вырожденія. Эту болѣзнь дѣти уже носят в себѣ: они предрасположены к ней. А раньше или позже явится органическая болѣзнь—это дѣло случая, самаго ничтожнаго, самаго нустячнаго. Тѣм не менѣе, очень часто такіе параличи остаются пожизненно, парализованныя части развиваются слабѣе, чѣм здоровыя, и создают в организмѣ пожизненное калѣчество и уродство. Но и этим

дѣло не заканчивается. У такихъ людей нерѣдко уже съ дѣтства и попозже, развиваются приступы различныхъ формъ *падучей болѣзни*.

Еще хуже бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, уже съ первыхъ лѣтъ жизни, наблюдается у дѣтей пріостановка умственнаго развитія. Такіе случаи часты въ семействахъ родителей душевно-больныхъ, пьяницъ, люэтиковъ, эпилептиковъ, преступниковъ, нищихъ, бродягъ и т. п. Пріостановка развитія мозга, какъ органа душевной дѣятельности, можетъ произойти во всякомъ возрастѣ, начиная съ первыхъ мѣсяцевъ жизни и до 14—15 лѣтъ. Соотвѣтственно этому, и уклоненія въ проявленіяхъ душевной дѣятельности могутъ быть очень разнообразны. У однихъ появляется полное отсутствіе душевной жизни. Достигши 10—20 лѣтъ, такіе люди остаются совершенно безъ всякихъ знаній. Они не узнаютъ отца и матери, не умѣетъ отличать день и ночь; ѣдятъ то, что имъ даютъ, не различая пріятнаго отъ непріятнаго и чистаго отъ нечистаго; ѣдятъ столько, сколько имъ даютъ, не проявляя чувства голода, если имъ

не дают, и не выражая пресыщенія, если им дают свыше мѣры. Для них нѣт удовольствія и неудовольствія, радости и печали, добра и зла. Они не только лишены образа Божія, но далеко ниже многих животных. Таких *идіотов*, однако, не слишком много. От этого состоянія идет постепенный подъем, обогащеніе и улучшеніе душевной жизни; слѣдует ряд больных с большим запасом ума, пока не образуется переход к здоровому человѣку.

Въ обществѣ принято называть идіотом всякаго глупаго человѣка. Наука же под словом идіот разумѣетъ опредѣленный тип человѣка: человѣка с недостаточными умственными и нравственными качествами, недостаточность которых обусловилась пораженіем и пріостановкою развитія центральной нервной системы, как органа душевной жизни, — от рожденія или с первых лѣт жизни даннаго лица. Говорят, что отдѣльных форм идіотіи столько, сколько есть на свѣтѣ идіотов. Такое широкое понятіе об идіотіи и неудобно, и неправильно. Для удоб-

ства пониманія, всѣх идіотов дѣлят на три отдѣла: идіотов, тупоумных и нравствено-помѣшаных. Идіоты—это люди с полным пораженіем умственных и нравственных способностей; тупоумные (imbecillitas)—это люди, не лишенные дарованій, но крайне ограниченные, пришибленные и без способности сознательных обобщеній, — нравственно-помѣшанные (moral insanity)—люди почти всегда с полным умом, но с пораженной нравственностью. Нравственно-помѣшанные представляют собою тип частичнаго недостатка душевных способностей. Они разсуждают вполнѣ разумно и законно, а поступают безумно и преступно. Их жизнь полна преступленій и безнравственных поступков. Это эгоисты по существу, с полным отсутствіем сознанія общественных интересов, прав ближняго и желанія добра окружающим. Этот тип прирожденных душевнобольных стоит на одной линіи с прирожденными преступниками и в этих людях медицина и юриспруденція, паталогія и соціологія бо-

лѣзнь и преступленіе представляют точку соприкосновенія.

В основѣ этих состояній вырожденія (идіотіи, тупоумія и нравственнаго помѣшательства) лежит органическое пораженіе центральной нервной системы, присущее от рожденія организму данных лиц, вполнѣ основательно представляющих собой состояніе вырожденія рода человѣческаго.

Бывают случаи, когда ненормальное состояніе центральной нервной системы у данных лиц проявляется не тотчас же по рожденіи, а спустя достаточно длинный срок: лѣт 15—20 и болѣе, при чем это болѣзненное состояніе может проявиться то в видѣ душевной болѣзни, то в видѣ нервной болѣзни. Такія болѣзни уже присущи организму, онѣ с ним родились, но таятся в нем скрытно (лятентно) до тѣх пор, пока неблагопріятныя жизненныя условія не пробудят их. Эти лятентныя, или скрытыя, душевныя заболѣванія столь типичны и настолько пріурочены к состоянію вырожденія и наслѣдственности, что мы по одной только формѣ проявленія

болѣзни, без предварительных свѣдѣній о наслѣдственности и проч., ставим опредѣленіе болѣзни, как психоз наслѣдственности и вырожденія. Во многих случаях вскрытія таких умерших больных указывают довольно рѣзкія болѣзненныя измѣненія в головном мозгу и его оболочках; в других же случаях—таких видимых анатомических измѣненій нѣт и дѣло сводится на неправильность питанія центральной нервной системы, неправильность строенія ея элементов и неправильность химическаго состава этих частей.

Наконец, люди могут родиться не с опредѣленною болѣзнью, хотя бы и в скрытом видѣ, а только лишь с *предрасположеніем* к заболѣванію такою или другою—душевною или нервною—болѣзнью. Может случиться, что уже с первых дней дѣтства и далѣе, от времени до времени, будут проявляться черты этой болѣзни, служа сигналом для будущаго, как напр., судорожность у будущих эпилептиков, лживость и притворство у истеричных и проч.; но может случиться и так, что всѣ

эти, уже прирожденныя, состоянія таятся в центрах, хранятся в них скрытно и проявляются лишь тогда, когда жизнь предъявляет неблагопріятныя условія для организма и благопріятныя для болѣзни, напр., если данное лицо начнет сильно пить, вести безобразную жизнь и проч. Словом, эти скрытыя болѣзненныя предначертанія, храпясь в отдѣльных нервных центрах, проявятся к бытію в том только случаѣ, если со стороны жизни послѣдуют в организмѣ способствующія к тому неблагопріятныя воздѣйствія,—сами же по себѣ эти болѣзненныя состоянія, без возбужденія извнѣ не проявились бы в теченіе всей жизни и человѣк прожил бы ее, служа только передатчиком болѣзненнаго предрасположенія своим потомкам.

Таким образом, предрасположеніе к болѣзни есть такое состояніе центральной нервной системы или отдѣльных частей ея, при котором болѣзнь проявляется только лишь путем присоединенія новых внѣшних, болѣзнетворных причин, причем ни одно предрасположеніе само

по себѣ, без этих способствующих причин, не дало бы болѣзни, ни одна способствующая причина, без существованія у человѣка предрасположенія, не дала бы болѣзни,— и только лишь сочетаніе предрасположенія и способствующих причин создает у даннаго человѣка опредѣленную болѣзнь. Приведем примѣр. Говорят, что глисты кишечника вызывают у человѣка эпилепсію. Это неправда. Глисты водятся в кишечникѣ каждаго человѣка, а эпилепсія замѣчается только у не многих людей. Глисты, находясь в кишечникѣ, дѣйствительно могут вызвать эпилепсію у человѣка, но только у того, кто уже раньше носил в себѣ предрасположеніе к ней: без этого же предрасположенія глисты никогда не вызовут эпилепсіи. Равным образом, человѣк, носящій в себѣ предрасположеніе к эпилепсіи, мог бы и всю жизнь не проявить своих припадков, и только появленіе значительнаго количества глистов было причиною тому, что судорожные припадки проявляются.

Предрасположеніе не есть болѣзнь,

а только *проэкт болѣзни*, который может быть осуществлен, и не осуществлен. В первом случаѣ он требует опредѣленнаго разрѣшенія в формѣ присоединенія капитала и силы для осуществленія; а во втором случаѣ он сдается в архив потомства. Такое предрасположеніе может проявляться в потомствѣ или в формѣ опредѣленной болѣзни, — напр., предрасположенія к эпилепсіи, мигрени, истеріи, насильственным явленіям и пр.,—или же нервная система будет проявляться во всей своей цѣлости потрясенною и подорванною почвою, на которой нѣт опредѣленных предначертаній, а разовьется тот нейроз, или психоз, которому будут благопріятствовать способствующія жизненныя условія. В первом случаѣ будет в полном смыслѣ *предрасположеніе* к болѣзни, во втором—будет только *неустойчивость* и *неуравновѣшенность* центральной нервной системы. Послѣднее состояніе есть болѣзненная почва, на которой зародятся и выростут тѣ растенія, сѣмена которых бросит жизнь. Тут могут народиться и пьянство, и

преступленіе, и истерія, и хорея и мигрень, и разнообразные психозы.

В настоящее время, при крайне напряженных жизненных условіях, послѣднее состояніе нервной неустойчивости—явленіе весьма распространенное и имѣет очень большое общественное значеніе, способствуя проявленію жизненных уклоненій, не представляющих болѣзни в смыслѣ медицинском, но представляющих болѣзнь в смыслѣ общественном и соціальном.

Нервная неустойчивость и неуравновѣшенность,—часто проявляющіяся в формѣ нейрастеніи или нервной раздражительной слабости,—представляет собою несоразмѣрное проявленіе отдѣльных отправленій центральной нервной системы: одни из этих отправленій слишком обострены и развиты усиленно; другіе, напротив, слишком ослаблены, сглажены и представляют как бы атрофію того или другого состоянія. Если воспитаніе, образованіе и жизненныя условія способствуют тому, чтобы обостренія отдѣльных проявленій постепенно сглаживались и выравнивались, а задержанныя про-

явленія развивались и поднимались, то такіе люди уравновѣшиваются и становятся прекрасными общественными дѣятелями; наоборот, если жизненныя условія способствуют и поддерживают прирожденныя уклоненія, как усиленныя, так и ослабленныя, то такія лица дадут и в своей общественной дѣятельности уклоненія и уродства, которыя очень часто составляют язву нашего современнаго общества.

На этих прирожденных уклоненіях в центральной нервной системѣ, составляющих нервную неуравновѣшенность, часто свивают себѣ гнѣздо такіе общественные пороки, как: пьянство, разврат, проступки, преступленіе, бѣдность или пауперизм, а, может быть, безумное богатство и капитализм... Эти уклоненія могут дать болѣзни вырожденія, — идіотію и тупоуміе, — но могут создать талант, великій ум и геній. Я не считаю возможным останавливаться долѣе на этих душевных проявленіях вырожденія,— рставляя за собою право в другой оаз коснуться болѣе обстоятельно этого состоянія,—и позволю себѣ

сказать нѣсколько слов о других проявленіях. Вырожденіе в области физической выражается различно, то охватывая весь органим, то лишь отдѣльныя его части. К первым относятся различныя худосочія, как золотушное, туберкулезное, люэтическое, алкогольное, подагрическое, и т. п. Иногда вырожденіе проявляется в задержкѣ развитія всего организма, в видѣ дѣтскаго организма (инфантилизм), карличества и проч. Частныя проявленія физическаго вырожденія также весьма разнообразны. Тут мы имѣем цѣлую массу всевозможных уродств в различных частях тѣла. Всѣ эти явленія вырожденія дают основаніе думать: 1) что всѣ такіе организмы очень непрочны и неустойчивы, и легко погибают от таких малых причин, какія на человѣка здороваго не повліяют гибельно, и 2) эти лица имѣют склонность передать и своему потомству организацію подорванную и, при отсутствіи уравновѣшенія со стороны оргзнизма втораго члена брачной пары, повести данную вѣтвь семейства к вымиранію. Таков, коротко говоря, ход вырожденія ро-

да человѣческаго в тѣх случаях, если наслѣдственная организація данных лиц будет порочная и отягощенная болѣзненными измѣненіями в важных органах и тканях организма.

Обращаясь к людям, существующим вокруг нас, спросим себя: много ли найдется среди них таких, которые не носили бы в себѣ и на себѣ проявленій вырожденія? Если мы будем очень и очень снисходительны, то должны сказать, что добрая половина близких нам людей носит на себѣ печать болѣзненной наслѣдственности и вырожденія. Неужели же всѣ они подвержены вымиранію? Ни чуть не бывало. Существуют мѣры борьбы с вырожденіем. Сама природа указывает их и поддерживает, и если только homo sapiens тому не противодѣйствует, то получаются самые благіе результаты. Какія же мѣры должен предпринимать человѣк, чтобы противодѣйствовать этому вырожденію и способствовать *возрожденію* и обновленію человѣческаго рода? Первый фактор, болѣзненно вліяющій на человѣческую натуру,—это на-

пологическая наслѣдственность, возникающая, разумѣется, на патологических браках. Естественным слѣдствіем такого положенія было бы *недозволѣніе браков для* людей с патологическим организмом. Возможно ли это? Вѣдь такому безбрачію подверглись бы всѣ лица, бывшіе душевно больными, всѣ нервные люди, всѣ алкоголики, преступники, люэтики, туберкулезные, подагрики, худосочные, золотушные и т. д. и т. д. А кто же тогда будет жениться? Да и поведет ли к чему нибудь эта мѣра? Если ужь быть послѣдовательным, то слѣдует узаконить,—как мѣру борьбы с патологическою наслѣдственностью, — не безбрачіе, а *кастрацію*. Но такую мѣру едвали кто даже предложит... Мы были бы вполнѣ удовлетворены и в том случаѣ, если бы в общество проникло и укрѣпилось сознаніе опасности и вреда патологических браков, ибо тогда отягченные супруги приняли бы всѣ зависящія от них мѣры к тому, чтобы ослабить зло и всѣ послѣдствія от передаваемаго ими своим потомкам тяжелаго наслѣдія... Что сказано

относительно патологических браков, то же должно сказать и о браках нефизiологических, т. е. легкомысленных браках «по сродству душ»,—с тѣм, однако, дополненiем, что воспрепятствованiе заключенiю нефизiологических браков не будет имѣть тѣх тяжелых послѣдствiй для жениха и невѣсты, как при патологических браках, ибо нефизiологическiе браки строятся в большинствѣ случаев на очень легкомысленной почвѣ простаго увлеченiя, а потому потеря будет не слишком велика для обоих и скоро забудется ими. Каков бы ни был брак, во всѣх случаях в теченiе *беременности* должно предписывать матери великую осторожность во всѣх жизненных отношенiях. Плод—принадлежность ея организма, но принадлежность самая нѣжнѣйшая и наиболѣе впечатлительная. Всѣ физическiя и нравственныя невзгоды для организма матери несомнѣнно отразятся и на организмѣ ребенка; а тѣм паче всѣ излишества, злоупотребленiя, неправильности жизни и безпорядочность могут жестоко отразиться на организмѣ плода и

затѣм повести к очень дурным последствіям. Поэтому первое бытіе плода в утробѣ матери должно быть обставлено правильным питаніем и достаточным покоем.

Было бы весьма желательно, чтобы *матери сами кормили своих грудных дѣтей*. В высших сословіях нашего государства мать-кормилица выродилась. Цѣлыя поколѣнія систематически отвыкали кормить своих дѣтей, и потому их груди составляют предмет наслажденія и украшенія, но не пользы. Пора поставить это дѣло опять на правильный путь. Было бы пріятно видѣть, что наши жены стали матерями. Это онѣ должны сдѣлать, если не из любви к своим мужьям, то из любви к своим малюткам. Разумѣется, и в этом случаѣ требуется благоразуміе и осторожность. Неразумно и неосновательно кормить матери ребенка в том случаѣ, когда она является к тому совершенно непригодною. Больше любви и жалости к ребенку проявится в том, если нанята будет кормилица, чѣм безплодная мать будет продолжать кормить ребенка и держать его в

состоянiи хроническаго голоданiя. Начинать кормить грудью ребенка может каждая мать, если к тому нѣт противопоказанiя со стороны ея физическаго здоровья; ну, а дальнѣйшiй ход событiй покажет, насколько она для этого пригодна или вовсе не пригодна. Несомнѣнно, кормленiе ребенка грудью налагает на мать тяжкiя обязанности. Она должна быть постоянно дома, прекратить посѣщенiе театров, балов, вечеров, концертов и проч.; мать-кормилица должна быть осторожна в пищѣ и питьѣ, ея жизнь должна быть чужда рѣзких наслажденiй, увлеченiй и удовольствiй,—словом, жизнь матери-кормилицы должна быть вполнѣ ровною, покойною и ничѣм не нарушаться. Все это тяжело, тоскливо для матери. Но вмѣстѣ с тѣм это есть лучшая проба—годна ли данная женщина быть матерью, или нѣт. Та женщина, которая переносит безропотно всѣ тяготы материнства, с любовью и блаженством,—эта женщина есть истинная мать и имѣет право быть таковою; женщина же, тяготящаяся кормленiем своего ре-

бенка и не находящая себѣ в этом удовлетворенія, не должна быть матерью. Ея назначеніе— быть женою, а удовлетвореніе— постельная жизнь. Недостаток чувства счастья и наслажденія в материнствѣ есть уже первый признак вырожденія, нравственнаго и физическаго. Нѣт особенной бѣды в том, если такая мать безплодна. Воспитаніе и образованіе—факторы, необыкновенно сильные и могущественные в дѣлѣ укрѣпленія и разрушенія организмов дѣтскаго возраста. Несомнѣнно, что весьма многія болѣзненныя проявленія дѣтскаго организма, унаслѣдованныя и врожденныя, путем воспитанія могут быть парализованы и исправлены. Поэтому правильная постановка воспитанія и образованія желательна в высокой степени. Я не считаю себя компетентным в указаніи правильной постановки того и другого, и позволю себѣ указать только на существующія нынѣ явленія в области воспитанія и образованія, расшатывающія дѣтскій организм и тѣм способствующія проявленію и усиленію вырожденія,

которыя и без того уже присущи многим дѣтям.

В этом отношеніи, прежде всего, обращает на себя вниманіе *питаніе* дѣтей. В огромном большинствѣ случаев оно поручается нянькам из простолюдинок. Слѣдует ли распространяться о системѣ питанія дѣтей, проводимой послѣдними?... В меньшинствѣ случаев питаніе и содержаніе дѣтей ведется по англійской системѣ: дѣти ѣдят почти исключительно полусырое мясо, пьют обильно вино и пиво, ходят с голенькими ножками во всякую погоду и т. п. Прискорбно смотрѣть на этих несчастных заморышей в нашем петербургском климатѣ. Зеленыя, истощенныя, дрожащія от холода и вѣтра, такія несчастныя дѣти весьма напоминают голеньких собачек с накинутыми на них изящными попонками. Та же дрожь, та же худоба, или еще хуже— прозрачная одутловатость; та же забитость и та же приличная внѣшность. Не менѣе безотрадны и дѣтки пухленькія, краснощекія, толстыя, малоповоротливыя. Они составляют радость родителей. В Петербургѣ—

и красненькія щочки!.. слава Богу, хоть дѣтки здоровенькія... Не радуйтесь, однако. Как часто эти пухлыя булочки сгорают в пламени собственнаго туберкулезнаго жара...

Мы позволим себѣ указать на то, что питаніе дѣтей играет весьма важную роль в дальнѣйшей их жизни, особенно в семействах с прирожденною нервностью. В послѣднем случаѣ мы рѣшительно протестуем против широкаго примѣненія англійской системы питанія. Мясо дѣтям не возбраняется, но *мясо исключительно*, особенно недожаренное, нерѣдко оказывает несомнѣнный вред, как в области пищеварительных органов, так и особенно в области нервной системы. Мясо создает хищников. Наша среда и так полна ими,—должно ли заботиться о дальнѣйшем созиданіи диких характеров и животных импульсов там, гдѣ и без того homo homini lupus est? Мы также рѣшительно возстаем и против употребленія дѣтьми вина, пива, эля и т. д. Кромѣ вреда от этих напитков, мы ничего не видим для дѣтей. Множество случаев эпилепсіи, исте-

ріи, хореи и других судорожных проявленій дѣтскаго возраста своим обнаруженіем, а иногда и возникновеніем, обязаны щедрому употребленію дѣтьми алкогольных напитков. Поэтому мы рѣшительно возстаем против всякаго употребленія в дѣтском питаніи каких бы то ни было *спиртных напитков* и допускаем для них только одно исключеніе, при болѣзненной слабости у дѣтей, когда нѣт под руками никаких возбудителей,—допускаем лишь в видѣ лекарственнаго средства. Наконец, мы выступаем в защиту голеньких ножек англизируемых дѣтей. Дѣти должны быть одѣты тепло, хотя это не значит, что на них нужно нагромождать трехэтажныя теплыя одежды; но не слѣдует допускать и неимѣющую никакого оправданія потерю тепла открытыми частями тѣла.

В дѣтском періодѣ, приблизительно 9—10-лѣтняго возраста, могут появляться нѣкоторыя очень серьезныя болѣзни, преимущественно на почвѣ наслѣдственнаго предрасположенія. Очень важно и полезно принимать мѣры предупрежденія и

пресѣченія несчастія. С этою цѣлью, в семействах с сомнительным прошлым нужно показывать дѣтей врачу-специалисту, нейропатологу, ибо его помощь и указанія будут важнѣе и полезнѣе до заболѣванія ребенка, чѣм послѣ. Послѣ заболѣванія, врачебная помощь не рѣдко оказывается безсильною, почему оберегать ребенка нужно в то время, когда он еще здоров, а не тогда, когда заболѣл. Особенно в этом возрастѣ опасны: дѣтскій паралич, падучая, мигрень, пляска св. Витта и проч. Большинство случаев этих заболѣваній можно своевременно захватить и предупредить.

Весьма важное значеніе в дѣлѣ развитія дѣтскаго организма, характера, образованія и воспитанія личности имѣют *обученіе*, первоначальное и среднее. Перед нашими глазами прошло нѣсколько систем, но из них ярко выступают двѣ системы обученія: самая старая, букварная и современная, звуковая, как представители двух направленій в дѣлѣ обученія. Нас учили по букварю. Первыя начала знаній получались при посредствѣ невозможнаго сло-

женія и названія букв: аз, буки, вѣди и т. д., что значило а, б, в. Напр. слово «неро» составлялось так: покой + есть = пе, рцы + он = перо. Если прибавить к этому титло, слово-титло, добро-титло и проч.,— если прибавить, что начинали мы учиться читать по псалтырю, содержаніе и язык котораго для нас были тайною, запечатанною семью печатями,—если прибавить, что каких бы то ни было разъясненій не полагалась, а только задавались уроки «отсюда и до сюда»,—то этим вполнѣ выяснится система нашего первоначальнаго обученія. Само собою понятно, что нашими учителями были отставные солдаты, пономари, дьячки и проч. Ясно, что наша система обученія была проста, но не легка и далеко не удобопонятна. Нас обучали грамотѣ при помощи чуждаго нам языка—славянскаго—и при содѣйствіи еще третьяго, совершенно нам непонятнаго и недоступнаго для здраваго смысла волапюка—языка букваря, в формѣ ужасных названій букв: аз, буки, покой, слово и твердо и т. п. Выходило так, что знанію рус-

скаго чтенія предшествовало чтеніе славянское, при содѣйствіи названія букв терминами букваря, которые могли быть с таким же успѣхом и терминами китайскими, манчжурскими и т. д. Во всяком случаѣ познанія русской грамоты, при содѣйствіи букваря, были не легче, чѣм достиженіе блаженства при содѣйствіи латинской обѣдни.

Средняя наша школа была мало чѣм лучше первоначальнаго обученія. Классная комната представляла собою довольно обширный тонкостѣнный сарай, вход в который, без сѣней, был непосредственно со двора. В классѣ сидѣли дѣти в шубках и только ближайшіе к печкѣ снимали шубки и клали на парты, или вѣшали здѣсь же на стѣнкѣ. Класс согрѣвался преимущественно насчет животной теплоты учащихся. По стѣнам и окнам текли потоки от сырости. Печь стояла у стѣны, противоположной двери. Атмосфера была переполнена испареніями, а вверху стояли облака тумана. По этому можно приблизительно составить себѣ представленіе о гигіеничности и чистотѣ воздуха.

Уроки задавались «отселѣ-доселѣ»; объясненія считались излишнею роскошью. Слово «репетитор» в наше время не было извѣстно. Зато у нас был «аудитор», который ежедневно выслушивал уроки своих учеников и степени знанія записывались в классную книгу. Учитель изображал собою верховную власть, накладывающую свое рѣшеніе на незнающих: стоять на колѣнях, без обѣда, порка... Уроки учились дома, а в классѣ только выслушивались. В класс мы ходили сдавать уроки и получать назначеніе новых.

Нынѣ мы имѣем звуковой метод обученія, фребелевскія школы, классныя объясненія урока учителями, повтореніе их в школѣ учениками под руководством учителя,—а дома у 75%—репетиторы... Школьная гигіена у всѣх на устах и рьяно проводится на дѣлѣ. Наказанія сдѣлались анахронизмом и замѣнены замѣчаніями и внушеніями. А лучше ли стало от этого? Стали-ли ученики болѣе знающими, умнѣе, самодѣятельнѣе, здоровѣе и лучше? Ничуть не бывало. Это какіе-то зеленые заморыши, без иниціативы,

без интереса к знанію, без умѣнія заниматься, без желанія учиться, без способности лично пройти и подготовить то, что объяснялось в классѣ, всегда нуждающіеся в поддержкѣ репетитора, переутомленные, с приступами мигрени, с раздражительностью, безсонницей, нервной слабостью, судорожностью и т. п. Что же это такое господа? Не лучше ли нам вернуться к букварю, прежней промозглой классной атмосферѣ и поркѣ, но только чтобы дѣти наши были здоровы? Ибо мы, воспитывавшіеся при ужаснѣйшей обстановкѣ, всѣ вышли здравы и невредимы. Право, это не праздное предложеніе, сдѣланное мною, а серьезный призыв—возможно внимательнѣе отнестись к тому, что мы дѣлаем. Одно из двух: или дѣти наши не тѣ, что были мы,—или современная система обученія и образованія наших дѣтей слишком тяжела и безсмысленна. Если правда то, что наши дѣти стали хилѣе нас, то несомнѣнно тоже и то, что современная система обученія и образованія требует значительных поправок. Я не принадлежу к тѣм

лицам, которыя утверждают, что современныя гимназическія занятія *умышленно* назначены для физическаго и психическаго обезличенія наших дѣтей, но я не могу не согласиться с тѣм, что в очень многих отношеніях они идут безсмысленно и даже гибельно для ума и здоровья дѣтей.

В самом дѣлѣ, дѣтям всѣ уроки объясняют в классѣ, а затѣм они еще дома занимаются с репетиторами. Что же это такое? Или вам плохо объясняют, или они неспособны воспринимать. Если плохо объясняют, поставьте дѣло так, чтобы объясняли лучше. Если дѣти неспособны, отдѣлите их от способных и ведите обученіе по их силам, тѣм болѣе, что этих неспособных, т. е. репетируемых дома, больше, чѣм способных... Мы имѣли заданный урок и, без предварительнаго об'ясненія, учили его дома. Наша голова в школѣ не забивалась туманными учительскими об'ясненіями. Мы приходили в класс, сдавали урок, получали указанія, что дальше выучить, уходили домой со свѣжими головами, скоро

выучивали заданное и затѣм всласть шалили. Теперешніе ученики в классѣ выслушивают три-четыре об'ясненія уроков и идут домой с отуманенными уже головами. Их головы настолько уже отяжелѣли, что для дальнѣйших занятій потребовался бы отдых. А гдѣ его взять? нужно учить уроки. И учит уроки ребенок с тупою головою и ослабѣвшей памятью. Уроки выучиваются, но ученик их не понимает; он не может ими овладѣть. Должен придти репетитор и раз'яснить их... Таким образом, вмѣсто одного нашего выучиванія урока, нынѣ получается двойной труд... Что же это такое? Помилосердствуйте, господа. Вѣдь это наши дѣти, это будущіе граждане и слуги царя и отечества... Нужно ли еще какую нибудь патологическую наслѣдственность, для того чтобы они стали идіотами?... Диво ли, если послѣ такой семилѣтней дрессировки мы получим безличных кукол, вмѣсто человѣка и гражданина... Нивеллировка слишком могущественная!...

Ненависть и отвращеніе к наукам поселяет такая система обуче-

нія, а не любовь и уваженіе. Окончившій гимназію прежде всего стремится забыть латинскій и греческій языки. И забываетъ их очень скоро. Мы не классики, но у нас осталось еще кое-что из этих прежних занятій, а классики, окончившіе среднее обученіе позже нас, нерѣдко «основательно» забывают эти мертвые языки. Не потому ли, что нас не так сильно угнетали этими языками, как их?! Не потому ли, что теперь латинскій и греческій языки ставят выше всего и прежде всего... В самом дѣлѣ, какой смысл в переводѣ со славянскаго языка на греческій?.. А, между тѣм, еще недавно таковой перевод совершался на моих глазах и закончился призывом меня для оказанія медицинской помощи. Я понимаю русскаго профессора, переводящаго Мицкевича с польскаго оригинала на латинскій язык... Но переводы гимназиста с греческаго на латинскій... Какая тут любовь к наукѣ?.. какое уваженіе к занятіям, какая тут инициатива?.. Скорѣе бы добраться до постели и сноном повалиться на нее. Но и сон не покоен. И во снѣ

несчастный бредит своими познаніями. Изношенность, разбитость, безличность, отсутствіе иниціативы, истощеніе, переутомленіе, шаблонность, безцвѣтная нивелировка личности,—вот плоды современной безалаберщины. А благодарность—пустыя филологическія отдѣленія на историко-филологических факультетах. Можно ли повѣрить, что в нѣкоторых провинціальных университетах встрѣчаются курсы на филологических отдѣленіях, в которых не бывает *ни одного* слушателя?.. Это факт. А один-два слушателя—далеко не рѣдкость. И для этих-то слушателей держат цѣлую коллекцію профессоров! Немножко дорого...

Позвольте, позвольте, скажут мнѣ,—зачѣм такіе ужасы и такое преувеличеніе? Все дѣло заключается в том, что почему-то и кому-то не нравится классицизм,—да и в том еще дѣло, что самый классицизм передается неправильно. Прежде всего древніе языки отличаются законченностью, точностью и опредѣленностью форм, а кромѣ того, они существенно необходимы

как медику, так и юристу в их будущей жизни, не говоря уже о филологах. Но даже и не в этом суть дѣла: не в этом заключается классицизм. Классицизм есть образовательная система: изученіе классиков знакомит изучающих с античными идеалами. Он внѣдряет в изучающих сознаніе собственнаго достоинства, уваженіе к чужой личности, сознаніе гражданскаго долга (?) и побужденіе к исполненію своих обязанностей не за страх, а за совѣсть. Это тѣ сѣмена, которыя создают идеал гражданина, — гражданина античнаго, грека и рямлянина.

Говорят, изученіе древних языков в средних учебных заведеніях весьма важно в том отношеніи, что оно будет способствовать изученію и усвоенію важнѣйших добродѣтелей древних народов преимущественно же добродѣтелей древних греков и римлян. Прекрасно. Но при этом невольно нарождается ряд вопросов. Прежде всего является такой вопрос: что же это были за добродѣтели у древних греков и римлян, которыми мы должны были бы поучаться? Были ли эти добро-

тели исключительно принадлежащими указаннымъ націям, присущи только их натурѣ и историческому и соціальному строю и чужды натурѣ славянской и условіям жизни нашего общества? Все ли, что мы найдем в твореніях древних греков и римлян будут только добродѣтели, коими полезно поучаться,—и не найдется ли в жизни этих древних народов и в твореніях их писателей (особенно римских) таких неприличій, о которых нелѣть есть и глаголати и о которых наши дѣти лучше бы и не знали?! Несомнѣнно, много хорошаго и много поучительнаго в твореніях древних авторов мы найдем,—но много и такого, чего бы нашим дѣтям лучше было бы и не знать. Что же дѣлать с описаніем пороков римскаго народа? Вычеркивать их, как это дѣлали с исторіею Іосифа и жены Пентефрія, Эсфири и проч. в древней священной исторіи по нѣкоторым пансіонам и институтам... Спасает ли это запрещеніе от познанія запрещеннаго плода и не разжигает ли оно еще болѣе интереса к познанію зла.

Говорят,—и это один из важнѣй-

ших доводов в пользу изученія классицизма,—изученіе классиков ведет к сознанію собственнаго достоинства, к сознанію исполненія своего долга и к уваженію в другом человѣкѣ человѣческаго достоинства. Но неужели же в нашем обществѣ эти великія добродѣтели атрофированы? Неужели же все то, что возвышает человѣка над всѣм остальным міром, что служит в человѣкѣ выраженіем и проявленіем образа и подобія божія в русском человѣкѣ так сглажено и так стерто, что его нужно насаждать чтеніем и изученіем этих добродѣтелей в твореніях мудрецов древних народов и при том непремѣнно на латинском и греческом языках!.. Да это истина.

Вѣковое рабство, вѣковой гнет над славянскими народами, особенно же в русской семьѣ, повели к тому, что сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства, сознаніе долга и уваженіе в человѣкѣ человѣка не существуют. Все это чуждо нашему духу и замѣнено условными формами чинопочитанія и другими формами бытія. Наилуч-

шим тому доказательством служит необыкновенно быстрое и прочное привитіе у нас формы в одеждѣ. До недавняго времени форма существовала только у военных. Военный мундир служил показателем принадлежности даннаго лица, носящаго его, к извѣстному ордену людей, отдающих, с момента, когда надѣвается этот мундир, свою жизнь на защиту родины, царя и вѣры. С того момента, как военный мундир надѣт, этот человѣк не принадлежит себѣ, он умер для себя и существует только для родины, для которой он отдает жизнь по первому требованію... Такое посвященіе своей жизни на защиту отечества высоко почтенно, в высочайшей степени поучительно и военный мундир для всѣх должен служить показателем уваженія и глубокаго почтенія перед людьми, исполняющими беззавѣтно свой долг и свое посвященіе. Как одни ордена посвящают свою жизнь на служеніе Богу, так орден рыцарей, отличный по своему военному костюму, посвящает свою жизнь на служеніе родинѣ. За этим орденом стоит

исторія, стоят преданія, стоят традиціи подвигов, самоотверженія и самопожертвованія. Поэтому неудивительно, что честь этого мундира велика и защищать ее есть резон...

Ну а какова исторія, каковы, традиціи мундиров чиновников полиціи, консисторіи, желѣзнодорожников, инженеров и проч.?.. А между тѣм этот мундир все занимает большее и большее право гражданства и необыкновенно быстро прививается. Почему? Столь знаменательны исторіи и традиціи этих корпорацій?.. Едва ли потому. Прежде всего мундир прививается потому, что он спасает от натиска полиціи во всѣх ея видах. Человѣк, сознающій свое достоинство, исполняющій свой долг и уважающій в человѣкѣ человѣка, всегда гарантирован от всякаго насилія над собою. Его собственное благородство не позволит ему учинить преступленіе и охранит его от посягательства городового. Человѣк лишенный собственнаго благородства легко преступает условныя формы общественнаго бытія и потому подвергается воздѣйствію представителей общественной охраны и блюсти-

телей порядка и общественной безопасности. И вот в защиту такому нарушителю порядка является его мундир и его кокарда. Мѣсто *благородства* занимает «благородіе» и избавляет чиновное лицо от посягательства десницы городового или урядника. Скорѣе всего в этом обстоятельствѣ коренится быстрый успѣх и необыкновенно скорое привитіе формы во всѣх вѣдомствах.

Красный околыш дворянской фуражки в народѣ находит вольный перевод: «не бей меня по мордѣ». Если хотите, в этой мудрости народной много правды. Болѣе деликатный перевод «наши предки Рим спасли» замѣнен словами «не бей меня по мордѣ». И эта фраза, по крайней мѣрѣ еще недавно, имѣла в себѣ много смысла. Дворянство, не привыкшее трудиться и учиться, нерѣдко заканчивало свой курс обученія в первом—втором классѣ гимназіи. И вот сіи недоросли от дворян и прикрывали свою легкую главу фуражкою с красным околышем. Это был их щит и защита...

Но tempora mutantur et nos mutamur in illis... Теперь начинают призна-

вать недостаток сознанія человѣческаго достоинства, недостаток исполненія долга и недосгаток уваженія в человѣкѣ человѣка... Сознают этот пробѣл и стараются пополнить его... Чѣм? Собственным примѣром в семьѣ, школѣ и государственной дѣятельности?...

О нѣт, чтеніем и изученіем классиков... Не правда ли смѣшно и грустно. Как много можно было бы сказать по этому поводу... Но лучше не дразнить гусей. Один кавказскій герой, когда его спросил император Николай—чѣм бы он желал быть награжден, отвѣчал «назначь меня нѣмцем». Тогда нѣмец в Россіи был все. А давно ли прошло то время, когда в одном вѣдомствѣ во всѣ щелки назначали москвичей и только москвичей... Это ли был примѣр безпристрастнаго отношенія к исполненію долга и безпристрастному уваженію в человѣкѣ человѣка... Не далеко мы уйдем, если гражданским добродѣтелям будем учиться по книжкам, особенно же по примѣрам римской имперіи... Не удивительно, если молодежь начнет искать поучительные примѣры вы-

соких гражданских добродѣтелей и подвигов самоотверженія по ближе.

Если таковы задачи классицизма, то результаты наших классических гимназій представляются совершенно обратными. Прежде всего современный «гражданин-классик» не имѣет никаких идеалов. Сознаніе собственнаго достоинства для современнаго русскаго классика пустой звук, ибо он таковаго не сознавал и считает за лишнее сознавать. «Уваженіе к чужой личности»—еще фантастичнѣе. Жизнь дает совершенно обратное—попраніе чужой личности. «Чувство долга»? Это гдѣ же, в каком вѣдомствѣ?.. Слишком ужь много страдают наши дѣти под игом лжеклассиков, чтобы получились какіе нибудь положительные идеалы. Да и кромѣ того, для того, чтобы в дѣтях воспитывать идеалы, нужно, чтобы слово проповѣди не расходилось с дѣлом проповѣдника. Уж не «братушки» ли, выписанные для насажденія классицизма, должны служить идеалами сознанія собственнаго достоинства, уваженія к чужой личности, чувства долга

любви к родинѣ и т. д. Врачу, исцѣлися сам!

Мы ничего не имѣем против древних языков, их точности, опредѣленности и пользы в будущей жизни и дѣятельности медика, юриста и даже натуралиста. Напротив, мы болѣе чѣм кто либо понимаем и признаем извѣстную пользу—латинскаго языка. Мы видим вред только в той системѣ, или, точнѣе, в той безсистемности, которою сопровождается их преподаваніе. Нужно давать знанія столько, сколько его нужно. Всякій избыток пищи ведет к пресыщенію и может породить рвоту... Что же касается классической системы, как образовательнаго идеала, то мнѣ кажется, что эту систему можно проводить и при чтеніи классиков на нашем родном языкѣ. Быть может, она лучше привьется к русской натурѣ и не породит тѣх жалких послѣдствій, которыя мы нынѣ видим на наших дѣтях. Вообще я убѣжден, что это голос всѣх родителей. Смѣем надѣяться, что он будет услышан. С точки зрѣнія медицинской позволим себѣ сказать, что

современное школьное обремененіе играет важную роль в проявленіи вырожденія и на этот пункт должно быть обращено надлежащее вниманіе.

Мы полагали бы, что дѣтям в средней школѣ нужно дать больше самостоятельности, уменьшить гнет непосильной массы задаваемаго и всѣми силами бороться против репетиторства, в конец уничтожающаго самодѣятельность. Фребелевскія игры и репетиторства в свою пору получат надлежащую оцѣнку. Современная школа уничтожает личность, стирает индивидуальныя особенности, создает шаблон, выпускает форму, к сожалѣнію, безформенную, безцвѣтную, безличную и с очень низкопробным идеалом.

Таково наше образованіе.

А что дѣлает воспитаніе! Воспитываем ли мы в наших дѣтях религіозное начало, любовь к родинѣ, патріотизм, національное чувство? Укрѣпляем ли мы в них семейное начало, требованія общественности, самопожертвованіе, безкорыстіе и проч., и проч. Мы заставляем наших дѣтей учить молитвы для «ба-

тюшки», но стыдимся перекрестить лоб перед завтраком и обѣдом. Мы ложимся спать не только без молитвы, но и не крестясь. Неловко, неудобно... зачѣм афишироваться!.. Дѣти все это видят, все понимают и тоже творят молитву pro forma. Патріотизм... Что такое патріотизм? Квасной патріотизм... Ну, это, это, знаете, приличествует «консервативным» газетам; нам же говорить о патріотизмѣ слишком смѣшно... Любовь к родинѣ—что такое любовь к родинѣ для нас, окруженных крещеными и некрещеными иностранцами и людьми, не имѣющими никакой родины... Еврей не стыдится открыто говорить о своем «еврейском патріотизмѣ». Поляк с вызовом, открыто, признает себя поляком. Нѣмец с гордостью заявляет свое нѣмецкое происхожденіе... Даже армянин, грузин и татарин открыто исповѣдуют свою національность. Мы же, русскіе, всегда стѣсняемся заявить о любви к своей родинѣ, о своей національности. Теперь выходит даже так, что если кто очень настойчиво кричит, что он русскій, то навѣрное разумѣй,

что он или нѣмец, или полякъ, или еврей, желающій вас «обработать». А если вы дѣйствительно и на дѣлѣ являетесь открытым націоналистом и патріотом, то вас немедленно окрестят «безпокойным человѣком» и вы тогда погибли безвозвратно, — ибо ни ваши труды, ни заслуги, ни честное имя вас не спасут. Вы человѣк *безпокойный и неуживчивый и баста*... Об этом мы еще поговорим... Семейное начало?... Ну, знаете, это очень щекотливый предмет при современных нравах...

Откуда же нашим дѣтям стать нравственными и честными гражданами? Нравственности нельзя предписать за нумером таким-то исходящей канцелярской бумаги. Познай самого себя... «Врачу, исцѣлися сам». Желаете вы имѣть дѣтей нравственными, будьте им примѣром. Не стыдитесь открыто признавать имя Божіе, чтите без лицемѣрія и без сервилизма своего царя, — не стѣсняйтесь открыто исповѣдывать, что вы *русскій и любите свою родину*, — будьте истинным отцом и мужем, уважайте себя и других, исполняйте ваш долг — и

ваши дѣти станут высоконравственными людьми, без всякой проповѣди о нравственности.

Еще недавно у нас кричали, что наши среднія школы ведут дѣло слишком односторонне: обращается вниманіе только на внѣдреніе знаній и совершенно обходят нравственное воспитаніе и физическое развитіе. Первое так и донынѣ осталось с пробѣлом. Но на физическое развитіе дѣтей школа обратила вниманіе—заведена гимнастика, устроены военныя упражненія, обзавелись оркестрами и совершаются военныя прогулки... А теперь опять кричат: помилуйте, завели солдатчину, изнуряют дѣтей и т. д. Вот и угоди людям. . А все таки и в этом дѣлѣ что-то не так, как слѣдует... Нужно, чтобы физическія упражненія не имѣли характера принудительности.

Правильно ли у нас поставлено высшее образованіе? Это вопрос слишком сложный и требует отдѣльнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія. Нельзя не указать, однако, на одну больную его сторону— слишком узкую спеціализацію. Из за деревьев не видно лѣса.

V.

Наука о воспитанiи или педагогика в послѣднее время очень и очень двинулись вперед. Много сдѣлано в области практическаго примѣненiя ея, еще больше—в области теоретическаго педагогическаго размышленiя. Насколько всѣ эти работы принесли ожидаемый плод—это другой вопрос, но тѣм не менѣе нельзя отрицать чрезмѣрных успѣхов в области педагогики.

Нельзя, однако, не видѣть в этом развитiи нѣкоторой странности и дефективности. Особенно значительнаго успѣха достигли отдѣлы педагогики, касающiеся умственнаго и физическаго воспитанiя,—в то время, как отдѣл нравственнаго воспитанiя не только мало двигался и развивался, но даже как бы пошел назад в сравненiи с прежним. Нравственные идеалы прошлаго нынѣ слишком стушевались, идеалы настоящаго слишком неясны; да о них даже не принято говорить.

Вникая внимательнѣе в это аномалiйное положенiе различных от-

дѣлов науки о воспитаніи, мы думаем, что этому явленію существуют свои опредѣленныя причины и причины не маловажныя.

Умственным воспитаніем, а в послѣднее время отчасти и физическим, занимается школа. Школа—-эта государственное учрежденіе, имѣющее опредѣленный строй, опредѣленную администрацію, регламентацію и безчисленное множество лиц, ведущих ее и направляющих во всѣх уголках образованнаго міра. Эти руководители и учители посвящают всю свою жизнь данному дѣлу, думают о своей дѣятельности, совѣщаются, пишут, обмѣниваются мыслями и тѣм самым способствуют разсмотрѣнію самому широкому и всестороннему дѣло школьнаго воспитанія. Неудивительно, что школьное воспитаніе совершенствуется, и наука о воспитаніи растет и крѣпнет. Но в том то и бѣда, что *нравственное воспитаніе* выпало из круга школьнаго воспитанія. Оно предоставлено семьѣ. Оно пало на долю родителей. Мы не будем касаться вопроса о современном положеніи семейной нравственности. Для нас важен этот

вопрос по стольку, по скольку семья могла способствовать разработкѣ и развитію педагогической стороны нравственнаго воспитанія. Уже факт разбросанности, раз'единенія, изолированности и почти полнаго отсутствія солидарности между отдѣльными семьями ясно говорит о том, что ожидать от семьи и нельзя было разработки этого вопроса. Всякая семья имѣет столько своих нужд и злоб дня, что ей не до разработки отвлеченных вопросов о воспитаніи. Благо, если в данной семьѣ практически нравственное воспитаніе обосновано достодолжно. И это уже большое счастье для семьи. В большинствѣ же случаев нравственное воспитаніе дѣтей прямо пропорціонально нравственному состоянію родителей, общій же современный уровень послѣдних не возбуждает особеннаго удивленія и восхищенія во всем образованном мірѣ.

Многіе говорят: нравственное воспитаніе возложено на школу. Высшая нравственность—это Закон Божій. Его проходят в школѣ и, слѣдовательно, с этой точки зрѣнія сдѣлано все, что должно было бы

сдѣлать. К сожалѣнію, это далеко не все. Вѣра без дѣл мертва есть. Школьное догматическое образованіе не есть еще нравственное воспитаніе. Формула без ея примѣненія есть мертвая буква. Возлагать упованіе в этом отношеніи только лишь на преподаваніе Закона Божія—значит сознательно закрывать глаза перед серьезной отвѣтственностью в дѣлѣ воспитанія наших дѣтей. И тѣм не менѣе всюду дѣло ведется так.

Только одна Франція дѣлает шаги к тому, чтобы школа приняла на себя обязанность систематическаго нравственнаго воспитанія дѣтей.

В настоящее время по этому вопросу во Франціи возникла цѣлая литература и между дѣятелями по этому отдѣлу мы можем назвать почтенныя имена: Perez, Compayrè, Schinz и др. Мы не берем на себя отвѣтственности за сущность взглядов этих людей и позволим только познакомить с их взглядами в чистом видѣ. Каждый поймет, что существует большая разница между строем французской и русской жизни,—но много там есть и такого, что достойно нашего вниманія даже

хотя бы с той точки зрѣнія, чтобы заставить нас подумать о том—а все ли у нас обстоит благополучно?

Многіе авторы считают главным препятствіем к разработкѣ ученія о нравственном воспитаніи то положеніе, что нравственное чувство и нравственныя начала считаются человѣку прирожденными. Если дѣйствительно нравственность прирождена человѣку и присуща каждому ребенку с появленія его на свѣт, то, весьма естественно, какая же тут может быть и рѣчь о нравственном воспитаніи. Уже с первых дней сознательной жизни ребенок легко поддается всему доброму, всему чистому, всему нравственному. Слѣдовательно, основы всего этого живут в нем самом, составляют часть его существа и только находятся в усыпленном состояніи. Не воспитаніе нравственное требуется для дѣтей, а только лишь пробужденіе этой, в сонном состояніи находящейся, нравственности. Если бы нравственность не была прирождена ребенку, то всякое самое легчайшее воздѣйствіе не отражалось бы на нем так легко и не насаждалось бы без всякаго

загрубенія. Нравственность в ребенкѣ—это спящій инстинкт, который легко пробудить, и проявленіе нравственности у ребенка будет только лишь простой реакціей уже существующаго и присущаго душѣ ребенка. Таким образом, нравственность в душѣ ребенка не создается, не внѣдряется в нее, а лишь воспроизводится и пробуждается. По этой теоріи, нравственность ребенка есть естественный инстинкт, предрасположеніе, созданное и укрѣпленное добродѣтелями предыдущих поколѣній. Если ребенок таким образом имѣет в себѣ уже основы нравственности, то задача воспитателя при таких условіях представляется уже не трудною: ему остается только наблюдать за ребенком и направлять к тому, чтобы он слѣдовал своему внутреннему голосу, голосу совѣсти, которая сама по себѣ будет указывать ему, что такое добро и что зло.

Такое предположеніе весьма заманчиво, симпатично, возвышенно и очень располагает в свою пользу; но оно же ведет к безпечности, усыпляет бдительность и пораждает

небрежность отношенія к малой братіи. Кромѣ того, тщательное наблюденіе жизненных фактов показывает, что жизненныя явленія представляют слишком много уклоненій, и принять с спокойной душой вышеуказанную гипотезу и неправильно, и не безопасно для общественнаго благополучія. Многое и очень многое заставляет думать, что в огромном числѣ случаев нравственность в ребенкѣ приходится не укрѣплять, а создавать. Нравственныя начала и совѣсть в ребенкѣ приходится насаждать, так как от рожденія дѣти лишены таковой. Schinz прямо говорит, что такой принадлежности нравственных элементов дѣтям от рожденія вовсе не существует, равно как у них от рожденія нѣт ни нравственнаго чувства, ни совѣсти. В подтвержденіе своих положеній он приводит цѣлый ряд доводов.

По мнѣнію Schinz'а, новорожденный ребенок—это маленькій беззащитный и безпомощный звѣреныш. Эта-то безпомощность и служит к тому, что мы стѣсняемся давать о нем не вполнѣ лестные отзывы. От-

бросив же в сторону сантиментальность, приходится сознаться, что это дѣйствительно звѣрельки. Dr Robinson указывает на слѣдующій факт: если новорожденному ребенку вложить в ручонки палку, то он так цѣпляется за нее, что его можно продержать в висячем положеніи держащимся за палку болѣе двух минут. Эта необыкновенная цѣпкость новорожденных констатируется множеством и других фактов из жизни их и наглядно показывает чрезмѣрную мускульную цѣпкость вообще, вполнѣ достойную таковой же у маленьких и больших обезьян. Это чисто животное свойство находит себѣ спутника в другом инстинктивном животном проявленіи новорожденнаго: чтобы ни попалось в ручонки ему, ребенок все тащит в рот. В этом явленіи усматривают инстинкт животнаго к самосохраненію и во всяком случаѣ примитивное и доказательное проявленіе скорѣе низшаго животнаго чувства, нежели чего либо болѣе возвышеннаго.

Не менѣе рѣзко бросается в глаза стремленіе маленьких дѣтей превращать ногти в когти и пускать их

в ход с цѣлію самозащиты,—во всяком случаѣ дѣтское царапаніе пріем самый частый и обычный. Прибавим от себя, что маленькія дѣтки царапают как других, так и еще чаще себя, что об'ясняется разумѣется, не животным инстинктом самозащиты, а неумѣньем владѣть своими членами; хотя правда, в дальнѣйшем у дѣтей нерѣдко, ногти пускаются в ход в качествѣ самообороны, но, вѣдь, тоже мы часто наблюдаем в гнѣвѣ и у женщин и у душевно-больных.

Указывают на тот факт, что разгнѣванныя дѣти часто щелкают зубами, что уж ясно приближает их к нѣкоторым низшим породам животнаго царства. Особенно часто дѣти проявляют жестокость, даже безсознательно. Stahl говорит: нѣт того ребенка, который вполнѣ безсознательно не мучил бы маленьких животных, напр., не обрывал бы лапок и крыльев у мух и пр. На это проявленіе жестокости нѣкоторые смотрят даже, как на прирожденное свойство души ребенка, так как подобное истязаніе животных не только забавляет и развле-

кает дѣтей, но и доставляет им удовольствіе. Едва-ли, однако, можно, на основаніи даннаго факта, говорить о том, что это есть проявленіе жестокости и при том жестокости повальной и присущей ребенку от рожденія. Правда, в отдѣльных случаях такая прирожденная жестокость у дѣтей дѣйствительно наблюдается,—но в большинствѣ случаев это будет выраженіем не жестокости, а любознательности и непониманія причиняемаго вреда.— Укажите на это ребенку, и он не станет повторять своих экспериментов...

Замѣчено, что многія дѣти уже с первых мѣсяцев жизни проявляют особенное сексуальное чувство и влеченіе. Нѣкоторых дѣтей еще в люлькѣ приходится связывать, чтобы удержать от порочных манипуляцій. Другія маленькія дѣти развращают своих старших братьев и сестер. Такой примѣр приводит Forel и др. Правда, все это исключеніе. Но исключеніем является слишком уродливое проявленіе,—значительная же чувствительность представляется очень распространенною, что едва-ли го-

ворит за одновременное существованіе и прирожденнаго нравственнаго чувства. К этому нужно добавить, что у нѣкоторых дѣтей бывает разстроено нерѣдко и чувство стыдливости.

В психическом отношеніи у дѣтей особенно рѣзко выражен эгоизм. Против этого возражают, однако, что дѣти, из покорности и любви к матери, часто не дѣлают того или другого. Schinz на это замѣчает: вовсе не любовь и покорность матери руководит ими в их дѣяніях, а опасеніе взысканія и наказанія. Дѣти прекрасно знают, что они всецѣло зависят от матери и если ослушаются ее, то будут наказаны, — вот истинный мотив их удержанія от неудобных поступков.

Нарисовав такую картину нравственной жизни ребенка, Schinz говорит, что не развивать и поощрять нужно природныя свойства и качества ребенка, а бороться с ними, задерживать, искоренять и перевоспитывать, так как большинство склонностей ребенка требует не укорененія и усиленія, а подавленія.

Спрашивается: если ребенок сдѣ-

лает что-либо дурное, то понимает ли он, что это дурно, или нѣт? Отвѣт на этот вопрос дается двоякій: приверженцы старой школы отвѣчают на него утвердительно, — сторонники новой школы, отрицающіе прирожденную нравственность, отвѣчают отрицательно.

Факты, на основаніи которых, напр., Schinz отвергает сознаніе неправственности содѣяннаго ребенком, заключаются в слѣдующем. Нравственныя понятія—дѣло условное и зависят от времени, мѣста, общественнаго положенія, степени развитія и т. д. В самом дѣлѣ. На одно и тоже явленіе мы можем имѣть самые разнообразные взгляды и воззрѣнія. Напр., убійство. По нашим воззрѣніям это есть одно из важнѣйших преступленій и безнравственнѣйших проступков; и такой взгляд стоит настолько прочно, что с правом может считаться прирожденным каждому из нас. Между тѣм, развѣ мы не знаем времени, когда считалось добродѣтелью для сыновей освободить отца, пережившаго 60 лѣт, от тяготы жизни. Солон оправдывал у своих соотече-

ственников умерщвленіе слабых дѣтей. Гладіаторы Рима пользовались тѣм большею славою, чѣм больше они имѣли за собою человѣческих жертв. Іудеи не чужды были человѣческих жертв в честь Іеговы. Скифы полагали, что главное назначеніе иноплеменников и состоит в том, чтобы служить жертвою богам. А наши взгляды на войну, дуэль и проч....

Точно такое-же разнообразіе во взглядах мы встрѣчаем и на прелюбодѣяніе. С нашей точки зрѣнія—это преступленіе, и прелюбодѣйцы нынѣ осуждаются. Между тѣм мы знаем, что в древней Греціи куртизанки пользовались гораздо большею почестью, чѣм честныя матери и жены. Сократ относился почтительно к Ксантипѣ, но Мирто пользовалась большим почетом как у него, так и окружающих. У древних Египтян та женщина, которая познавала большее количество мужчин, носила и большее число знаков отличія на своих ногах. Существовали народы, у которых дѣвицы не иначе выходили замуж, как имѣя уже дѣтей, ибо

этим в будущем онѣ гарантировали отсутствіе бездѣтности.

Не менѣе разнообразно отношеніе различных народов к чувству стыдливости. Припомним празднества в честь Пріапа. В Африкѣ и нынѣ существуют племена, у которых женщины оставляют открытыми тѣ части тѣла, кои у наших женщин особенно тщательно закрываются,— и величайшим позором считается обнаженіе подошвы ноги. Кровосмѣсительство считается нынѣ безнравственным и преступным,—но это нисколько не бросало тѣни на сожительство Юпитера с Юноной. Грабежи, разбои и кражи давно ли считались доблестью,—и не таковою ли они считаются и теперь у кавказских горцев!... Биржевыя же спекуляціи нынѣ не имѣют за собой ничего безнравственнаго.

С современной точки зрѣнія вся нравственная жизнь древняго міра безнравственна. Вообще нравственность есть представленіе условное, растяжимое и крайне индивидуальное. Ложь считается безнравственным проявленіем,—а кто нынѣ не лжет. У каждаго есть своя совѣсть,

и это очень трудно оспаривать. То, что для одного будет безстыдным и безнравственным, для другого является вполнѣ естественным, возможным и нравственным.

Обращаясь к разсмотрѣнію проявленій нравственности в различных поколѣніях, мы видим, что нравственность нерѣдко бывает наслѣдственною. Это положеніе лучше всего доказывается примѣром наслѣдственной безнравственности. Очень интересный случай подобнаго рода приводит Schinz. Нѣкто Jean François имѣл трех сыновей Pierre, Thomas и Jean Baptiste. Отец не отличался особенною нравственностью; его сын Pierre за убійство и кражу сослан был на вѣчную каторгу,—Thomas—также за убійство попал на каторгу,—его два сына за убійство были сосланы также на каторгу,—сын одного из этих преступников умер в Каенѣ за воровство. Jean Baptiste женился на дѣвушкѣ из семейства поджигателей; от брака с нею родилось семь дѣтей: первый сын умер в тюрьмѣ за кражу, второй погиб там же и за то же,—третій умер 25 лѣт, но

за это время успѣл нѣсколько раз судиться за воровство,—двѣ слѣдующія дочери и сын сидѣли в тюрьмѣ за кражу, послѣдняя дочь и сын ея судились за воровство и убійство.—Таких фактов, указывающих на возможность передачи наслѣдственным путем нравственных качеств, можно было бы привести довольно много. При этом можно было бы усмотрѣть и то, что на проявленіе нравственности у дѣтей имѣют вліянія не только нравственныя свойства родителей, вообще, но и состояніе родителей в момент зачатія и состоянія матери в момент беременности.

Если бы мы допустили, что нравственность у каждаго ребенка является прирожденною, то послѣдствія сего были бы очень печальныя. Всякой матери пришлось бы тогда прійти к тому грустному выводу, что ея дѣти обречены от рожденія, по своим инстинктам и стремленіям, в тюрьму и на каторгу, ибо в этом случаѣ мы совершенно являлись бы безпомощными в дѣлѣ исправленія прирожденных качеств. Таким образом, приняв по-

ложеніе, что нравственность прирождена ребенку, мы ставили бы его уже с самаго начала бытія в самыя печальныя условія существованія.

Наконец, прирожденность нравственности ребенку отрицается характером тѣх выводов, которые из этого могут истекать. Малолѣтняго ребенка нельзя признать ни нравственным, ни безнравственным. Наличность нравственности требует присутствія сознанія. Таковое у ребенка или отсутствует, или находится в слабом развитіи. Для развитія нравственности требуется умственное развитіе, и степень нравственности часто стоит в прямом соотношеніи с умственным развитіем. Являясь на свѣт безсознательным, ребенок, eo ipso, является и без всяких проявленій нравственности.

Но ребенок может быть и должен быть нравственным. Такое воспитаніе и укрѣпленіе нравственности должно совершаться искусственно, медленно, постепенно, настойчиво и продолжительное время. Для этого прежде всего нужно искоренить эгоистическія побужденія и привыч-

ки. Пріем, которым в подобных случаях пользуются, состоит в том, чтобы внушить ребенку положеніе: если другіе лишают себя многаго, чтобы доставить себѣ пріятное, то и ты должен думать о том, чтобы не причинить окружающим непріятности. Разумѣется, для усвоенія этой истины, ребенок должен обладать разсудком и способностью мыслить и соображать. Таким способом постепенно явленіе эгоизма смѣняются явленіями альтруизма. Мало по малу у ребенка создается взгляд: почему же непремѣнно все мнѣ, а не другому. Такое чисто теоретическое воззрѣніе еще больше закрѣпляется опытом, когда ребенок начинает понимать, что дурно поступать с другими—не выгодно. Инстинкт матери побуждает ее, при воспитаніи нравственности у ребенка, прибѣгать именно к такому способу. Для того, чтобы тот или другой поступок был нравственным, нужно, чтобы он был сознательным. Во всяком случаѣ, при обсужденіи нравственности в поступках инстинктивных и сознательных, мы всегда отдаем предпочтеніе нравственности

сознательной перед нравственностью инстинктивною.

Наблюдая за развитіем нравственности у дѣтей, мы видим в ней три періода: 1-й період пассивный или подражательной нравственности, подчиненной авторитету других,—2-й період сознательной нравственности, когда ребенок понимает, почему одно хорошо, а другое дурно и 3-й період активной нравственности, когда ребенок дѣйствует сознательно и по привычкѣ.

На этой личной нравственности зиждется уже нравственность общественная, основанная на интересах и пользѣ цѣлой массы людей. Нельзя не признать того факта, что существуют требованія нравственности общечеловѣческой, нравственности даннаго народа, нравственности общества, семьи и личной,—и нерѣдко требованія одной из них стоят в противорѣчіи с требованіями другой. Это показывает, что проявленія нравственности не есть что-то незыблемое и прочное и стоит в зависимости от многих условій. Между этими условіями довольно выдающееся мѣсто, зани-

мает среда, в которой проводится первое время жизни. Compayré говорит, что в 1895 г. в пенитенціарном институтѣ содержалось 9.906 дѣтей, из которых 4,543 были сироты, 154 из воспитательнаго дома, 1,518 незаконнорожденных и 1,615 были дѣти преступников. Этот факт показывает на условность существованія нравственности.

Далѣе, несомнѣнно, можно наблюдать то явленіе, что часто дѣти находятся в колебаніи и недоумѣніи, как им поступить—так или иначе; при этом не борьба в них идет, а простое незнаніе, какой предпринять выбор. Таким образом ребенок не имѣет прирожденнаго мѣрила, которым бы он мог руководиться, в том или ином случаѣ. Отсутствіе прирожденности нравственной доказывается еще и тѣм, что существуют дѣти, у которых одна сторона нравственности бывает развита очень рѣзко, тогда как другая составляет проявленіе безнравственности.

Schinz, выставляющій всѣ эти доводы, дѣлает по этому случаю слѣдующіе выводы: «Необходимо сне-

ціальное нравственное образованіе, в такой же мѣрѣ важное, как физическое или умственное воспитаніе; с точки зрѣнія практическаго значенія, первое превышает даже два настоящія; нравственность непосредственно лежит в основѣ всякой соціальной организаціи,—развитіе же физическое и умственное, в узком смыслѣ этого слова, не смотря на всю свою важность, имѣет все таки только через посредство значеніе для той организаціи. С другой же стороны это нравственное воспитаніе и образованіе никак не может быть основано на врожденной совѣсти. Ребенок научается отличать добро от зла, а потому мы никак не можем хулить введеніе преподаванія нравственности в программы школ,—однако, мы сожалѣем, что это преподаваніе всегда основывается на предполагаемой специальной нравственной способности ребенка, вмѣсто того, чтобы создавать нѣчто заново в ребенкѣ. Главное то, чтобы ребенок посредством разума оцѣнил достоинство нравственных начал».

Таковы доводы французских уче-

ных на вопрос о необходимости нравственнаго воспитанія дѣтей.

Мы не будем входить в оцѣнку этих доводов; но за то не можем не согласиться с тѣм, что развитіе ученія о нравственном воспитаніи наших дѣтей слишком отстало от состоянія ученія об умственном и физическом воспитаніи, — что заняться этим вопросом слѣдует и что позаботиться о повышеніи уровня нравственнаго воспитанія юношества тоже слѣдует.

VI.

Третій фактор, могущій вліять болѣзнетворно на нервную систему человѣка, а при благопріятных условіях благотворно и оздоровляюще, — это *среда и условія обыденной жизни человѣка.*

Я не буду разсматривать условія жизни нашей в широком смыслѣ слова и ограничусь разсмотрѣніем жизни самой ближайшей, обыденной. В этом отношеніи заслуживает вниманія жизнь деревенская, жизнь городская и жизнь столичная или петербургская.

Самой здоровой средой для вырождающагося и отживающаго человѣка является деревня. Там человѣк встает рано (6—7 часов), дышит свѣжим воздухом, наблюдает за хозяйством, для чего ходит и ѣздит в поле, нерѣдко сам дѣлает ту или другую мелочь, ѣст здоровую пищу, в мѣру сидит дома, в мѣру утруждает свою благородную голову, лишен винта и карт и ложится спать в пору. В результатѣ—здоровье и равновѣсіе.

На этот раз всѣ столичные люди возопіют: что же нам в деревню всѣм на поправку?!. Отчего же,—можно и в деревню. Повѣрьте, послѣ двух лѣт жизни вы будете и здоровѣе, и красивѣй и умнѣй...

Значит в деревнѣ нѣт болѣзни, вы скажете?

Нѣт, и в деревнѣ есть болѣзнь. Гдѣ человѣк, там и болѣзни с ним; однако, для человѣка состоятельнаго, при благоразумном сочетаніи умственнаго и физическаго труда, деревня представляет условія, исправляющія его тѣлесные и душевные недуги и это пока единственный фактор, противодѣйствующій не-

благопріятным условіям наслѣдственности и хромого воспитанія.

Иная жизнь городская. Здѣсь мы встрѣчаем два типа людей: работника и бездѣльника. Первый чрезмѣрно трудится на своем пути, второй—на своем. Встают они оба в 8—9 часов. За сим чай и у одного немедленно дѣло, а у другого серьезный момент для обдумыванія как он проведет время сегодня, чтобы ничего не дѣлать. Но у обоих есть служба и в 10 идут оба на службу. В 2—3 обѣд. Послѣ обѣда часок отдыха на диванѣ; а затѣм у дѣльца дѣло, а у шалопая обдумываніе, чѣм пополнить свою пустоту. Вечером у дѣльца дѣло,—у шалопая винт: у обоих до 1—2 часов. Оба они сидят, лежат и ѣздят, но не ходят и вообще не любят совершать движенія. Оба они много курят, оба ѣдят много мяса, оба порядочно выпивают, а потому оба слегка тучноваты, или слегка напоминают полную фараонову корову. Если они от природы нервны, то такая односторонняя и однообразная жизнь не исправит их питанія и даже не удержит в

равновѣсіи, а непремѣнно будет способствовать нарушенію его и поддержанію тѣх болѣзненных состояній, которыя ему присущи от рожденія.

Петербург. В 8 ч. встают горничныя и лакеи. В 9—швейцары; в 10—интеллигентная холостая молодежь и мужья; в 11—интеллигентныя жены; в 12—интеллигентныя дѣвицы; в 1 час мужья аристократы; в 2—3 аристократическія дамы. Если-бы я спросил лучшую часть Петербурга—кто видѣл восход солнца, вставая от сна, то навѣрное получил-бы от всѣх отрицательный отвѣт. За то очень многіе видят это восходящее солнце по возвращеніи с балов, вечеров и проч., ложась спать. Знаете-ли вы, что дѣлается с растеніем, если его лишить благодѣтельных лучей солнца? Оно блекнет и умирает.

А что дѣлается с петербургской женщиной? Она блекнет, безцвѣтна и вымирает. Лучше-ли петербургскій мужчина? Едва-ли. Все, что повиднѣй,—это не петербургское, а из провинціи. Оставь Петербург 50 лѣт без обновленія свѣжепри-

бывшими соками из провинціи и он весь выродится. Почему? Потому, что в нем нѣт солнца, потому что жизнь складывается так, что и того захудалаго солнца, которое можно видѣть, жители Петербурга не видят, ибо они просыпают его.

Жизнь петербургскаго жителя необыкновенно безсмысленно сложилась. Он презирает природу. Он желает жить без солнца, без живого свѣта, без воздуха, без воды и без порядочной пищи. За то природа жестоко и наказывает петербуржцев. Выйдите в девятом часу утра на улицу и посмотрите на этих несчастных заморышей, бѣгущих в школу. Развѣ это распускающіеся бутоны? Нѣт, это нерасцвѣтшіе и отцвѣтшіе цвѣты. Кто виноват в этом? Школа с ея душною атмосферою? Не клевещите на безмолвную школу. Школа не исправит того, что погубила петербургская жизнь.

— Помилуйте, мы питаем дѣтей лучшим мясом и прекрасным крѣпким вином...

Напрасно. И самое лучшее мясо и самый жизненный алкогольный нектар не спасет ваших дѣтей. На-

против—мясо, мясо и мясо плюс вино—скорѣе пугубят ваших дѣтей. Дайте им солнце, дайте им воздух, дайте им правильную жизнь и ваши дѣти спасены, — а всего этого в Петербургѣ нѣт.

В Петербургѣ жизнь идет от часу до пяти. В это время мужья дѣлают дѣла, а жены обдѣлывают дѣла. Все остальное время идет совершенно вопреки законам божеским и человѣческим. Если вы приглашены на чашку чаю, то раньше не думайте отправляться, как в 9—10 часов; а если вы приглашены на вечеръ, то уж никак не раньше 12 часов являйтесь. До коих же пор там веселятся? Когда-же эти люди спят? Спят они днем, а бодрствуют ночью. Бодрствуют они при свѣтѣ керосина и электричества, а не солнца; но этот свѣт только свѣтит, а не грѣет...

Вы хотите, чтобы я коснулся нравственной жизни петербуржца? Не казиста она для настоящаго времени. Подробно разсматривать ее по многим обстоятельствам далеко небезопасно. Достаточно, если мы скажем, что борьба за существованіе

достигла здѣсь невѣроятных предѣлов. К сожалѣнію, развивается и в довольно широких размѣрах такая язва, как взяточничество,—а о протекціонизмѣ нечего и говорить... У каждаго служащаго два начальства; начальник—муж и начальница—жена. Каждый служащій должен служить мужу и прислуживать женѣ и горе тому, кто послѣдним пренебрегает. Зачастую жена начальника важнѣе мужа. Хорошо еще, если это жена, а то ищи и сортом пониже... И вот борьба за существованіе обостряется, ибо приходится не только служить, но и прислуживать, или, вѣрнѣе говоря, не столько служить, сколько прислуживать.

Во всяком случаѣ петербургская жизнь весьма и весьма способствует разстройству нервной системы, ея истощенію и рѣзкому заболѣванію, что очень хорошо извѣстно каждому из петербуржцев, ибо здѣсь на 10 человѣк обязательно 9 нервных людей...

Мы не можем касаться всѣх язв нашего общества, а тѣм болѣе указать надлежащія мѣры к исцѣ-

ленію их,—это выше наших сил и компетенціи. Намѣчены нами только важнѣйшие пункты. Введеніем правильнаго образа жизни, надлежащаго питанія, образованія, нравственнаго воспитанія и должнаго знанія всего окружающаго мы создадим преграду болѣзнетворным воздѣйствіям, охраним наших дѣтей от пьянства, сифилиса и других болѣзней, влекущих за собою вырожденіе, и тѣм самым будем способствовать возрожденію рода человѣческаго на развалинах его бытія. Истинная наука и ея дары дают нам достаточно основаній для охраны себя и наших дѣтей от вредных вліяний. Та же наука дает нам средства и указанія для борьбы с совершившимися уже проявленіями вырожденія. Она же указывает сама, хотя в ограниченной степени, и на успѣх в этой борьбѣ, увѣнчивающійся побѣдою над болѣзнью и вырожденіем, и освѣщает наш путь для возрожденія рода человѣческаго. Наука — это сила. Можно уничтожить людей науки,—но уничтожить науку невозможно.

VI.

Закон прогрессивнаго развитія всего существующаго на землѣ имѣет двѣ стороны медали, из которых на одной начертано: совершенствованіе и бытіе всего полезнаго, сильнаго и крѣпкаго, а на другой—вымираніе всего слабаго, хилаго и вырождающагося. Было бы очень оскорбительно думать, что человѣк,—существо разумное, «царь земли»,—без возраженія также должен подчиняться дѣйствію стихійнаго закона, причем часть его потомков, в силу этого закона, обречена была бы развитію и совершенствованію, а другая—вырожденію и вымиранію. На дѣлѣ так оно и есть. Таково именно положеніе дѣла в лабораторіи природы. Однако, человѣк имѣет дерзость и в этой міровой лабораторіи природы устраивать *свою собственную отдѣльную лабораторію*, в которой он изготовляет средства борьбы со своей кормилицей-природой, являющейся по отношенію к одним своим дѣтям

доброй матерью, а к другим—суровой мачихой.

Забывая чувства дѣтской любви к своей проматери—природѣ, человѣк в этом случаѣ руководствуется *чувством любви к своим братьям и сестрам*, желая оказать им помощь на наклонном пути бытія в направленіи к вырожденію. Прибавим, что в огромнѣйшем большинствѣ случаев труженик науки работает вполнѣ безкорыстно, беззавѣтно и с самопожертвованіем. Всѣ мы помним врачей, павших жертвою своей дѣятельности на научной нивѣ, или в борьбѣ с болѣзнями... Вспомним клиники, лабораторіи, госпитали, эпидеміи, войну... А развѣ не величайшая истина сказана Богочеловѣком: «большея сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».

Такіе борцы стремятся прежде всего овладѣть тѣми условіями природы, которыя направляютъ насъ на путь вырожденія. Они стремятся изучить эти условія, ставящія ближняго на скользкій и прискорбный путь, изучить средства къ ихъ устраненію и предотвращенію, и даже

направить факторы тѣхъ проявленій природы, которыя по нашему воззрѣнію ведутъ къ вырожденію,— на путь прогрессивнаго развитія и совершенствованія. И, нужно сознаться, это им иногда удается.

Для примѣра мы возмем ту нервную неустойчивость, или нейрастенію наслѣдственнаго происхожденія, которая является очень часто почвою и основою для развитія дальнѣйших нейрозов и психозов, ведущих человѣчество к вырожденію и вымиранію. Остановимся немного на этом вопросѣ. Прирожденные нейрастеники являются людьми весьма неустойчивыми и неуравновѣшенными. Их органы чувст крайне возбудимы, впечатлительны и воспріимчивы; их чувственная сторона слишком отзывчива, измѣнчива и неустойчива; их движенія и рефлексы очень повышенны и усиленны; их мыслительная жизнь—задерживающіе и уравновѣшивающіе центры — слишком слабо господствует над соподчиненными областями познанія, чувствованія и движенія. Послѣдствіем этого является чрезмѣрная дѣятельность низших центров, неспособ-

ность сосредоточиться на одной области или одном предметѣ, постоянное перескакиваніе с предмета на предмет, быстрое возбужденіе и крайнее напряженіе, быстрое истощеніе и скоро наступающее утомленіе и переутомленіе. Вот схематическая картина того нервнаго состоянія, которое уже от рожденія наблюдается у прирожденных дегенератов и, в дальнѣйшем, осложняется такими пораженіями, как истерія, эпилепсія, тупоуміе и проч.

Разложим эту картину на ея составныя части, дабы послѣ легче было разобраться: с какими из этих начал мы можем болѣе или менѣе управиться и какія нам не поддадутся.

1) Такіе прирожденные нейрастеники прежде всего обладают крайним обостреніем органов чувств. Обычный средній человѣк обладает такими органами чувств, которые способны воспринимать извѣстное, болѣе или менѣе опредѣленное, количество раздраженій, выше и ниже которых органы чувств уже не воспринимают. Так напр., для органа слуха воспріятіе 40 колебаній в се-

кунду еще возможно, возможно и 40,000,—но все, что выше и ниже этого,—воспріятію органа слуха не подлежит. То же можно сказать о свѣтовых колебаніях и о других раздражителях органов чувст:—что и для них существует физіологическій предѣл, его же не прейдеши. Правда, и за него переступают; воспринимают и болѣе высокія раздраженія, болѣе низкія. Но эта случайность относится к области патологіи. Это болѣзненное состояніе столь точно и опредѣленноизучено, что для него существует даже особенный термин—*гиперестезія органовъ чувствъ*. Такая же гиперестезія органов чувств является и у нѣкоторых прирожденных нейрастеников. И они способны воспринимать тончайшія возбужденія, недоступныя и невозможныя для воспріятія органами чувств обычнаго средняго дороваго человѣка.

2) Средній человѣк способен воспринимать внѣшнія роздраженія только при извѣстных условіях и извѣстной напряженности. Так, обычный человѣк может видѣть предметы на извѣстном растояніи, даль-

ше котораго его глаз не способен уже воспринимать. Он может видѣть только при извѣстной силѣ свѣта, ниже котораго он не способен уже воспринимать за темнотою и выше которой он также не может воспринимать за ослѣпленіем. То же должно сказать и по отношенію к слуху: человѣк может воспринимать звуки только на извѣстном разстояніи; дальше этого он не может слышать, за неспособностью органа слуха воспринимать столь слабыя колебанія,—и ближе котораго не можем воспринимать, за оглушеніем его органа слуха. Нѣкоторые прирожденные нейрастеники и истеричные обладают столь утонченными органами чувств, что в своих воспріятіях они без всякаго сравненія превосходят эту норму, и в этом отношеніи вполнѣ приравниваются к тѣм нервно-больным, которые также проявляют гиперестезію органов чувствъ.

3) Средній человѣк, для воспріятія того или другого внѣшняго раздраженія органами чувств, требует извѣстнаго, опредѣленнаго для различных органов, срока времени

Если это время воздѣйствія раздражителя будет короче принимаемаго за норму, то раздраженіе окажется значительно слабѣе и потому не будет воспринято; если же оно дѣйствует на орган слишком долго и утомляет его, то оно будет опять таки слабо воспринято, за утомленіем органа. Существуют больные, которые способны воспринимать своими органами чувств слишком кратковременно дѣйствующія раздраженія—несравненно кратче, чѣм это положено для нормы. То же можно сказать и о прирожденных нейрастениках. И в этой области воспріятія их органов чувств они часто выступают из предѣлов нормы и входят в область патологіи.

Итак, нѣкоторые прирожденные нейрастеники представляют слѣдующія отклоненія от нормы в области их органов чувств: а) значительное расширеніе области воспріятія органов чувств, превышающее норму; b) значительное расширеніе предѣлов воспріятія, в смыслѣ напряженности разражителя, и с) уменьшеніе предѣльнаго срока для воздѣйствія раздражителя. Послѣд-

ствіем такого состоянія способности воспріятія являются: быстрое израсходованіе сил и переутомленіе, раздражительность, неспособность к сосредоточенію, недовольство, апатія, отчаяніе и склонность к самоубійству.

Теперь спросим себя: дѣйствительно ли всѣ эти явленія будут патологическими и почему именно? Патологическими они являются потому, что выходят из предѣлов нормы. Но в таком случаѣ и воспріятія органов чувств с помощью микроскопа, телескопа и проч. тоже будут патологическими? Нѣт, потому что в послѣднем случаѣ область воспріятія расширяется при помощи искусственно приспособленных аппаратов. Отчего же мы не можем допустить, что и у нѣкоторых нейрастеников органы или аппараты воспріятія совершенствуются и притом силами природы, путем утонченія строенія и усовершенствованія аппаратов воспріятія? Пока нѣт никакого основанія отвергать это предположеніе. На наш взгляд, у каждаго такого прирожденнаго нейрастеника органы чувств;

или их аппараты воспріятія, устроены тоньше, нѣжнѣе, совершеннѣе, чѣм у обычнаго человѣка и тѣм ставят обладателя выше средняго человѣка, представляя возможность, при борьбѣ за существованіе со средним человѣком, одержать над ним верх; но при извѣстных, неблагопріятных условіях они же могут и погубить его.

Вторая особенность нѣкоторых прирожденных нейрастеников—повышенная рефлекторная дѣятельность. Всякое чувственное воспріятіе может дать два эффекта: представленіе и движеніе, или импульс в области мышленія и импульс в области движенія. Импульс в области движенія может происходить или непосредственно, или сначала получается импульс в области мыслительной, а затѣм оттуда поступает в область движенія и производит в нем эффект. Если эффект в области двигательной получается через посредство области мышленія, то это будет произвольное движеніе; если же эффект в области движенія получится непосредственно, то слѣдствіем его будет ре-

флекс. Таким образом, воспріятіе впечатлѣній внѣшними органами чувств дает: представленіе, произвольное движеніе и рефлекс.

Наблюденіе говорит, что у нейрастеников особенно бывает повышена рефлекторная дѣятельность. Этим самым выясняется и другое явленіе: область мышленія, как центр, задерживающій и управляющій движеніями и поступками, нѣсколько ослаблена, почему облегчена непосредственная передача импульсов с чувствительной стороны на двигательную; тѣм самым увеличено и количество рефлексов, а, слѣдовательно, увеличено и количество движеній, весьма часто непроизвольных и безцѣльных, но вмѣст с тѣм слишком обильных и истощающих организм. Это правильно. И это-то положеніе дѣла составляет главное горе и главную основу болѣзненнаго состоянія нейрастеников.

Но и этого мало. Чувственная или страстная сторона прирожденных нейрастеников тоже слишком повышена. Она повышена настолько, что часто обнаруживает преобладаніе над мыслительною дѣятельностью

и тѣм дает условія к возникновенію сложных рефлексов или неудержимых поступков, только носящих на себѣ облик произвола. А это слишком большое развитіе рефлексов и преобладаніе страстности влечет за собою быстрое истощеніе, утомленіе и переутомленіе.

Таким образом, у нѣкоторых прирожденных нейрастеников, главная патологичность заключается в положеніи мыслительной дѣятельности, именно в недостаточном упорядоченіи стороны страстной, в слабом воздѣйствіи на область рефлексов простых и сложных, и даже в неправильном уравновѣшеніи самих воспріятій. Если бы мы нашли средства и способы усилить дѣятельность задерживающих и уравновѣшивающих центров, то тѣм самым создали бы условія для упорядоченнаго воспріятія внѣшних впечатлѣній, болѣе ровнаго воздѣйствія и проявленія в области чувственной, или эмотивной, сдержаннаго выраженія рефлексов и упорядоченія произвольных движеній или поступков.

Все это может быть достигнуто путем правильнаго воспитанія, со-

блюденія гигіеническихъ условій и примѣненія строгой діэтетики духа и тѣла. Этим способом можно поднять дѣятельность уравновѣшивающих центров даннаго лица, причем оно от природы явится человѣком, одаренным значительно широчайшими способностями и богатѣйшими дарованіями, чѣм обычный средній человѣк. У такого выродка способность воспріятія будет шире, нравственная отзывчивость сильнѣе, умственная дѣятельность оживленнѣй, мускульная энергія повышеннѣе. Все это может быть достигнуто путем предварительнаго настойчиваго стремленія к уравновѣшенію душевных способностей, путем воспитанія и гигіены.

Но и это не все. Есть основаніе думать, что у таких лиц являются новыя чувства. Мы часто слышим об особенной способности нѣкоторых лиц к предчувствію и даже к предвѣдѣнію. Это состояніе чаще всего наблюдается у людей крайне нервных и истеричных, т. е. у тѣх лиц с прирожденною неустойчивою и неуравновѣшенною нервною системою, о которых мы только что

говорили. Когда от нас требуют объясненія этому явленію, то мы только и находимся сказать, что это есть «особенная невѣдомая нам способность»... Да мы и правы, говоря, что эта способность нам невѣдома, потому что она нам недоступна. А кто знает: быть может, эта способность предчувствія, этот дар «предвѣдѣнія» обязаны своим существованіем особенной способности людей разсматриваемой нами категоріи к расширенію области воспріятія. К их сознанію достигает несравненно больше воспріятій, чѣм у нас; естественно, что комбинація их знаній будет в такой же мѣрѣ богаче нашей, а потому и точнѣе, вѣрнѣе и непостижимѣе для нас. То, что для нас кажется предвѣдѣніем, для них—будет естественным *вѣдѣніем*, а наше предчувствіе у них—будет *чувствованіем*. Так дѣло представляется нам в том случаѣ, если мы примем во вниманіе только количественныя особенности их воспріятія. А кто же нам поручится, что эти люди не имѣют болѣе богатых и нам недоступных качественных воспріятій?.. Это впол-

нѣ возможно. В таком случаѣ, в их сознаніе проникают новыя ощущенія, нам недоступныя и непонятныя, которыя и создают в них тѣ явленія, которыя извѣстны у нас под именем предчувствія и предвѣдѣнія. Кто скажет, что это невозможно?...

Есть цѣлая группа людей, извѣстных под разными именами, которые имѣют свою особенную поэзію, живопись, литературу и проч. Их произведенія вызывают пока в публикѣ смѣх, глумленіе, издѣвательство. Но подождем смѣяться. Эти люди говорят об особом тонѣ, особом настроеніи и других терминах, для нас недоступных и непонятных. Значит ли это, что всего этого нѣт, что все это выдумывают? А, может быть, именно мы и лишены всего того, чѣм эти люди обладают, и тогда кто же проиграл?... Вопрос еще не рѣшенный.

Недавно проф. Grasset опубликовал случаї ясновидѣнія на разстояніи: одна госпожа точно и дословно передала содержаніе письма, в тот момент лежавшаго в другом домѣ в металлическом и бумажном конвертах,

строго опечатанных... Этот факт *ясновидѣнія* был впослѣдствіи, якобы, опровергнут комисией спеціалистов. Факт опроверженія является далеко не убѣдительным,—ясновидѣніе же было извѣстно и таким почтенным лицам, как Charcot. Я лично невполнѣ убѣжден в несуществованіи этого явленія и не вижу в нем ничего сверх'естественнаго и невозможнаго. Это явленіе для нас только невозможно и непостижимо, потому что мы обладаем болѣе бѣдною природою, а эти неуравновѣшенные, неустойчивые выродки, при благопріятных жизненных условіях, могут быть болѣе совершенными, чѣм мы, и представить в себѣ залог *возрожденія и прогрессивнаго совершенствованія* человѣчества. Но только нужно, чтобы питаніе, воспитаніе и жизненныя условія этих людей были поставлены правильно и разумно.

То, что предназначено было природою к вырожденію и вымиранію,—человѣческим умом может быть направлено к совершенствованію и развитію человѣческаго рода. Долголѣтнія наблюденія и настойчивый труд позволяют нам сказать, что совре-

менная нервность далеко не всегда предназначена к вымиранію и вырожденію. Наилучшим доказательством наших слов служит группа людей извѣстных под именем артистов и художников. Большинство из них, как: поэты, беллетристы писатели, художники живописцы, музыканты и проч.,—большинство этих людей от рожденія и до могилы представляют собою нейрастеников крайней степени. А между тѣм эти люди носят в себѣ особый дар божій, который, будучи разложен на свои элементы, нерѣдко составляет собою проявленіе этой самой нейрастеніи. Во многих случаях лиши этих людей их нейрастеніи—их чуткости, их отзывчивости, их вдохновляемости, их интуиціи, — и их дар божій потускнет, ослабѣет и исчезнет. Нам лично приходилось наблюдать между такими субъектами совершенствовавшихся и даровитѣйших людей; но из множества таких нейропатов сотни гибнут, а единицы выходят в люди. Причиною такой гибели служит не природа с ея дарами, а человѣк с его невѣдѣніем и невозможными антигигіеническими

условіями жизни. Для спасенія себя и нашего потомства, мы должны оглянуться назад и провести в жизнь побольше данных науки из области гигіены и діэтетики. При таких, обновленных наукою, условіях жизни станем надѣятся, что многое из того, что нынѣ считается «вырождающимся», станет в авангардѣ совершенствующагося человѣчества и составит передовых людей «возрожденія».

II.

НЕРВНЫЯ БОЛѢЗНИ

НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

Таким образом мы видим, что среди условій существованія в нашем обществѣ много таких, которыя создают наши нервныя болѣзни, как: нервная патологическая наслѣдственность, довольно распространенное пьянство, еще болѣе распространенный сифилис, очень недостаточное семейное воспитаніе и неудовлетворительная среда жизни. Все это не может не повліять болѣзнетворно на нервную систему, а потому нисколько не удивительно, что наше общество представляет огромный процент нервных больных. Пока эти условія жизни будут продолжаться, до тѣх пор нѣт никакого основанія надѣяться, чтобы количество нервных болѣзней в обществѣ уменьшилось,—напротив, оно еще болѣе увеличится.

Кромѣ вышеуказанных главных причин нервных болѣзней существует много и других, но я остановился только на тѣх, в которых

болѣе или менѣе повинно общество и которыя, слѣдовательно, и могут быть уничтожены по волѣ самого общества. Обо всем этом я мог-бы говорить еще много и много, но, и без того довольно ясно изложил то, что хотѣл сказать и теперь считаю позволительным перейти к изложенію клинической картины тѣх нервных заболѣваній, которыя наиболѣе распространены в обществѣ.

Вмѣсто того, чтобы представлять сухое перечисленіе клинических картин болѣзней, о которых я намѣрен говорить, я позволю себѣ представить исторію болѣзни одного семейства, разумѣется, семейства воображаемаго.

Родоначальник нашего семейства — Михаил Александрович, богатый помѣщик одной украинской губерніи. Родился в 1830 г. в богатом и совершенно здоровом физически и психически семействѣ, при всѣх благопріятных условіях, холы и нѣги того времени. 15-ти лѣт он отдан был в один из аристократических московских пансіонов, послѣ котораго в 25 лѣт окончил курс в московском университетѣ по камеральному факуль-

тету. Тихій, скромный, образованный, благовоспитанный и образцово-крѣпкій юноша отправлен был в Париж закончить свое образованіе, причем к нему приставлен был дядька-француз. Продолжая свое образованіе в Парижѣ, Михаил Александрович не устоял перед соблазнами Вавилона и в одно время пустился во вся тяжкая парижской жизни, имѣя своим руководителем француза-дядьку. Кончилось неблагополучно. И воспитатель и воспитанник получили «французскую болѣзнь», от которой довольно долгое время в Парижѣ лечились.

Через два года Михаил Александрович возвратился под родительскій кров, но в ужаснѣйшем видѣ. Облысѣлый, худой, истощенный, землисто-зеленаго цвѣта и достаточно нравственно-угнетенный. Пожалѣли родители о своей оплошности, но дѣла слезами не поправиш. К счастію, Миша не захотѣл составлять себѣ карьеры и остался дома, при отцѣ. Покойная жизнь, постоянное пребываніе на чистом воздухѣ в полѣ и саду, прекрасное питаніе и отсутствіе эксцессов скоро поправили мо-

лодого человѣка и выдвинули его лучшим и наиболѣе блестящим женихом в краѣ. Нашлась и невѣста. Это была Надежда Ильинишна, дочь генерала, сосѣда помѣщика. Надя— красавица и вполнѣ здоровая дѣвушка, так как семейство отличалось образцовым здоровьем.

Михаил Александрович и Надежда Ильинишна страстно любили друг друга, родители были согласны на их брак и свадьбу скоро отгуляли. Медовой мѣсяц проведен был в Крыму, и затѣм молодые поселились своем имѣніи, довольные собою и всѣм окружающим. Вскорѣ Михаил Александрович был избран уѣздным предводителем дворянства и вполнѣ был удовлетворен в смыслѣ карьеры.

Но видно, болѣзнь, «полученная в Парижѣ», не прошла даром Демидовым. На третьем мѣсяцѣ у Надежды Ильинишны явился выкидыш. Через 4 мѣсяца опять выкидыш и таких выкидышей было пять под-ряд. Тяжко это огорчало супругов,—не менѣе горестно это было и для их родителей... Надежда Ильинишна стала блѣдна,

худа и ужасающе болѣзнена. Явилась нервность, безсонница, постоянныя слезы, приступы тоски и приступы истерики. А тут и Михаил Александрович расхворался. И, кажется, не было причины, от чего-бы ему хворать, а между тѣм хворал и хворал неприятно. Явились головная боль, безсонница, головокруженія, раздражительность и вообще он стал неузнаваем. Подумали, подумали и порѣшили ѣхать в Париж. Средства были, дѣла не задерживали, поэтому рѣшено и исполнено. Там Михаил Александрович, по знакомству, лечился у своего прежняго врача, а жена у извѣстнаго гинеколога. Через полгода супруги возвратились домой,—а еще через полгода Бог дал им сына—Мишу. Радости родителей, бабушек и дѣдушек, не было конца. Через год еще сына и еще сына, а затѣм через два года родились двѣ дочери.

Таким образом в семейном отношеніи супруги были счастливы. Да и вообще жизнь их шла вполнѣ покойно и благополучно. Одна только бѣда была в том, здоровье суп-

ругов было не вполнѣ блестяще. Все, кажется, хорошо. И климат теплый, и дом прекрасный, и достатки отличные, и жизнь живая и покойная,—а здоровья нѣт. Михаил Александрович постоянно носится с головою, а Надежда Ильинишна с малокровіем, приступами тоски и истерикой. Имѣніе, в руках управляющаго нѣмца, шло хорошо. Дѣла по дворянскому собранію, в руках письмоводителя, шли отлично. Всѣ их уважали. Дом их был в родѣ заѣзжаго дома. Вѣчно гости, вѣчно весело; но это нисколько не стѣсняло и не отягощало хозяев,—ибо гости само по себѣ, а хозяева сами по себѣ. Гостям предоставлено ѣсть, пить и веселиться, а хозяева хотят—сидят с ними, хотят—уходят и уѣзжают.

Это время было самое горячее в Россіи. Крѣпостное право было отмѣнено. Пришлось позаботиться и о рабочих, и о хозяйствѣ, и о деньгах и о многом кое-чем другом. К ужасу своему, Надежда Ильинишна замѣтила, что Михаил Александрович очень рѣзко измѣнился в характерѣ. Как-то его ничто не тро-

гало. Ко всему он сделался равнодушен и хладнокровен. Дѣла, хозяйство, семья—все это потеряло для него интерес. Его собственная личность стала для него неинтересной. Всегда опрятный, чистый, щеголеватый,—он теперь стал неряшлив, небрежен и нечистоплотен,—а между тѣм ему было всего 45 лѣт. В дѣлах он постоянно путал обстоятельства. По хозяйству иногда давал такія распоряженія, которыя вовсе не шли к дѣлу. Еслибы не письмоводитель и управляющій, то Михаил Александрович нажил-бы себѣ очень много непріятностей. Недолго однако огорчалась Надежда Ильинишна. Схватив воспаленіе легких, она скоро скончалась 38 лѣт от роду, прожив в супружествѣ 18 лѣт.

А Михаил Александрович и не замѣтил своей дорогой потери. Правда, во время похорон он даже плакал; но очень многих поразило то, что в промежутках он забывал даже о смерти своей дорогой супруги и нерѣдко отсылал гостей и прислугу за справками к Надеждѣ Ильи-

нишнѣ, которая в то время лежала на столѣ.

Потекла теперь жизнь Михаила Александровича ровно и однообразно. Почти все время сидѣл он себѣ дома и занимался ничего недѣланіем. Всѣм хозяйством заправляла его старушка-мать, без которой, вѣроятно, все пошло-бы прахом. Из уваженія к его прежней дѣятельности и его всегдашнему хлѣбосольству, дворянство держало его предводителем, но дѣла велись помимо его. Он только машинально подписывал то, что ему подставляли. Разумѣется подставляли ему не все в порядкѣ,— но до поры до времени все сходило с рук. Нѣкоторым дѣльцам такой предводитель дворянства был даже на руку.

А сам предводитель представлял собою свою прежнюю тѣнь. Он стал неряшлив, забывчив, нечистоплотен, нескромен и невоздержан в словах и поступках,—часто покушался избить окружающих, забывая, что времена кулачнаго права отошли в вѣчность. К этому присоединилась слабая и шаткая походка, дрожь в руках и неясная рѣчь. В послѣдній

год он даже нерѣдко под себя испражнялся и в таком видѣ появлялся в обществѣ.

Часто гдѣ сидит, там и заснет. Нерѣдко ему приходилось спутывать самых близких людей; так свою матушку он нерѣдко принимал за покойную супругу. Часто он блуждал в своем кабинетѣ и плакал, как дитя, не умѣя найти из него выходной двери.

В таком видѣ Михаил Александрович, 50-ти лѣт, по перешедшій во второе дѣтство, без всякой болѣзни и без всякаго повода, раз заснувши послѣ обѣда, уже не проснулся. Похоронили его с почестями, подобающими именитому человѣку, но искренно о нем уже никто не сожалѣл, ибо Михаила Александровича не стало на свѣтѣ уже давно. Таков был родоначальник семейства, о котором я имѣю в виду говорить, представлявшій под конец жизни явленіе *паралитическаго слабоумія*.

Михаил Александрович оставил послѣ себя пятерых дѣтей: Мишу, Колю, Костю, Олю и Надю.

Миша родился очень хилым ребенком. Так как его мать была жен-

щина очень слабая, то выкормила Мишу мамка, взятая из деревни,— женщина здоровая и крѣпкая. Несмотря на такую поддержку в питаніи со стороны кормилицы, Миша остался слабеньким и малокровным. Малѣйшее нарушеніе обычной его жизни сопровождалось судоргами (младенческое, родимчик, эклямпсія). Лихорадка, насморк, прорѣзываніе зубов—все это постоянно сопровождалось эклямптическими судоргами. Ребенок был весьма капризный, раздражительный и плаксивый. По ночам он часто просыпался, плакал и вскрикивал. Года в четыре он просыпался с криками, что около него стоит какой-то дѣд, страшный, страшный! И нужно было долго его успокаивать, пока он вновь заснет. Нерѣдко во время сна у него наблюдались вздрагиванія и подергиванія; а то он очень часто жаловался также и на то, что, при засыпаніи, ему казалось, что он падает в пропасть, сильно вздрагивает и просыпается. В 7—9 лѣт Миша очень любил сказки, но онѣ должны быть страшныя и занимательныя. Долго, долго послѣ сказки

мальчик, зарывшись в одѣяльце, переживал эту сказку. Вот кажется ему, что царевич, спасшій дѣвицу от змѣя и волка, никто иной, как он. Вот он, темной ночью, отправляется искать змія. Темные дремучіе лѣса. Вой звѣрей. Страшныя горы заслоняют ему дорогу. Все это он уничтожает, все преодолѣвает. Настигает самаго змія. Вступает с ним в непомѣрную борьбу... Ужасна эта борьба, но оканчивается благополучно. Дѣвица Ксенія спасена и спас ее он, Миша. Нелегко далась ему эта побѣда. Сердце бьется, как молоденькая птичка в клѣткѣ. Все тѣльце дрожит. Весь он покрыт потом... За то он герой, побѣдитель. Битва эта однако длится до полуночи и Миша не досыпает, благодаря этой битвы... А то вдруг Мишѣ кажется, что у него под постелью сидит разбойник с большим, большим ножем...Господи, как страшно!... А няня уже спит и знать не хочет, что вот, вот Мишу зарѣжут... холодный пот покрывает Мишу... Не шелохнется он... Весь дрожит, как в лихорадкѣ, и так дрожит до тѣх пор... пока не заснет...

А потом и во снѣ он вздрагивает под вліяніем отрывочных и безсвязных сновидѣній.

Вот Мишу обучили и грамотѣ. Не любит Миша учиться. Оно и не трудно, да непріятно,—а тут еще скоро забывается выученное. Священную исторію, исторію и географію любит Миша,—но уж русскій язык и ариѳметику,—терпѣть не может. И что за глупый предмет эта ариѳметика!.. Сидит Миша с карандашем в зубах над заданной задачей,—а фантазія далеко, далеко от дому!.. Вот он в Америкѣ, среди дикарей, завоевывает новыя земли... Ух, как опасно это дѣлать! Как они быстро и стремительно нападают! Рубит Миша их на-право и на-лѣво,—а они все идут и идут...

— Ты что это, болван, машешь карандашем?—кричит на него учитель.

А это Миша настолько увлекается образами своих фантазій, что невольно начинает размахивать карандашем вмѣсто сабли... Читать Миша любит, но только свои излюбленныя книги. Его любимый автор—Гоголь. Его герои: Тарас Бульба,

Гетман Остряница и другіе малороссійскіе гетманы, сложившіе свою голову за Січь, за свою родину «мать Украйну», за тот чудный родной Днѣпр, который разливается теперь перед глазами Миши... Сколько часов Миша просиживал на берегу «батька Днѣпра», гдѣ тысячи запорожцев сложили свою буйную голову за свою вѣру, за родину в борьбѣ с татарами, ляхами, турками и проч. Все это живо возстает в картинах перед ребенком и не позволяет ему жить разсудком. Миша как во снѣ... Он погружен в образы фантазіи и потому всецѣло предан им... Он любит музыку, любит пѣніе, любит живопись и дѣлает в них успѣхи... Но придаточныя предложенія, дополнительныя и опредѣлительныя слова... умноженіе и дѣленіе дробей, приведеніе их к одному знаменателю,—все это, по его мнѣнію, каторга, назначенная для того, чтобы терзать несчастных дѣтей.

Мишу отдали в гимназію. Не любил он дома товарищества. Не любил он его и в школѣ. Скромный, сосредоточенный и замкнутый, он стоял одиночкой. Уроки русскаго

языка, латыни и ариѳметики были прекраснымъ развлеченіемъ для класса, если Демидова спрашивали. Его отвѣты нерѣдко представляли феноменальную глупость. Зато инымъ онъ являлся на урокахъ исторіи. Съ любовью и увлеченіемъ повѣствовалъ онъ объ историческихъ событіяхъ. Быстро и звонко раздается его голосокъ, глазенки блестятъ, руки дрожатъ, жестикулируютъ... Кромѣ того, что Миша былъ нелюдимъ, онъ былъ капризенъ, раздражителенъ, плаксивъ и золъ.

Миша не любилъ никого. Одну только маму онъ обожалъ и очень ему было тяжко и грустно при поступленіи въ гимназію, гдѣ онъ лишенъ былъ возможности видѣться съ мамой...

Миша былъ въ четвертомъ классѣ гимназіи, когда мать его умерла. Это его страшно потрясло. Нужно сказать, что за два дня до полученія этого ужаснаго извѣстія у него явилось предчувствіе, что съ нимъ должно случиться что-то недоброе. Это недоброе и случилось. Умерла мама. Съ тѣхъ поръ Миша началъ вѣрить въ предчувствія. И какъ на зло, эти предчувствія очень часто оправдывались. Рядомъ съ этимъ у него явилась страсть

к суевѣріям. Тринадцатое число, понедѣльник, пустая бочка, переѣхавшая дорогу, встрѣча с священником,—все это ужасно мучило больного. За сим он начал создавать сам себѣ примѣты. Если он берет книгу и корешек ея стоит вправо, а раствор влѣво,—то урок пройдет благополучно; а возмет книгу наоборот,—быть бѣдѣ, хотя-бы он и прекрасно знал урок. И, дѣйствительно, не смотря на знаніе урока, под вліяніем тяготѣнія повѣрья, — он путался, сбивался и проваливался. Тогда он выдумал противоядіе: чтобы отогнать несчастье, он должен был, не переводя дух, прочитать под-ряд в умѣ «отче наш...» Удастся это сдѣлать, — несчастье минует; но если, не дай Бог, он по ошибкѣ вздыхал во время чтенія,—пропало дѣло—быть бѣдѣ... Массу других примѣт он придумывал, переживал, страдал и мучился ими, часто забывал старыя, но взамѣн их всплывали во множествѣ примѣты новыя. Все это забивало маленькую головку Миши, мучило его, отрывало от ученія и заставляло страдать. Только полный отдых па каникулах нѣсколь-

ко успокоил его нервы и отстранил примѣты, повѣрья и суевѣрія.

В прежнее время репетиторов не было, а дѣтей отдавали на воспитаніе учителям, которые и заботились о переводѣ дѣтей из класса в класс. Миша был в таком-же положеніи и потому неудивительно, что он окончил курс и поступил в университет по юридическому факультету. При переходѣ на второй курс родитель Миши скончался и теперь он, Михаил Михаилович, являлся представителем данной вѣтви и начальником рода. По смерти родителя оказалось, что все их имѣніе пошло прахом. Управленіе нѣмца имѣніем и управленіе письмоводителя опекунскими дѣлами довели до того, что семейству, по продажѣ всего имущества, не оставалось и пяти тысяч! а между тѣм их было пять человѣк. Что дѣлать и как быть? Тяжко это отозвалось на состояніи Миши... Пришлось просить милости у ближайших родственников и существовать их щедротами. А в дальнѣйшем—существованіе изза куска хлѣба и борьба за каждый шаг жизни. И это приходилось

вести Мишѣ, выхоленному и выведенному на помочах... Возвратившись в университет, он тяжко заболѣл. Собственно говоря, он и не был болен, но не был и здоров. Он впал в отупѣніе. Приходит на лекцію в университет и начинает ее слушать; но не проходит и трех минут, как мысль его далеко, далеко от лекціи... Ловит он себя. Опять рѣшает никуда не отвлекаться и опять через 2—3 минуты он далеко от лекціи. Так повторяется 10—20 раз в теченіе часа... Разумѣется, толку никакого из этих занятій. Начал Миша просить у товарищей записанных лекцій, чтобы дома собственными усиліями выполнить то, в чем были пробѣлы во время слушанія лекцій. Увы, дѣло шло не лучше. Читает Миша, читает и ровно ничего не понимает. Берет тетрадь. Читает ее вслух. Прочитал страницу. О чем прочитал? Хоть убейте, не понимает и понятія не имѣет. Опять читает. И опять тоже. Пять, десять раз читает,—и в десятый раз результат тот-же.

«Господи! что же это со мною?

Отупѣл... оглупѣл... совсѣм погиб. Что же мнѣ теперь дѣлать!... Повѣситься,—больше ничего не остается».

Отчаяніе, безпредѣльное отчаяніе одолѣвает несчастным юношей. Сон исчез. С открытыми глазами ложится,—с открытыми и встает. А если удастся сомкнуть глаза и заснуть,—то что это за сон!... Это сон не освѣжающій, а еще болѣе утомляющій... Голова тяжелая, общая разбитость, полнѣйшая пустота в мыслях и рѣшительная неспособность выжать хоть какую-нибудь мысленку. Ходит Миша, как автомат. Часто, вставши с постели, ночью он отправляется куда глаза глядят. Ни страха, ни опасенія за жизнь. Убьют! убьют! Развѣ это жизнь...

А то бывает и так. Вдруг Миша повеселѣл. Болтлив, розговорчив, общителен. Идет на лекціи— мір ему улыбается. Слушает лекціи и и все понимает. Мало того, он не только все понимает, а он предугадывает, что профессор скажет, и так и выходит. Ясность мысли, быстрота схватыванія и пониманія

необыкновенныя и поразительныя... Но и тут бѣда... Кончились лекціи. Миша идет домой... А в головѣ он ясно продолжает слышать лекцію. Рѣзко и отчетливо отчеканиваются мысль за мыслью, положеніе за положеніем. Невольно Миша оглядывается назад. Не говорит-ли кто? Но оказывается, что он один, а мысль произносится за мыслью... Бывает и так, что он сразу слышит двѣ лекціи. И это так ясно и отчетливо, что просто как в аудиторіи... Берет Миша тетрадь и хочет заглушить дѣлающееся в головѣ... Начинает читать. И удивительно, как он прекрасно все понимает и усвояет... Все это так просто и понятно, что как будто он давно это уже знал и слышал... Этого мало... Кончил читать, закрыл глаза,—а пред глазами тетрадь с ея строками, поправками, кляксами, зачеркиваніем и т. д. Вот он ясно переворачивает страницу за страницей и не только читает мысли, видит строки и буквы, но различает загибы бумаги и фигурки на полях...

Ну скажите, развѣ не с ума схо-

дит человѣк!.. Развѣ можно покойно существовать при таких условіях... Что-же это—болѣзнь?! Слава Богу у него нѣт ни лихорадки, ни кашля, ни болей нигдѣ... К доктору... совсѣм излишне.

Миша худѣет изо-дня в день. Он стал не блѣдный, а зеленый. Голова тупая, страшное давленіе в головѣ, а иногда он ясно ощущает, что голова совершенно пуста, пуста, как пустой шар. Стукни по ней и она зазвенит. . А вот она наполнена чѣм-то холодным... холодное, холодное, как лед... Сон... не будем говорить о снѣ... Это самая тяжелая каторга. Гораздо лучше было-бы лечь в гроб, на вѣчный покой, чѣм в постель, на мученіе и страданіе... Миша отказался и от пищи. Аппетита никакого. А то вдруг является сильный, сильный голод, — а чего-бы он съѣл—и сам не знает. В такія минуты он мчится в кондитерскую. Но всѣ эти пирожки, и слойки, и молоко так противны, что не хочется и смотрѣть. Так он и не найдет ничего подходящаго скушать... В виду того, что уже в теченіи двух мѣсяцев от

Миши не было никаких писем, бабушка пріѣхала сама к нему и свела его к доктору. Доктор заявил, что это *нейрастенія*. Посовѣтовал бросить всѣ занятія, уѣхать в деревню, гулять, охотиться и развлекаться.

Миша уѣхал. У бабушки у него явился сон, явился аппетит, он поправился, успокоился, начал готовиться к экзамену и удачно его выдержал до каникул,—а на каникулах он еще болѣе укрѣпился.

Правда, его нервность все-таки немного осталась при нем, но таких острых приступов с ним не было даже до окончанія курса в университетѣ. Было то, что он быстро утомлялся в занятіях, был очень впечатлителен, от всякой мелочи вздрагивал, часто поддавался чужим мнѣніям, быстро увлекался новостями и быстро охладѣвал, был вообще флюгером в убѣжденіях, был суетлив в дѣйствіях и поступках,—но все это было относительно вмѣру и впору. Сон его также был не из блестящих,—под вліяніем всяких мелких непріятностей он становился тяжелым, безпокойным

и не освѣжающим. Аппетит был всегда капризный и плохой.

По окончаніи курса в университѣ, Миша быстро получил мѣсто и. д. судебнаго слѣдователя. Дѣло было новое, чистое и благородное и Миша отдался ему всей душой. Дѣло это было дѣйствительно чистое и благородное, да вести-то его пришлось с грязью и непорядочностью. День и ночь работал Миша, не зная ни отдыха, ни покоя. Ну, и заработался. Через два года он был уже готов. Тупость в головѣ, неспособность пониманія, безсонница, тяжелыя мысли, тоска, отчаяніе, слабость умственная и физическая, потеря аппетита, отвращеніе к пищѣ, различныя ощущенія в головѣ,—по временам непрерывное торчаніе свидѣтелей перед глазами и неумолкающіе их разговоры, преслѣдующіе его днем и ночью,—все это возобновилось с прежней силой и осложнилось весьма непріятным для него явленіем: ему казалось, что за ним кто-то стоит. Миша идет,—ему кажется, что и «тот» идет за ним. Оглядывается. Никого нѣт. Опять продолжает путь,—

и «тот» за ним идет. Опять оглядывается и опять никого нѣт... И так он рад бывал, если кто-нибудь за ним дѣйствительно шел!... Это его облегчало и успокаивало. Сидит Миша за столом и допрашивает свидѣтелей; а за ним опять «тот»..! И знает он, что за ним никого нѣт,—а все-таки он невольно оглядывается и никого не находитъ. Тоже и ночью. Миша в постели, а около постели стоит «он»... И боится Миша оглянуться... Его все-таки нѣт, хотя он и тут... Кромѣ того, Миша постоянно испытывал ожиданіе: вот вот съ ним что-то случится... И знает он, что ничего нѣт и не может случиться,—а все-таки это ожиданіе висит над ним, как Дамоклов меч. Сознает вполнѣ Миша, что это болѣзнь, а между тѣм нѣт-нѣт, да и поддастся тяготѣющему над ним ожиданію чего-то неизвѣстнаго,—и загрустит и затоскует.

На счастье, начальство узнало о болѣзни Миши, дало ему двухмѣсячный отпуск и повышеніе по должности...

В это время Миша успѣл влюбиться

и жениться. К счастью, жена оказалась очень милой, доброй и любящей личностью,—и не без средств, так что мужу не пришлось работать из-за куска хлѣба. Тѣм не менѣе он продолжал свою служебную дѣятельность и нес ее вполнѣ честно и добросовѣстно.

Вскорѣ у них родился сын, а потом и дочь. Дѣтки были довольно здоровенькія и походили на крѣпкую и здоровую мать. Так благополучно протекла жизнь в теченіе пяти лѣт. В это время случайно жена нашего больного заболѣла тифом и Михаил Михаилович высидѣл у постели жены шесть недѣль.

Такая подвижническая жизнь не могла не отозваться на здоровьи Михаила Михаиловича. Нейрастенія возобновилась во всей своей силѣ. К этому присоединилось еще одно осложненіе. До сих пор М. М. не пил и не курил. Но в теченіе длинных бесонных ночей у постели жены, он начал курит очень много и страстно. 6—8 сигар и 50—60 папирос в сутки было обычной порціей нашего паціента. Часто он докуривался до одуренія и дрожи в руках

и во всем тѣлѣ. Явился на сцену и другой яд—кофе. Без кофе и табаку М. М. чувствовал себя слабым и безсильным,—только эти два алкалоида поддерживали в нем силу, энергію и бодрость. Но, по мѣрѣ употребленія алкалоидов, организм с ними свыкался и для пополненія испытываемых им дефектов, он все больше втягивался в кофе и табак.

Случалось, что почему либо нельзя было пить кофе и курить. Истинным мучеником чувствовал себя М. М. в это время. Слабость, безсиліе, пустота в головѣ, апатія, тоска и отчаяніе—наполняли душу М. М. Приносят кофе и табак и он оживает.

Под вліяніем пережитых тяжких минут с женою отравленія алкалоидами, нейрастенія М. М. возобновилась во всей своей силѣ и полнотѣ. Но вот к ней присоединилось и новое, ужаснѣйшее явленіе...

Однажды, напившись кофе и выкурив сигару, в благодушном настроеніи духа, М. М. выходит из дому, чтобы отправиться в суд—узнать что новаго. Выходит на площадь и, о ужас, на него напал

невѣроятный страх, ужас и тоска, при видѣ открытой площади! Сердце у него страшно забилось, горло сжало, дыханіе сперлось, руки дрожат, колѣни подгибаются, тѣло покрыто холодным потом.

Господи, что такое!.. Вѣдь пустое,—на площади нѣт ничего ни ужаснаго, ни особеннаго,—а между тѣм... конец моему бытію...

К счастью, шел кто-то- из знакомых, увидѣл на лицѣ М. М. растерянность, ужас, тревогу и отчаяніе и отвез благополучно домой. Как только ступил на улицу с площади,—так все и исчезло. Такое состояніе не могло не поразить М. М. и он отправился к спеціалисту нервных болѣзней. Оказалось, что у М. М. был приступ *агорафобіи* или боязни открытых пространств. Болѣзнь эта была проявленіем общей нервности, очень сильной и рѣзко выраженной, — почему спеціалист посовѣтовал: прекратить куренье и тоже оставить на время занятія, предпринять успокаивающее леченіе и отправиться на лѣто в Кисловодск, а на осень в Ялту. Михаил Михаилович все это продѣлал и через

четыре мѣсяца совершенно оправился.

Через пят мѣсяцев у него родился сын, у которого первые годы дѣтства сопровождались эклямптическими судорогами, а впослѣдствіи развилась эпилепсія.

Нервность М. М. однако успокоилась, но не прошла совершенно и еще недавно он был у меня, жалуясь на приступы агорафобіи, которые повторялись у него уже седьмой раз. Кромѣ того, его очень безпокоят младшіе трое дѣтей (еще сын и дочь), которыя проявляют плохой сон, часто снохожденіе, какіе-то обморочные приступы и удивительно скверный, злой и сварливый характер.

Такова жизнь первенца семейства Демидовых, который представил собою *наслѣдственнаго нейрастеника* с переходом его болѣзни по временам в приступы *агорафобіи*. Его дѣти—первые двое остались пока здоровыми, так как они унаслѣдовали организацію крѣпкой и здоровой матери,—послѣдніе трое представляют рѣзкую надорванност: один сын эпилептик, а что у осталь-

ных двух будет—еще покажет будущее: быть может истерія, а быть может и идіотизм и нравственное помѣшательство.

Второй член семейства был *Коля*. Коля на год моложе Миши. Он также нервен, также малокровен, также хил. Но это был веселый, общительный, бойкій и живой мальчик. Пожалуй, он был живѣй, чѣм слѣдует, болтливѣй, чѣм слѣдует, и бурнѣй, чѣм слѣдует. Учился он гораздо бойчѣе Миши и любил учиться. Его любимыми предметами были математика и языки. В гимназіи он отличался бойкостью, сообразительностью и шалостями. Во втором классѣ гимназіи, когда ему было 11 лѣт, характер его рѣзко измѣнился. Коля стал угрюмым, раздражительным, обидчивым, плаксивым и сварливым. Вмѣстѣ с тѣм у него начали замѣчать «дурныя манеры»: он никак не посидит покойно и пяти минут. То он двинет плечем, то дернет ногой, то махнет рукой... Такое неприличное поведеніе вызвало наказаніе в гимназіи: выговоры, «на колѣни», «в угол», без обѣда и проч. Плохая отмѣтка в поведеніи

влекла за собою наказаніе и от учителя-ментора, у котораго он состоял на попеченіи. Замѣчанія, взысканія и наказанія нисколько не улучшили дѣла, а даже ухудшили. Письмо Коли всегда отличалось чистотой, опрятностью и красотой: теперь оно стало неряшливо: явились какіе-то росчерки, помарки, неровность и кляксы... Новыя взысканія и наказанія, — но Коля являлся упрямо неисправимым и закоренѣлым нарушителем порядка... Но и этого было мало. Он начал дѣлать какія-то гримасы лицом: то сразу прищурит глаз, то искривит лицо, то передернет носом,—одним словом производил цѣлый ряд самых непозволительных гримас и тѣлодвиженій. Такое возмутительное поведеніе Демидова повело к тому, что явился сам директор гимназіи сдѣлать надлежащее внушеніе. И вот, когда вызвали Колю к отвѣту на середину класса при столь торжественной обстановкѣ, он превзошол себя в дерзости: начал топать ногами, размахивать руками, гримасничать лицом, даже показывать язык...

— Эге, ге, бѣдный малчик, ты серьезно болен, а тебя наказывают,— заявил ласково директор и погладил Колю по головѣ. Бѣдный мальчик, давно отвыкшій от ласки и все время видѣвшій только замѣчанія и наказанія, — разрыдался. Директор и здѣсь оказался отцом. Поцѣловал мальчика, взял его за руку, увел в свой кабинет и лично успокоил его там.

Оказалось у Коли *хорея или пляска Св. Витта.* При этом у мальчика измѣнился характер, умственныя способности притупились, явилась безсонница, потеря аппетита и цѣлый ряд мускульных подергиваній. Подергиванія наблюдались в лицѣ, руках, ногах, языкѣ, глазах, туловищѣ и головѣ. Эти подергиванія совершались то во время произвольных движеній: во время рѣчи, при письмѣ, при ходьбѣ,—то и в полном покоѣ. Чаще и рѣзче эти судороги проявляются в лицѣ и руках. Больной вдруг метнет головой, как будто его что стѣсняет в области шеи, прищурит бровь, скосит глаза, откроет, закроет и перекосит рот, высунет язык... В это

время его руки то отбросятся, то он вдруг взмахнет ими вверх, или в сторону, то их сгибает и разгибает, то пальцы сожмет, то разожмет, то без всякаго повода ударяет сам себя... Ноги тоже передергиваются, иногда настолько сильно, что больной падает с постели, со стула, а во время ходьбы ноги сразу могут подогнуться и больной со всего размаху падает... Рѣчь также часто измѣняется: становится отрывочной, глухой, с рѣзкими отдѣльными выкрикиваніями, неясной... Всѣ эти движенія совершаются вовсе не непрерывно, а, напротив, с достаточными перерывами и при том совершенно безпорядочно: то в лицѣ, то в рукѣ, то в ногѣ и т. д. Мы не ошибемся, если скажем, что в разгарѣ болѣзни каждое подергиваніе падает на минуту.

В тяжелых случаях болѣзни больные не могут ходить, не могут ничего брать руками—все вылетает из рук, не могут говорить.

Колѣ было назначено леченіе и он отправлен был в деревню. Через четыре мѣсяца он возвратился в гимназію и продолжал свои занятія.

На слѣдующій год таже болѣзнь появилась у него вновь, но была захвачена своевременно и устранена быстро.

Директор был прав, уводя Колю из класса и отправляя его домой. Это болѣзнь заразительная в том отношеніи, что другіе дѣти *путем подраженія* могут заболѣвать тоюже болѣзнью и таким образом может развиться эпидемія пляски Св. Витта, т. е. заболѣваніе очень многих дѣтей того-же заведенія, что неоднократно наблюдалось как в заграничных заведеніях, так и в русских.

Гимназію Коля окончил блестяще и поступил в университет по естественному факультету. Смерть отца и потеря состоянія на нем почти не отразилась.

По окончаніи курса в университетѣ он получил мѣсто учителя гимназіи и посвятил себя всецѣло педагогической дѣятельности. Вскорѣ он женился на очень красивой дѣвушкѣ, но без всяких средств, за то с большими претензіями и затѣями. Скоро его жизнь превратилась в ад: каторжный труд на пропитаніе, на-

ряды жены, ея прихоти и вмѣстѣ с тѣм постоянное пиленіе мужа и свободное обращеніе с знакомыми и незнакомыми мужчинами.

Николай Михайлович имѣл привычку ежедневно пред завтраком, обѣдом и ужином пить рюмку водки. Приэтом он испытывал прекрасный аппетит, хорошее настроеніе духа, бодрость и энергію. Так длилось долго. Попробуй он не выпить положенной рюмки водки, и он является иным человѣком: аппетит плохой, ѣст мало, настроеніе духа подлое, —он не в духѣ. Его дух теперь связан с спиртным духом. Его хорошее настроеніе, довольство и энергія живут в алкоголѣ. Таким образом в силу привычки, в силу повторности ощущеній, алкоголь стал для этого человѣка частицею его существа, без котораго он уже не цѣльный человѣк. Это пьяница? Нѣт. Почему? Потому что он еще не безобразничает. Но по существу это уже человѣк подорванный. Он не может уже существовать без частицы алкоголя... Время шло. Жизнь Н. М. была не сладка и не гладка. Шипы и терніи устилали его путь. Раз Ни-

колай Михайлович пришел к завтраку усталый, разбитый, огорченный. Выпил положенную рюмку и остался в том-же видѣ. Ѣст без аппетита, машинально. Выпил другую... полегчало. Стало лучше и все пошло на лад. Теперь он пил ежедневно перед завтраком, обѣдом и ужином по двѣ рюмки водки и чувствовал себя опять отлично. Прежнее довольство, энергія и жизнь возвратились... Что значит еще рюмочка.

К несчастію, дефект его существа увеличивался, по мѣрѣ этого, для цѣльности и уравновѣшиванія существованія требовалось постепенное добавленіе к искусственному плюсу и он добавлял его. Скоро и эти двѣ положенныя рюмки пріѣлись ему и стали не достаточны. Для прежняго довольства, душевной полноты, бодрости, живости и энергіи пришлось добавлять третью, четвертую, пятую и т. д. рюмочки... И Николай Михайлович стал пьяницею. Этот человѣк, ровный, энергичный, работающій равномѣрно изо дня в день и обладающій сильным характером, пригрѣв змѣю сознательно, безсознательно пал ея жер-

твою... Бывши прежде относительно здоровым, он стал теперь пьяницею... Басня учит, что и обычная, общепринятая рюмка водки, при неблагопріятных жизненных условіях, может стать источником гибели и повести к пьянству. Таким сдѣлался Николай Михайлович,—такими дѣлаются и тысячи других людей... Пьют-ли они с горя!.. Нѣт, в большинствѣ случаев «для подкрѣпленія сил», не понимая того, что это подкрѣпленіе ведет к вящшему ослабленію, голоду алкоголя, стремленію потушить и анестезировать это чувство, жаждѣ повторить испытанное чувство довольства, увеличенію пріемов алкоголя... и обычному пьянству. Одни пьют горькую, другіе—красное вино, третьи, ром, ликеры и т. д.,—не все-ли равно?.. Николай Михайлович сдѣлался пьяницею и умер от апоплексіи, не оставив дѣтей.

Оля была четвертым ребенком Демидовых. Как всѣ дѣти этой семьи, Оля была также и худенькой, и нервной и малокровной. Частыя ночи без сна, с неопредѣленными испугами, капризы, судороги во время

прорѣзыванія зубов, раздражительность и слезливость были обычными явленіями. Корь и скарлатина сдѣлали ее необыкновенно пугливой, раздражительной и нервной. Ей было 10 лѣт, когда ее вмѣстѣ с отцом понесли лошади. И отец и Оля благополучно выпали из экипажа, но перепуг был порядочный. В тот день все прошло благополучно. Но на другой день к полудню, без всякаго повода, у Оли вдруг приключился судорожный припадок.

Оля стояла у окна. Вдруг она издает дикій, пронзительный крик и быстро, как будто брошенная посторонней силою, низвергается спиной на пол. Тѣло вытянулось и оцѣпенѣло. Руки и ноги вытянуты и как желѣзныя. Кисти рук сомкнуты в кулак. Лицо блѣдное. Дыханіе рѣдкое, громкое и тяжелое, в видѣ храпа. Лицо напряженное, глаза скошены и подведены под лоб. Зубы стиснуты и оттуда по временам рѣдким дыханіем выталкивается кровянистая пѣна. Оля представляется в видѣ окоченѣлаго трупа. Взбрызгиванія холодной водой, нашатырный спирт, уколы иглой—без вся-

каго вліянія. Она без чувств и без сознанія. Так длится двѣ-три минуты, но онѣ всѣм кажутся вѣчностью. Лицо становится синеватым, в тѣлѣ замѣчаются вздрагиванія. Тетаническое окоченѣніе постепенно начинает смѣняться прерывистыми судорогами. Вот появляется судорожное подергиваніе в лѣвой половинѣ лица... в лѣвой рукѣ... в лѣвой ногѣ... переходит на правую сторону, охватывает все тѣло... Все тѣло изгибается, сотрясается и подбрасывается в судорогах... Лицо теперь красное. Дыханіе учащенное; пульс тоже очень частый... И эти судороги длятся 3—4 минуты,—но онѣ тоже кажутся родителям вѣчностью. Но вот онѣ стихают. Дыханіе замедляется Лицо блѣднѣет. Слѣдует тяжелый вздох. Конечности опадают и тѣло представляет безсильный, разслабленный труп,—без чувства и сознанія. Мало-по-малу безсознательное состояніе переходит в сон. Все прибирается,—всѣ убираются. При Олѣ остается только мать. Проходит полчаса. Оля просыпается.

— Что со мною? Я в постели...

голова тяжела... все болит... развѣ я заболѣла?..

— Нѣт, дитя мое, у тебя закружилась голова и тебя уложили в постель, отвѣчает мать.

Оля ничего не помнит, ничего не знает, ничего не понимает из того, что с нею было, хотя теперь совершенно в здравом умѣ.

Зовут медика. Осмотрѣл, выслушал, выстукал, — и ничего не нашел.

— О, это ничего! Это малокровіе и испуг... Да кромѣ того, вѣдь вы знаете, приближается такой період... Достигнет полнаго развитія и все пройдет. Кормите ее мясом побольше, давайте ей вина, — и все пойдет как нельзя лучше.

Кормят Олю едва-ли не сырыми бифштексами, поят ее дорогим венгерским вином, — а через мѣсяц опять такой-же приступ. И опять Оля поражена, что она в постели, с тяжестью в головѣ и общей разбитостью. Теперь она помнит одно: пред ея глазами явился странный огонь, она вскрикнула и потеряла сознаніе...

Опять доктор и опять завѣреніе,

что «это ничего»,—с извѣстным періодом пройдет. Дѣйствительно, шесть мѣсяцев не было ничего, а потом опять приступ и жестокій приступ, причем Оля разбила себѣ лицо... Затѣм год не было ничего. Наступило 12 лѣт,—наступил «извѣстный період»,—а приступы не только не прекратились, а участились. Теперь только та разница настала, что не каждый приступ сопровождается судорогами. Иногда бывает так: упадет Оля и лежит, как пласт $^1/_2$ минуты—минуту, а затѣм встряхнется, встанет и опять продолжает разговор, или работу. Теперь у нея по временам бывают головныя боли, головокруженія и кровотеченія из носа.

— Доктор, ради Бога, скажите, не падучая это—не эпилепсія?

— Что вы, что вы,—Господь с вами... Это простые обмороки... Дѣвочка малокровная, потеря крови велика,—вот и обмороки... Кормите лучше, давайте больше мяса, давайте крѣпкаго вина и, Бог даст, все пройдет... Да ищите жениха...

И кормят Олю, кормят на убой, поят уже не венгерским, а порт-

вейном и мадерой; а она все-таки заморышем выглядит. Вмѣстѣ с этим она стала страшно зла, раздражительна, самолюбива, завистлива, и вспыльчива. Ея вспыльчивость не знала предѣла. В минуту злости и вспыльчивости она не пощадит ни отца, ни матери,—и будь тут нож, она и ножем пырнет...

Спустя однако год припадки стихли,—появлялись не болѣе раза в год. Но характер был отчаянный. На бѣду она была очень красива и ея красота развивалась с каждым днем. Еще дѣвочка, она имѣла уже массу обожателей и издѣвалась над ними, как злой волченок.

Блестящая красавица, богатая и с хорошим положеніем невѣста, Оля не засидѣлась в дѣвицах. 18 л. она вышла замуж по увлеченію за красиваго улана. Скоро Господь благословил их и наслѣдником. Но припадки не прекращались. Почти регулярно они теперь являлись раз в мѣсяц. Теперь доктор должен был сознаться, что дѣйствительно у Оли *падучая или эпилепсія* и притом в двух формах: в формѣ большой или судорожной эпилепсіи и в формѣ

малой или обморочной эпилепсіи. Сознался он теперь и в том, что «извѣстный періодъ» не избавляет дѣтей от эпилепсіи,—не избавляет от нея и замужество. Напротив, в данном случаѣ и то и другое только усилило эпилепсію.

Ольга Михайловна прожила в супружествѣ двадцать лѣт и эти двадцать лѣт были для ея супруга добровольной каторгой. К счастію, всѣ их дѣти умирали в дѣтствѣ от воспаленія мозга и они не оставили послѣ себя потомства.

Надя была самая младшая дочь. Почему-то она вышла крѣпче и здоровѣе всѣх своих братьев и сестры. Правда, и она не отличалась деревенским здоровьем, но все-таки была крѣпенькая и розовая дѣвочка. В малом дѣтствѣ и она не избѣгла младенческаго во время прорѣзыванія зубовъ,—но оно у нея было очень рѣдко и слабо выражено. И она по ночам часто кричала и вздрагивала,—но опять таки значительно слабѣе остальных членов семейства. За то она была необыкновенно капризна,—капризна и к доброму и к дурному. То она отдает всѣ

свои лакомства и игрушки своим деревенским сверстникам, то она их без всякаго повода гонит и бьет. То она часто плачет без того, чтобы ее кто обидѣл,—а другой раз кто нечаянно хватит ее порядочно, а она, как безчувственная, ни слезинки. Часто она вздрагивала. Она была необыкновенно красивым ребенком и такою-же дѣвушкою. Ея красота выражалась не только в чертах лица, глазах и проч., но особенно в необыкновенно красивом розовом цвѣтѣ лица. Надя нерѣдко служила омраченiем очень многих минут жизни Оли ея цвѣтом лица, хотя и Оля была красавица. Замѣчательнѣй всего то, что аппетит у Нади был необыкновенно причудливый: всѣ дѣти запихались мясом, молоком и проч., а она наслаждалась солеными огурцами, сырой капустой и прочей мерзостью, на которую остальныя дѣти не хотѣли и смотрѣть,—а между тѣм она была на зависть блестящаго здоровья на вид.

В 12 лѣт у нея явились *приступы истерики*: подкатится шар к горлу, сожмет горло, начинается

хохот, являются судороги в тѣлѣ и все оканчивается слезами. Но чтобы при этом терялось сознаніе, — Боже сохрани. Всѣ эти приступы возникали из ничего. То ее не пустят верхом кататься, то ей откажут в каком-нибудь пустякѣ, то ее обидит кто-нибудь из обожателей... Но она почти всегда знала, когда у нея будет приступ, ибо уже за нѣсколько минут перед этим ее начинало жечь, как раскаленным желѣзом, между лопатками в спинѣ,—и это значит уж навѣрняка будет приступ.

В 14 лѣт с Надей было странное приключеніе. Послѣ маленькаго испуга, у нея вдруг отняло ноги. Она ими чувствует, но совершенно не может двигать. Лечили ее, лечили,—все безполезно. Доставили ее в Харьков к спеціалисту и там произошло чудо. Привезли ее к доктору. Он разспросил, осмотрѣл, а затѣм вдруг рѣзко и сурово приказал: встаньте,—и Надя встала. Пройдитесь,—и Надя прошлась по кабинету. С тѣх пор ея ноги возвратились.

Привезли Надю домой здоровень-

кой, но только ей это не особенно было по душѣ. Она ужасно любила, чтобы ею занимались, о ней говорили,—быть предметом вниманія и обожанія, а тут поговорили, поговорили и забыли. Мѣсяца через три Надя перестала ѣсть. Так-таки ничего не ѣла и баста. А между тѣм была совершенно здорова, румяная и веселая. Заподозрѣли обман. Учинили строжайшій надзор. Папа, мама и особенно Оля не давали Надѣ шагу ступить без наблюденія за нею. Смотрѣли, смотрѣли и дѣйствительно должны были сознаться, что уже двѣ недѣли Надя ни крошки не ѣст ничего. Родители страшно испугались. Опять в Харьков. Доктор говорит:

— Оставьте вы мнѣ вашу дочь мѣсяца на три, при условіи, чтобы никто из родных ее не навѣщал,— и она совершенно будет здорова; иначе в будущем вам придется с нею имѣть много горя.

— Как оставить нѣжную больную дѣвочку без ласки и надзора... Да и кто помимо матери будет так ходить за нею...

— Ваше дѣло. И на этот раз

она будет здорова,—но скоро вновь заболѣет и тогда хуже будет.

Надя, дѣйствительно, скоро выздоровѣла, а через два мѣсяца сразу ослѣпла на оба глаза. Глаза прошли. Надя стала без голоса. Мука родителям. А Надя довольна. Она героиня. О ней всѣ говорят, пріѣзжают смотрѣть на нее. Ей скучно, если у нея нѣт ничего особеннаго. Она даже не прочь что-нибудь выдумать на себя. Нужно замѣтить что еще с дѣтства Надя была лгунья,—лгунья, без всякой цѣли и без всякаго смысла,—просто из любви к искусству. Будучи еще ребенком, она вдруг бѣжит и кричит: «папа, мама, Николай Николаевич пріѣхал, идите в гостиную».

Отправляются в гостиную и—никого нѣт.

Другой раз летит Надя и плачет горькими слезами. Ея Миша побил. Зовут Мишу. Наводят слѣдствіе... Оказывается, Миша ее и не видѣл. Еще хуже бывало, когда она потихоньку жаловалась гостям, что ее родители бьют, что ей не дают ѣсть, что ей не мѣняют недѣлями бѣлья и т. д. и т. д. За-

чѣм и почему она это дѣлала? Ей было пріятно, чтобы ею интересовались, о ней говорили, ее жалѣли и ласкали,—и для этого она не щадила никого и ничего.

Вот и теперь ей тошно бывает, когда у нея нѣт никакой болѣзни. И вот она начинает выдумывать разныя небылицы. То она сегодня видѣла ужасное видѣніе. То у нея в животѣ завелись какіе-то звѣри... то у нея в головѣ все перевернулось. Если все это не имѣло эффекта, то она не задумывалась и перед отравою. То она примет спички, то она выпьет карболовую кислоту... Разумѣется, выпьет она двѣ-три спичечных головки и одну каплю карболовой кислоты, а пробалговѣстит об этом на весь мір...

Характер Нади был отчаянный, в полном смыслѣ слова *истерическій характер*—ежедневно, ежечасно, ежеминутно она переходила с невообразимой быстротой от радости к печали, от смѣха к плачу; совершенно своенравная, она бывала то безконечно болтлива, то становилась мрачною и погружалась в молчаніе и состояніе умственнаго

оцѣпенѣнія. В это время ею овладѣвало смутное и необъяснимое чувство печали, сопровождаемое ощущеніем сжатія в горлѣ. Часто она принималась громко рыдать или же плачет потихоньку в уединеніи, которое ей необходимо, — но всегда это дѣлает так, чтобы всѣ об этом узнали... Никто впрочем не плачет с такою легкостью, как истеричныя, — словно у них есть ключ к источнику слез, который онѣ не умѣют во-время запереть. Сказать о Надѣ, что она плакала от всякаго ничтожнаго повода было-бы несправедливо, так как она плакала и без всякаго повода... Но этот плач сплошь и рядом смѣнялся у нея бурным весельем и раскатистым смѣхом. Ничего она не умѣла дѣлать в мѣру, все это у нея выходило через мѣру. Вообще измѣнчивость в характерѣ Нади была отличительной чертою: вчера она была мила, любезна и внимательна, — сегодня раздражительна, угрюма, недоступна, груба, дуется из-за пустяков, капризничает и жалуется на судьбу: ничто ее не интересует, все ей надоѣло. Сегодня она про-

являет отчаянную антипатію к человѣку, котораго еще вчера удостоивала вниманія, расположенія и любви,— теперь же эта любовь неожиданно перенесена на другого. При этом она начинает преслѣдовать нѣкоторых людей с тѣм большим ожесточеніем, чѣм сильнѣе любила этого человѣка.

Замѣчательна еще одна особенность характера Нади: иногда пустяк, ничтожное обстоятельство могут ее страшно взволновать и довести до истерики, тогда как обстоятельство важное, смерть дорогого лица и проч., проходят для нея совершенно безслѣдно и она остается к ним безучастною и равнодушною. Точно также безпричинно она способна переходить от доброты к жестокости и от кротости к гнѣву.

Эта неустойчивость характера сопровождалась и неустойчивостью ума. Надя не могла долго останавливаться на одном каком-нибудь предметѣ и непрестанно перескакивали от книги к книгѣ и от занятія к занятію.

Самолюбіе Нади не знало предѣ-

ловъ. Самая ничтожная шутка способна была причинить ей жестокую обиду, негодованіе и нескончаемыя слезы. Все у нея превращается в драму и принимает театральный характер. Простая обыденная жизнь с ея заурядным теченіем превращается ею в цѣлый ряд важных событій, полных драматизма. Она безпрерывно и с одинаковым успѣхом играет в жизни и комедію и трагедію на почвѣ обыденной дѣятельности. Она непонимает простоты. Страсть, ревность, гнѣв, любовь,--все у нея преувеличено, все выходит из ряда обычнаго, умѣреннаго проявленія чувства. Она не знает, что значит господствовать над страстями и потому сама является игрушкою страстей. Владѣть собою, знать, что одно можно сказать, а о другом лучше умолчать,—что есть возвышенныя чувства и низменныя страсти и что, отдаваясь влеченію первых, необходимо подавлять вторыя,—все это ей недоступно. Если ею овладѣвает гнѣв или ревность,—тѣм хуже: она без удержу отдается этим чувствам; если ею овладѣвает чувство милосердія или покорности,—

тѣм лучше: она безгранично становится доброю и послушною. Достаточно только подумать, чтобы сказать кому либо непріятность, или дерзость,—и то и другое тотчас-же срывается с языка.

Никогда нельзя было положиться на чувства Нади. Всякое предвидѣніе было-бы в этом случаѣ напрасно, так как в каждый данный момент может оказаться столько же причин для хорошаго расположенія духа, как и для совершенно противоположнаго. Доктор всегда должен был имѣть в виду ея лживость и склонность к надувательству, так как ей доставляло истинное удовольствіе вводить всѣх в обман. Она пересказывала небылицы, нисколько не смущаясь их неправдоподобностью, хвалилась тѣм, чего никогда не дѣлала и не могла дѣлать, приплетая цѣлую вереницу ложных подробностей. Ея ум, блестящій, память вѣрная, воображеніе необыкновенно живое и только отсутствует у нея способность воли обуздывать страсти.

Надя испытывает необыкновенную потребность со всѣми ссориться и

дѣлать невыносимою жизнь всѣм окружающим. У нея нѣт никакого собственнаго убѣжденія и она смотрит на обстоятельства глазами других: кто послѣдній повліял на нее, глазами того она и смотрит на дѣло. Вмѣстѣ с тѣм она необыкновенно самолюбива и смотрит на себя, как на человѣка с умом выше других. Относясь к себѣ с таким преувеличенным самомнѣніем, она причину своих неудач видит в других. Не питая ни к кому глубокаго чувства, она обращается к совершенно незнакомым лицам с жалобами на людей близких и дорогих, причем не стѣсняется в правдивости для оттѣненія красок в своих жалобах. Опомнившись, что она сдѣлала глупость, Надя сожалѣла не о том, что без всякаго повода компрометировала достойное и почтенное лицо, а о том, что не нашла себѣ полнаго сочувствія в лицѣ, коему наносила жалобу. Честность и правдивость ей неизвѣстны.

Такова была Надя. Она была в полном смыслѣ слова вампиром, сосавшим кровь из всѣх окружаю-

щих. Такова она была с родителями и семьей, такова она была и с мужем, за которого она, повидимому, вышла по любви.

У ней было шесть дѣтей и всѣ они вышли какія-то неудачныя и в смыслѣ их способностей, и в смыслѣ здоровья.

Вот четыре члена семейства: старшій сын глубокій нейрастеник с переходом нейрастеніи едва-ли не в душевную болѣзнь; второй сын хореик и затѣм привычный пьяница;—старшая дочь эпилептичка; младшая истеричка и с истерическим характером. Всѣ они такими остались и до конца жизни. Их отец был сифилитик, окончившій жизнь паралитическим слабоуміем; мать—женщина здоровая, ставшая истеричною под вліяніем сильных потерь крови, истощенія и семейных неудач.

У нас остается пятый член семейства, третій сын, *Костя*. Он тоже заслуживает вниманія к себѣ.

Костя, пожалуй, был слабѣе всѣх дѣтей. Родился он без дыханія и признаков жизни и только настойчивое искусственное дыханіе

возвратило его к дѣятельной жизни. Слабый, зеленый, золотушный—он был истинный заморыш. Уже в первые годы он был злой и каверзный мальчик. Поломать чужія игрушки, спрятать их, забросить, выкинуть пакость братьям—все это для него составляло истинное удовольствіе. Ночи его проходили не всегда благополучно: часто, в лунныя ночи, он поднимался с постели и предпринимал путешествіе по дому и саду, пока его не излавливали, не приводили в постель. На другой день он ничего не помнил о своих путешествіях. Было у него (лѣт 6 и 7) два каких-то обморока, но значеніе их не выяснено. Начал он учиться с полным отвращеніем к ученію. Много, нужно было усилій, чтобы выучить его читать и писать. Если Миша любил исторію и географію, если Коля любил ариѳметику и языки, то Костя все равно ненавидѣл. Да и трудно ему давалось ученіе. Одно только необыкновенно быстро и без всякаго труда воспринимал он—иностранные языки. Он выучился говорить по французски и по нѣмецки совершенно шутя. Повезли Костю в

гимназію. Еще при отправленіи его туда, он напрямик заявил, что он сбѣжит из гимназіи. Терпѣть он не может учиться. Он любит степь, лѣс, рѣку и будет пасти лошадей, а учиться не хочет. Все равно в первый-же урок он укусит учителя. Сказал и сдѣлал. Первый урок был чистописанія. Учитель подошел к Костѣ и хотѣл ему поправить тетрадь; но тот так глытнул его за руку, что всѣ зубы так и въѣлись в тѣло... Дѣло было улажено. Неоднократный побѣг тоже не удался. Вздумал Костя повѣситься, и тут не удалось: сняли с петли. Пришлось покориться. Не смотря на то, что он жил на квартирѣ у учителя, что ему давали уроки и другіе учителя, Костя умудрился до четвертаго класса пробыть шесть лѣт, на чем и закончил курс. Собственно говоря, он выучился читать, писать и усвоил четыре правила ариѳметики. С удовольствіем он возвратился домой, исключенный из гимназіи за малоуспѣшность и дурное поведеніе, и хотя за это он познакомился на конюшнѣ кое с какими непріятностями,—все-таки был счастливым и доволен.

Прикомандировали его к управляющему, хотя мало было надежды, чтобы из него вышло что порядочное. Хилый, худой слабогрудый, зеленый, малокровный, скрытный, грубый, злой и тупоумный — он много-бы лучше сдѣлал, если-бы оставил сію юдоль плачевную и переселился в лоно Авраамово. Нужно сказать, что нѣмец - управляющій хотя и очень любил свои собственные интересы, однако был прекрасный образованный агроном. Костя с любовью сѣл на лошадь и поѣхал в поле. Под вліяніем собственнаго влеченія и постояннаго общенія с нѣмцем-агрономом, Костя полюбил хозяйство. Он пристрастился к нему и начал вникать в сущность дѣла. Вскорѣ увидѣли необыкновенное явленіе: Костя заперся в комнатѣ и читает книгу. Эта первая книга была по сельскому хозяйству. В два года Костя стал неузнаваем. Вырос в косую сажень, окрѣп, пополнѣл, сдѣлался общительным, добрым и снисходительным. Ѣл за десятерых и спал, как убитый. Все хозяйство под руководством нѣмца он прошел и рѣшил: нужно ѣхать заграницу

учиться хозяйству. Рѣшил и сдѣлал. Поѣхал он Германію в сельско-хозяйственное заведеніе, гдѣ в качествѣ простого чернорабочаго проработал два года. Послѣ этого еще год он работал во Франціи. 21 года здоровый, красивый молодой человѣк и образованный агроном возвратился в дом отца, но уже не застал отца в живых. По ликвидаціи всѣх дѣл, на долю Кости пало 100 десятин земли. Эти 100 десятин составили для него золотое дно. Женившись на бѣдной, но здоровой и полюбившей его дѣвушкѣ, Костя принялся за хозяйство со всѣм пылом молодой, страстной натуры, правильно направленной на извѣстное дѣло. Через пять лѣт у него уже была тысяча десятин земли, с рѣкою, лѣсами и прочими угодьями,—а около него пять крѣпких и здоровых дѣтей. Еще пять лѣт и Костя оказался собственником пяти тысяч десятин земли, нѣскольких тысяч голов овец и рогатаго скота,—у него свои табуны лошадей, вокруг него крестьяне благоденствуют и благословляют умнаго барина. Он теперь мировой судья, губернскій гласный, попечи-

тель над школами. Но всѣми этими дѣлами орудуют не управляющіи и письмоводители, а сам он лично. Недавно он был у меня. Необыкновенно крѣпкаго сложенія, высокій, широкоплечій мужчина, дѣтской доброты и снисходительности. Пріѣзжал он совѣтоваться со мною на счет своего сына. Одарил его Бог всѣм, но не дал счастья в дѣтях. Из пятерых крѣпких и здоровых дѣтей трое умерли от дифтерита, а двое остались в живых: сын и дочь. Дочь еще находится в институтѣ и что из нея выйдет—Господь знает; а сын уже заставляет задуматься.

Отец сам сознается, что проклятье наслѣдственности, миновав его, отразилось на его сынѣ. Путем раздольной жизни на животворном воздухѣ, строгаго воспитанія в руках крутого и систематичнаго нѣмца, затѣм жизни в здоровой атмосферѣ нѣмецкой земледѣльческой школы,—зачатки нервной наслѣдственности в нем были подавлены. Из заморыша в нем воспитался гигант. Но сѣмя болѣзненной наслѣдственности в нем тлѣло и вылилось в его сынѣ, создав в нем человѣка ограниченнаго

и тупоумнаго. Занятый своими земледѣльческими дѣлами и желая дать сыну блестящее образованіе, он отдал его в одно из привиллегированных петербургских заведеній с средним и высшим образованіем. Теперь он окончил курс и вышел в свѣт. Но далеко не тѣм человѣком, как желал-бы видѣть его отец. Мы опишем его сына словами Scholz,а [1].

Сын Константина Михаиловича, Вася, юноша, 25 лѣт. Он обладает красивой наружностью, с открытым лицом и тонкими чертами, высок и строен, с мягким и любезным обращеніем. Физически он здоров. Его сон и аппетит прекрасны. Что-же касается его умственных сил, то у него нѣт недостатка в быстром пониманіи и правильном сужденіи. К этому прибавляется живость и подвижность ума (положим, доходящая до безпокойства). С помощью значительнаго запаса общественнаго образованія и внѣшней ловкости, проявляющейся особенно в знаніи и способности владѣть иностранными язы-

---

[1]) *Scholz*, Діэтетика духа, первод. К. Н. Ковалевской, стр. 82.

ками, он легко может ввести поверхностнаго наблюдателя в заблужденіе и показать ему внѣшность высокоодареннаго ума, имѣющаго самый разнообразный интерес. Но при болѣе внимательном наблюденіи недостаток легко открывается. Уму не достает силы и глубины,—верхушки знаній он легко схватывает, но болѣе глубокія соображенія ему недоступны. Легко схватить идею и прицѣпить к ней механическим образом ряд других представленій,—это он может сдѣлать. Но настойчиво прослѣдить ход мысли, логически мыслить, вообще сосредоточить свое вниманіе на продолжительное время—на это он не способен. Таким образом он остается нищим нетолько в основных положительных знаніях,—но и высшая умственная дѣятельность, на сколько она состоит в способности образованія отвлеченных понятій, не доразвита у него. В этом у него проявляется слабость ума.

К этому присоединяется и слабость характера. Наш юноша добродушен, услужлив, любезен; но ему ничего не стоит солгать, или даже

обмануть, чтобы избавиться от минутнаго стѣсненія. Ему не достает высших нравственных побужденій. Ему, при всей его внѣшней выправкѣ, не хватает чувства собственнаго достоинства, живого сознанія принадлежности великому общему цѣлому—родинѣ и человѣчеству, которому он должен посвятить свою дѣятельность. Он знает эти высшія нравственныя понятія,—т. е. слышал о них, но они не живут в нем, они остались для него только пустым звуком. Он никогда не обладал этими чувствами, а потому в нем и нельзя их пробудить. Всякій призыв к ним, всякое убѣжденіе остаются гласом вопіющаго в пустынѣ. В наилучшем случаѣ он выслушивает подобныя внушенія, но продолжает поступать все-таки управляемый своими импульсами...

А между тѣм господствующим в нем настроеніем является ненормально преувеличенная самомнительность. В нем царит переоцѣнка собственных достоинств и неспособность сознавать отличіе собственной личности от окружающей обстановки. В каком-бы дурном положеніи он

ни находился, он быстро забывает непріятности самаго недавняго прошлаго и весьма довѣрчиво относится к будущему. «Я покажу, на что я способен, что ни в ком не нуждаюсь и стою на собственных ногах»... Он весьма любит хвастать успѣхами и побѣдами в дѣлѣ любви и при этом не обходится без привирательства; рука об руку с болѣзненно преувеличенной самооцѣнкой является извѣстная обидчивость. У него является подозрѣніе, даже увѣренность в том, что он недостаточно другими оцѣнен и не признается тѣм, что он, по его мнѣнію, есть. Каждое противорѣчіе вызывает неудовольствіе и дурное настроеніе...

Его общая умственная слабость подтверждается его жизненными привычками и свойствами жизненных интересов. Он предпочтительно посѣщает военный концерт, оперетку, цирк или скачки, — всѣ зрѣлища, способныя удовлетворить только поверхностную потребность развлеченія,—или отправляется стрѣлять голубей. Он бы не дѣлал этого, если-бы мог понять, что это дурно. Осмысленно любоваться серьезным

произведеніем искусства или сочиненіем, углубляться в научный вопрос из любви к знанію—на все это он неспособен. Если он когда-либо умственно работал, то только к экзамену, да и то не слишком много...

Таков потомок родителя, побѣдившаго в себѣ болѣзненную нервную наслѣдственность самодѣятельностью, но не успѣвшаго уничтожить ее до непередачи потомству.

Я обѣщал дать клиническія картины нейрастеніи, хореи, эпилепсіи и истеріи. Я их дал в лицах, в видѣ описанія их в одном семействѣ у разных членов. Нужно-ли еще, помимо того, перечислять всѣ признаки этих болѣзней? Едва-ли. Болѣзни и без того достаточно выяснены. Всѣ эти болѣзни обязаны своим происхожденіем патологической наслѣдственности. Но онѣ могут явиться и благопріобрѣтенно, под вліяніем плохого воспитанія и неблагопріятных жизненных условій. Картина болѣзни будет та же самая,—только механизм развитія нѣсколько иной.

III.

Леченіе современных нервных болѣзней.

Разумѣется, здѣсь мы имѣем в виду говорить о леченіи вышеуказанных нервных болѣзней не лекарствами, не бромом, лавровишневой водой и проч., а тѣми пріемами, о которых должны подумать члены нашего общества, дабы предотвратить хотя часть тѣх нервных разстройств и страданій, которыя так распространены среди нас.

Прежде всего стоит такой вопрос: можно-ли предотвратить и устранить пагубное воздѣйствіе нейро-патологической наслѣдственности? Или иначе: можно-ли видоизмѣнить или устранить тѣ особенности нервной организаціи, которыя унаслѣдуются потомками от их предков? Видя нерѣдкіе примѣры тому, как часто дурное воспитаніе портит благіе задатки, унаслѣдованные потомками от их предков, мы с увѣренностью рѣшаемся сказать: да, можно достигнуть и обратных результатов, т. е.

предотвращенія тѣх дурных результатов организаціи потомства, которые воспринимаются от предков. Для этого требуется разумное, правильное и серьезное воспитаніе.

Не мнѣ излагать систему разумнаго, правильнаго воспитанія,—это дѣло педагогов. Я же считаю долгом намѣтить только тѣ пункты, которые должны быть приняты во вниманіе родителями и воспитателями в настоящее время по отношенію к дѣтям, наслѣдственно предрасположенным к нервным и душевным болѣзням.

Первое и основное правило всего этого дѣла состоит в том, что *родители должны сознать всю опасность возможности передачи ими своей ненормальной конституціи, болѣзненнаго расположенія, своим дѣтям и принять предохранительныя против этого мѣры.* Для этого они сами должны лечиться. Никогда не должны родители забывать о том, что в их организмѣ таится яд сифилиса, пьянства, морфіомании, эпилепсія, душевное разстройство и т. п. и неустанно они должны освѣдомляться у опытных и образованных

медиков—в какой мѣрѣ их внутренній враг грозит им и их потомству.

Второе. Раз дѣти появились, то уже с перваго дня их появленія на свѣт родители обязаны посвятить избраннаго ими врача в тайну семейнаго несчастья, дабы уже с этого момента предпринять мѣры противодѣйствія унаслѣдованным качествам дѣтей. Разумѣется, не послѣднюю роль в этом отношении играет питаніе дѣтей. Не могу здѣсь не указать на одну уродливость питанія наших дѣтей в настоящее время. Их запихают мясом, часто сырым, мясом и вином. Их хотят сдѣлать хищниками и кровожадными... Это большая ошибка. Все должно дѣлаться в мѣру и в пору. Мясо давать можно, но не преимущественно мясо. В равной мѣрѣ должно даваться и молоко, и рыба, и зелень и плоды. Преимущественно мясная діэта не улучшит ни их питанія, ни нервной системы; скорѣе-же она портит и то и другое. Что-же касается вина, то оно рѣшительно и во всѣх случаях должно быть запрещено дѣтям. Оно не укрѣпляет, а возбуждает только и в послѣдствіи может дать цѣлый

ряд непріятностей. Scholz [1]) по этому поводу говорит слѣдующее: «Его дают даже не слабым дѣтям, по привычкѣ «для укрѣпленія», и не думают о том, что им таким образом в дѣтском возрастѣ прививают душевно-тѣлесную потребность, удовлетвореніе которой способно не только задержать нормальное развитіе мозга, но может в зрѣлом возрастѣ вызвать страсть к пьянству».

Всѣх таких дѣтей в первыя 5—6 лѣт их жизни слѣдовало-бы содержать в деревнѣ. В городѣ нѣт свѣта, нѣт воздуха, нѣт простора, нѣт свободы, за то в городѣ масса шума, суеты, нездоровой жизненной обстановки, в силу чего нервная система дѣтей, не укрѣпляется, а еще больше разстраивается.

В дальнѣйшем возрастѣ слѣдует уравновѣшивать воспитаніе тѣлесное и душевное, не давая перевѣса одному перед другим.

Жизнь в тиши деревни, среди природы, при правильном и здоровом питаніи, при соотвѣтствующем леченіи, в значительной мѣрѣ уравно-

....

[1]) *Scholz*, Діэтетика духа, стр. 143.

вѣсит организм и подготовит его к воспріятію правильнаго воспитанія и образованія.

Желаете правильно в нравственном отношеніи воспитать дѣтей— будьте им примѣром во всем.

Приступая к воспитанію дѣтей, мы должны проявлять доброту, сердечность, искренность и правдивость, если мы желаем, чтобы эти качества укрѣпились и в наших дѣтях и чтобы дѣти сохранили уваженіе к нам.

Разумѣется, дѣло не обходится без замѣчаній, взысканій и даже наказаній, но при этом требуется от нас послѣдовательность, выдержанность и согласіе слова с дѣлом. Опять таки наш примѣр в этих качествах может породить и развить таковыя же и в дѣтях. Порывистость, страстность и аффективность в такой же мѣрѣ, если не в квадратѣ, отразятся и на дѣтях.

При выборѣ спеціальнаго образованія и рода дѣятельности наслѣдственникам мы не можем не посовѣтовать им дѣятельности, связанной болѣе с движеніями и занятіями на воздухѣ, чѣм сидячую каби-

петную жизнь. В этом отношеніи предпочтительно можно совѣтовать занятія техническія, агрономическія, инженерныя и даже в морском и военном вѣдомствѣ. Гораздо менѣе удачны в этом отношеніи дѣятельности педагога, юриста, ученаго и даже медика.

Супружество в настоящее время должно быть очень и очень обдуманно. Не о том должны заботиться родители, какое приданое за той или другой невѣстой и какія у нея связи,—а о том, какая у нея родня. Это будет гораздо важнѣе и для будущей семьи, и для родителей, и для потомства, и для общества.

Обращаясь к жизненному строю общества, не можем не напомнить о господствующих в нем болѣзнях—сифилисѣ и пьянствѣ. Каждый сифилитик, когда бы ни был у него сифилис, должен об этом вспоминать ежедневно, ложась спать и вставая,—дабы не быть усыпленным. Болѣзнь подкрадывается исподволь и потихоньку, «яко тать в нощи»—и плохо будет тому, кого болѣзнь застанет как не «мудрую

дѣву» без свѣтильника в руках, ибо часто тогда бывает поздно и лечиться и заботиться о дѣтях.

Не малое зло и пьянство, хотя, может быть, всуе рекомендовать умѣренность, воздержаніе, ограниченіе и т. д. тѣм, кто не понимает этого собственным разумом и собственным внутренним инстинктом.

Жизнь нашего общества идет необыкновенно безсмысленно. Мы живем ночью; хотя преспокойно могли-бы жить днем. Мы сплошь и рядом ѣздим, когда могли-бы ходить. Мы ѣдим лишнее, пьем вредное, дѣлаем завѣдомо опасное для здоровья... И все это дѣлается с благодушіем... Для удовольствія, но на болѣзнь...

Нужно-ли говорить о петербургской жизни?.. Петербург—это Содом и Гомора. Столица величайшей имперіи, столь-же гибельная, как велико государство, ее питающее. Это жизнь огненная, в которой сгорают всѣ соки государства. Туда идут деньги из государства и не возвращаются. Туда идет лучшее пищевое довольство и никого не упитывает. Туда идут жертвы люд-

скія и не возвращаются. Посмотрите, развѣ Петербург живет своими силами... Тысячи людей приходят в него из Имперіи и служат ему с тѣм, чтобы их потомство погибло безвозвратно. Это город, построенный на костях и поддерживаемый человѣческими костьми... Посмотрите вы на современных дѣятелей Петербурга! Развѣ это уроженцы Петербурга! Нѣт, это пришельцы. Петербурга не было, нѣт и не будет, потому что всѣ условія его жизни направлены к вымиранію.

В Петербургѣ нѣт солнца. Петербургское солнце можно показывать за деньги, как рѣдкость. В Петербургѣ нѣт воздуха. В Петербургѣ нѣт свѣта, нѣт простора, нѣт жизни... Есть прозябаніе. Люди превратили день в ночь и ночь в день... В Петербургѣ много ѣдят и еще больше пьют. В Петербургѣ работают сверх сил, но еще больше болтают.

При такой жизни неужели можно ожидать здоровья, продолженія рода и укрѣпленія общества?.. Никогда—вырожденіе его удѣл.

IV.

ПРЕСТУПНИК.

Современное человѣчество, при настоящих условіях бытія—малоземельи и безземельи, огромнѣйшем пролетаріатѣ, чрезмѣрной конкуренціи, весьма усиленном предложеніи и неизмѣримо меньшем спросѣ,—словом, при невѣроятно ожесточенной борьбѣ за существованіе,—может болѣе или менѣе безобидно существовать в том случаѣ, если человѣк будет работать и бороться не в одиночку, а сообща. Только община или общество может спасти единицу, если не от полной гибели, то, во всяком случаѣ, от слишком тяжелой и опасной для его жизни борьбы.

Такое облегченное существованіе в формѣ общин, обществ и проч. возможно, однако, при незыблемо стоящих двух условіях: если единица будет поступаться нѣкоторыми своими личными интересами, своими личными удобствами в пользу остальных членов общины и если община

будет охранять и поддерживать каждаго своего отдѣльнаго члена, не нарушая и не коверкая его личных индивидуальных особенностей жизни. Недостойна своего призванія и положенія та община, гдѣ или отдѣльные члены слишком гнут ея бытіе, слишком злоупотребляют ея общими интересами в свою личную выгоду, или если община, сплотившись, слишком подавляет отдѣльную личность. И в том и в другом случаѣ община обречена на гибель в борьбѣ за существованіе с природою, окружающими условіями жизни и однородными же общинами.

Тѣм не менѣе, если теперь и возможно еще болѣе или менѣе покойная жизнь, то только в видѣ общиннаго бытія. Это положеніе доказывается тысячелѣтіями существованія человѣчества.

Присматриваясь, однако, к такой общественной жизни человѣка, мы видим, что во всѣ времена его бытія в обществах были нарушители его условій общественной жизни, нарушители тѣх положеній, тѣх законов, на основаніи которых живет и существует данная община. Такіе

нарушители обычной законной жизни во всѣ времена отмѣчались обществом и извѣстны были под именем преступников. Преступники—это люди, обладающіе не тѣми мыслями, чувствами, желаніями и побужденіями, чѣм всѣ остальные члены даннаго общества, а потому и поступающіе иначе, вопреки интересам всѣх остальных членов. Если нормальные члены проявляли волю, направленную на благо общины, то преступники проявляли волю злую, причиняющую вред обществу. Поэтому члены общины с нормальными проявленіями своих дѣяній всегда вели борьбу и травлю против этих людей преступных, излавливали их, наказывали и изгоняли из своего общества. Такой взгляд, такой пріем со стороны членов общины, удовлетворяющих общественным нормам бытія, или членов нормальных, при узком взглядѣ на жизнь, вполнѣ понятен. Ты не хочешь жить с нами, как мы живем—уходи от нас. А так как ты кромѣ того принес вред членам общины, то и понеси наказаніе соотвѣтственно совершенному тобою преступленію.

Вопрос—почему эти нарушители и преступники так поступали, откуда взялась эта преступность, чѣм она была вызвана и обусловлена—это все были праздные вопросы, непараждающіеся еще в средѣ, живущей примитивной нравственностью. Раз эти преступные люди живут волею не доброю, а злою—им нѣт мѣста на земном шарѣ, они не суть званные на пиру общественной жизни. Поэтому заключеніе, истязаніе, ссылки и даже смерть удѣл тѣх несчастных, кои одержимы злою волею.

Скоро, однако, человѣчество начало думать об этом положеніи преступников и хотя первые шаги невѣжественной думы дали и горькіе плоды, однако, человѣчество скоро исправилось, покинуло ложный путь мышленія и пошло по пути знанія, правды и любви.

Задавшись вопросом—откуда эта злая воля у преступников, человѣчество увидѣло, что в одних случаях зло порождается само по себѣ в человѣкѣ, в других же случаях злая воля поселяется в человѣкѣ злым духом, демоном, діаволом. Эта по-

слѣдняя категорія людей считалась одержимою демонами и дѣйствовавшею под их наущеніем и направленіем. И стало послѣдним горше первых. Преступников содержали в тюрьмѣ и ссылали, одержимых демоном, на равнѣ с колдунами и вѣдьмами сожигали на кострах, сожигали десятками, сотнями и тысячами... Человѣческое невѣжество, суевѣріе и предразсудки были безжалостны и ужасны. И такое звѣрство тянулось вѣками. Столбы пламени и дыма несчастных невинных жертв возносились к небу, но они оставались гласом вопіющаго в пустынѣ.

XIX вѣк принес важное наслѣдіе XX вѣку. Он породил знаніе. Он дал науку. Он изучил людей и отдѣлил виновных, от невинных, несчастных от злых и больных от здоровых. Стараніями людей передовых и просвѣщенных было доказано, что у одной части людей с злою волею, т. е. с волею, направленною на созиданіе зла данному обществу, эта злая воля порождается не злым духом, не діаволом, не демоном, а болѣзнію. Эти люди дѣйствительно одержимы, но только не посторонною силою, а

болѣзнью. Злой дух был упразднен. Он получил отставку. Выяснено было значеніе болѣзни, а также и то, что люди, одержимые болѣзью, лишенные образа божія, заслуживают не наказанія, а сожалѣнія, сострæданія, любви и самопожертвованія. Человѣчество поняло эту мысль, сознало ее, признало и приняло всѣ мѣры к тому, чтобы облегчить страданія этих людей. Еще 25 лѣт назад мнѣ лично приводилось видѣть этих несчастных прикованными в цѣнях и в кандалах; а теперь весь просвѣщенный мір покрыт самыми современными и человѣколюбивыми лечебницами для душевно-больных.

Незыблемый нерукотворенный памятник создал себѣ XIX вѣк. Это памятник наукѣ, знанію и просвѣщенному человѣколюбію.

Таким образом из категоріи преступных людей были изъяты люди душевно-больные и тюрьмам, ссылкам и казням остались только одни чистые преступники. При чем и по отношенію к ним мыслящее человѣчество сдѣлало многое, чтобы облегчить участь существованія этих отверженцев. Оно, напр., у нас соз

дало Сибирь, каторжныя работы в рудниках, приковываніе к тачкѣ и годами нераздѣльную жизнь с этою подругою, приковываніе к стѣнкам, пожизненные кандалы, полное уничтоженіе личных заявленій и безконтрольное наказаніе, ни чѣм не отличающееся от истязанія, Сахалин и т. д.

Но рядом с этим пытливый и человѣколюбивый дух отдѣльных людей работал и в другом направленіи. Эти люди задались самым простым вопросом: откуда злая воля у злодѣев и преступников? Все, что мы имѣем в нашей душѣ, в нашем умѣ, в наших знаніях,—все, что мы проявляем в наших дѣйствіях и поступках—все это есть проявленіе функцій нашего мозга. Все это нами получается или понаслѣдству от наших родителей, или является плодом воспитанія. Каждый из нас, представляя теперь законченнаго образованнаго человѣка, является плодом двух жизненных начал: наслѣдственности и условій жизни, при которых мы жили и воспитывались. Теперь мы живем и дѣйствуем вполнѣ самостоятельно, но эта самосто-

ятельность несомнѣнно обусловливается нашею натурою, нашим предшествовавшим воспитаніем. Мы плоть от плоти наших родителей, мы кровь от крови того общества, в котором мы жили и воспитывались. Что же у нас своего личнаго?.. Если у нас злая воля, то или мы ее унаслѣдовали, или нас так воспитали... Правда, преступники виновны в том, что они нарушают общественные интересы. Но не виновны ли и родители, которые породили их с нервною системою, проявляющей злую волю. Невиновно ли и общество, которое допустило их воспитаніе в средѣ разврата, пьянства, нищеты проституціи, воровства и проч. Дѣйствительно ли преступник только человѣк злой,—не есть ли он в тоже время и несчастный, обреченный в одних случаях на отверженность от общества от рожденія, а в других случаях с дѣтства путем воспитанія!.. Дѣйствительно ли только кара, месть, презрѣніе, и ненависть—удѣл этих людей и не заслуживают ли они хотя немножко состраданія, милосердія и любви... Нашлись и такіе еретики, которые заявили рѣшитель-

но и открыто, что эти преступные люди—люди несчастные. Нашлись и послѣдователи у этих чудаков. Явились цѣлыя общества, которыя утвердились в мысли, что преступные люди несчастные, несчастные в одних случаях от рожденія, а в других вслѣдствіе воспитанія. И в том и другом своим несчастьем они обязаны не себѣ, а родителям, или обществу. Поэтому долг общества позаботиться о том, чтобы эти люди не вредили ему, чтобы эти люди были устранены из него,—долг общества еще больше позаботится исправить этих несчастных людей и сдѣлать их правоспособными и полезными гражданами,—но еще большій, еще высшій и еще болѣе обязательный долг общества состоит в оздоровленіи самого общества, чтобы оно не порождало и не воспитывало таких уродливых и несчастных членов. Эта важная задача—дѣло будущаго. Прежде чѣм принимать и осуществлять эти мѣры, прежде всего нужно изучить, что такое преступник,—а за тѣм уже принимать мѣры к его исправленію

и мѣры к оздоровленію общества от этой язвы.

Намѣтив эти вопросы, XIX вѣк их не разрѣшил, а оставил в наслѣдіе XX вѣку.

Теперь на нас лежит обязанность разрѣшенія этих вопросов.

II.

Существуют ли какія либо отличительныя черты, по коим можно было бы узнавать преступников? На это приходится прежде всего отвѣтить то, что преступный класс людей представляетсобою слишком сложную массу и дѣлится на нѣсколько разновидностей. Различают преступников прирожденных,—ставших таковыми под вліяніем жизненных условій и воспитанія или привычных,—преступников случайных и преступников душевно больных.

Преступники—душевно-больные — это просто люди душевно-больные, совершающіе свои преступленія в ненормальном душевном состояніи и потому они исключаются из этой категоріи. Преступники случайные—обычные люди, совершающіе престу-

пленія при несчастно сложившихся обстоятельствах,—их психологія—психологія нормальнаго человѣка. Остаются преступники прирожденные и преступники привычные или ставшіе такими под вліяніем условій жизни и воспитанія. Их психологія sui generis, для обоих видов одна и таже. Прежде чѣм перейти к изложенію мѣр борбы с преступностью, нам приходится в коротких словах изложить ту симптоматологію, которая характеризует психологію преступника. Для большаго удобства мы остановимся на психологіи прирожденнаго преступника,—так как психологія привычнаго преступника отличается только механизмом развитія.

Прирожденные преступники всегда дѣти преступников, нищих, пьяниц, нервно — и душевно-больных, сифилитиков, чахоточных и проч. Таким образом —это дегенераты или выродки, уже от рожденія получившіе орган душевной жизни извращенный и ненормальный.

[1]) Болѣе подробно это изложено в нашей книгѣ: «Психологія преступника». Изд. 3-е. 1901.

Это дѣти, отягченныя болѣзненной наслѣдственностью и явленіями органическаго вырожденія,—в общем их регулирующіе и задерживающіе центры нервной системы не способны сдерживать и подавлять их животные аппетиты и низшіе инстинкты,—да и вообще не могут сохранять равновѣсія. Уже с ранних лѣт на них видимы их психическія клейма, оттѣняющія их от других дѣтей. При прорѣзываніи зубов, разстройствах желудка, лихорадочном состояніи, эти организмы склонны к судорожности. С 4—5 лѣт иногда проявляются насильственныя явленія и импульсы, нравственныя и умственныя уклоненія и низшіе инстинкты. Эти дѣти очень капризны, раздражительны и своенравны. Дурныя качества этих дѣтей нерѣдко проявляются уже в их золотушном сложеніи, внѣшней фигурѣ и тупом выраженіи лица; иногда же выраженіе их лица настолько злое и отталкивающее, что оно одно заставляет их бояться, а что-то зловѣще звучащее в их голосѣ и холодно деспотичное в их взглядѣ—их сторониться. Такія дѣти не

любят сверстников, угрюмы, необходительны и больше держат себя одиноко, — или же предпочитают общество взрослых, особенно людей не вполнѣ хорошаго качества,—зато онѣ быстро и близко сходятся с себѣ подобными выродками и заключают тѣсную дружбу. Они не чувствительны ни к ласкам, ни к наказаніям. В родительской любви они не нуждаются, за то и сами не проявляют чувства любви к родителям. Они непослушны, необузданны, деспотичны, с неровным настроеніем и со странностями в поведеніи. Рядом с этим, однако, нерѣдко сживаются слабость характера, невѣжество и легкомысліе, хитрость, тщеславіе, жадность, кокетство, притворство, лицемѣріе, непостоянство нрава и безпокойство; ограниченіе и принудительность им вовсе не понутру,—почему они питают особенную ненависть к домам трудолюбія. Они очень часто являются одичалыми и лишены представленія о Богѣ, добрѣ и злѣ, собственности и т. п. Умственныя способности их обычно ниже средняго уровня, часто они проявляют быстрое пониманіе и

недостаточное вниманіе и усидчивость, вообще в их душевной энергіи нарушено равновѣсіе и им как бы чего не достает. В школах они проявляют неуспѣхи, лѣнь, неохоту к чтенію, недостаточность вниманія и отсутствіе прилежанія, чрезмѣрную лѣнь, отвращеніе к усидчивости, постоянную склонность к смѣнѣ впечатлѣній и очень рѣдко проходят начатый курс до конца. В школах их считают лѣнтяями, непослушными, испорченными дѣтьми и бездѣльниками. Вообще они проявляют какое-то пониженіе жизненнаго импульса, неустойчивость в дѣлах, отвращеніе к продолжительным занятіям и ко всему, что требует хотя малѣйшаго напряженія, особенно же они склонны к бѣготнѣ, шуму, суетѣ, ничегонедѣланію и доставленію всяких удовольствій и наслажденій. С ранних лѣт они весьма чувствительны, склонны к пороку и лишены нравственнаго чувства,—законы приличія им чужды, похотливыя побужденія и онанизм им присущи почти с дѣтства. Всѣ низкія животныя побужденія у них очень живо выражены и рѣзко проявляются, а высшія нахо-

дятся в оцѣпенении. Разврат, пьянство и карты—очень раннія птицы даже в этом возрастѣ. По отношенію к окружающим и близким людям полный индиферентизм, полная безучастность к страданіям других, жестокосердіе и жестокость по отношенію к животным и людям, в болѣе рѣзких случаях, удовольствіе при видѣ мученія близких, желаніе причинять эти страданія, наслажденіе при истязаніи других, страсть к пролитію крови и особенная какая-то кровожадность.

Вот тип прирожденнаго малолѣтняго преступника,—во взрослом всѣ эти качества развиваются сильнѣе, проявляются ярче и грознѣе.

Обращаясь к изученію *умственной* жизни *взрослаго* прирожденнаго преступника, прототипом котораго, несомнѣнно являются *убійца*, мы должны указать на согласный голос всѣх наблюдателей и сами присоединиться к нему, что он в *умственном отношеніи* нѣсколько *ниже уровня средняго здороваго человѣка.* В нѣкоторых отношеніях арестанты проявляют черты дѣтскаго характера: *усиленную отзывчивость на*

внѣшнія раздраженія, при чем, однако, образующіяся впечатлѣнія являются слишком поверхностными и скоро улетучивающимися,—*быстрыя измѣнчивыя душевныя движенія*, без способности их регулировать и соподчинять, недостаточность обдумыванія поступков и даже нерѣдко рефлекторность их, *неспособность понимать и сочувствовать страданіям ближняго*,—и *неспособность долго сосредоточиваться* на отвлеченных предметах.

К примитивным уклоненіям в душевной жизни преступника должно отнести прежде всего недостаток *вниманія*. Естественным послѣдствіем такого положенія дѣла будет *ограниченіе количества воспріятій, ограниченіе количества ощущеній, ограниченіе количества представленій и знаній.*

Недостаток интереса к жизненным явленіям обусловливает у этих людей с одной стороны недостаток вниманія, а с другой—недостаток *прилежанія*, чѣм объясняются у таких лиц неуспѣхи в ученіи, и недостаточность в работѣ, неспособность к выдержкѣ и постоянное из-

гнаніе их из учебных и ремесленных заведеній и других учрежденій, гдѣ их заставляют искать себѣ средства к жизни. Гдѣ нѣт вниманія, там нѣт прилежанія,—гдѣ нѣт прилежанія, там нѣт успѣха, а безуспѣшность нигдѣ не терпима. Недостаток вниманія является отчасти причиною и других проявленій умственной жизни преступника. Всѣ наблюдатели указывают на классическую *непредусмотрительность*, *несообразительность*, *безпечность* и *легкомысліе* прирожденных преступников. Повидимому строго и заранѣе обдумывая то или другое преступленіе, они сплошь и рядом выполняют его так, что оставляют послѣ себя слѣды и улики,—или же, выполнив свой план «чисто», они послѣ этого ведут так, что легко себя выдают, ловятся и не умѣют надлежаще скрыть своих слѣдов.

Преступный человѣк в умственном отношеніи представляет дефективность количественную, без всяких аномалій в ясности, отчетливости и правильности механизма соображеній, сужденій, выводов и

дѣяній. Рядом с этим наблюдается недостаток *отвлеченнаго мышленія* и *пробѣлы* в области *высших этических понятій*. Если ум прирожденных преступников в общем стоит ниже средняго уровня, то в вознагражденіе они обладают чрезвычайною хитростью.

За то *нравственная* их область представляет рѣзкія и существенныя уклоненія, которыя дѣйствительно их выдѣляют из остального общества и объединяют в особый класс людей, так называемый преступный класс людей. Основною чертою характера прирожденнаго убійцы служит полная нравственная *нечувствительность*, отсутствіе любви к ближнему, чувства сострадания, милосердія, сочувствія, раскаянія и стыда. Взамѣн этих высоких нравственных чувств наблюдается или пустота, или, что еще хуже,—наличность *жестокости*, *безсердечія*, *кровожадности* и *другихъ низших животных свойств*, наблюдаемых еще у доисторическаго человѣка. Homo homini lupus est.

В этом отношеніи можно различать двоякое уклоненіе: одни из та-

kих людей только *нечувствительны к несчастью ближняго* и представляют пассивное отношеніе k своему состоянію, полагая основою своей душевной жизни свое личное я и его интересы; в других случаях на мѣстѣ этого дефекта и пробѣла выростают сорные плевелы *жестокости, kровожадности и изувѣрства*. Дѣянія тѣх и других лиц будут рѣзко отличаться между собою. Убійства первых лиц будут являться предметом необходимости, убійства вторых—предметом удовольствія. Первый в своем преступленіи видит достиженіе своей цѣли,—второй—kромѣ того и удовольствіе. В первом случаѣ будет лишь анестезія нравственнаго чувства,—во втором же и эkивалент его низшими животными чувствами.

Отсутствіе или значительное ослабленіе нравственнаго влеченія k ближнему ведет k тому, что преступниkи не испытывают *ни раскаянія, ни угрызенія совѣсти*.

Второю органичесkою чертою характера прирожденнаго убійцы служит безпредѣльная *лѣнь*, иногда связанная с *ненавистью и отвра-*

щеніем к труду. Как положительная сторона этого душевнаго пробѣла являются: стремленіе к легкой наживѣ на счет ближняго, удовлетвореніе своих страстей, разгул, кутеж и разврат. Рядом с бездѣльем и лѣнью проявляются у этих людей такія душевныя качества, как *злоба и мстительность.* Проявленіем *лѣни и бездѣлья* у преступников нерѣдко является склонность к *бродяжничеству* и неспособность приспособиться к какому бы то ни было дѣлу.

Дальнѣйшею отличительною чертою характера преступников является *ложь,* обман и крайнее *тщеславіе.* Лживость присуща преступнику вообще, но особенно рѣзко она проявляется в *хвастовствѣ и самовозвеличеніи.* Самохвальство и тщеславіе нерѣдко служат причиною погибели преступника. Так, нѣкоторые из них, готовясь к преступленію, не удерживаются заявить окружающим, что о них скоро заговорит весь свѣт.—Почти всѣ преступники приходят на мѣсто преступленія на второй—третій день послѣ преступленія, дабы освѣдо-

миться, что говорят о преступленіи и преступниках. При покупкѣ оружія, они часто дают понять, что оно покупается для чего то важнаго. С жадностью они читают газеты, в которых говорится об их преступленіях, и страшно гордятся тѣм, что они служат героями дня. Ко всѣм вышеуказанным свойствам характера должно еще прибавить у многих преступников *цинизм, трусость, низость и малодушіе*. Нельзя сказать, чтобы *религіозное чувство* было совершенно чуждо этим людям; только оно проявляется рѣдко и часто смѣшивается с суевѣріем, предразсудками и религіозною формою.

Нѣкоторые преступники оставляют *литературные труды*, в которых очень рельефно отпечатлѣвается низкій уровень душевной жизни этих людей. Их идеалы слишком матеріальны, их дамы слишком циничны,—а самое изложеніе в большинствѣ отличается недостатком выдержки, отсутствіем цѣльности и частыми пробѣлами в изложеніи. На этой аномальной почвѣ преступной натуры иногда разы-

грываются болѣзненныя *импульсивныя явленія.* Многіе преступники вполнѣ искренно заявляют, что то или другое преступленіе они совершают невольно, под вліяніем какого то внутренняго непреодолимаго гнета.

К импульсивным проявленіям в душевной жизни преступников должно также отнести *взрывы бунтовъ*, то по одиночкѣ, то даже совмѣстно почти у всѣх, живущих в заключеніи.

Отличительною чертою преступнаго класса людей является склонность их к *объединенію* в шайки, банды, корпораціи, и общества. Эти общества являются для них своим собственным государством, которому они безпрекословно служат и находят себѣ в нем пріют и защиту. Вѣковое существованіе Мафіи и Каморы в Италіи, Испаніи и проч. удостовѣряет, что эти разбойничьи сообщества могут быть слишком прочными и способными выдерживать вѣковую борьбу с непреступным классом народонаселенія; даже недавно создавшаяся в Петербургѣ *Гайда* настолько прочно установи-

лась, что самыя энергичныя, предпринимаемыя против нея мѣры, остаются тщетными.

Если в каторжную семью попадет человѣк непреступный, то он не сливается с нею и не становится членом ея. Ни общность положенія, ни общность несчастія, ни совмѣстная жизнь не ассимилируют этого члена с прочими членами данной семьи.

Это семья, в которой в крайней нуждѣ друг другу помогают, друг друга поддерживают и друг друга выручают. Эта корпоративность создавалась, поддерживалась традиціонно и сохранялась между всѣми.

Чувство *арестантской чести и товарищество* до слишком живо и устойчиво у них. *Товарищество*—это великая сила у арестантов, как карающая, так и помогающая. Горе тому, кто пойдет против товарищества. Ему отмстят, гдѣ бы он ни был,—отмстят не потерпѣвшіе, а другіе по рѣшенію товарищества.

У нѣкоторых из этих злодѣев иногда появлялось даже *чувство благодарности*, любовь к родителям, любовь к дѣтям, любовь к ближнему человѣку, хотя эти чувства таятся

в глубинѣ и не выставляются напоказ. Не лишены каторжане и *любви к животным.* Арестанты страстно любят *свободу.*

С наступленіем весны, как закукует кукушка, начинается у каторжников періодъ всеобщаго бѣгства. У нѣкоторых каторжников страсть к скитаніям по тайгѣ или дремучему сибирскому лѣсу обращается прямо в какую то манію. У них имѣется очень мало надежды на удачный исход бѣгства; они знают, что им придется питаться лишь ягодами и корешками, спать на сырой землѣ, переносить безчисленныя страданія и лишенія, на каждом шагу ожидать встрѣчи с дикими туземцами,— но не смотря на все это, лишь только раздается весной первый крик кукушки, как страстная тоска охватывает все существо стараго бродяги и он стремится снова окунуться в полную дикой прелести жизнь авантюриста.

Такова душа преступника.

V.

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

Человѣчество во всей своей массѣ, гдѣ только оно ни существует на земном шарѣ, на ряду с радостями переживает и несчастье, горе, скорбь и страданіе, при чѣм эти послѣднія в нѣкоторых группах столь постоянны и столь однообразны по своему проявленію, что они для него являются как бы роковыми, предопредѣленными и неизбѣжными при его земном бытіи. К такого рода несчастьям относятся болѣзни, голод, пожары, преступленія и проч. Православная церковь, на всем пространствѣ ея господства, ежедневно молит Господа об избавленіи от болѣзни скорби огня, меча, нашествія иноплеменных, потопа, губительства и междуусобныя брани. Представителем преступности в этой молитвѣ «о еже избавитися нам»—является губительство и, пожалуй, междуусобная брань. Во время установленія этой эктеніи преступленія совер-

шались гораздо рѣже, несравненно проще и не тяготили так общество, как в настоящій момент. Нынѣ не то. Великое несчастье, великое бремя для общества—болѣзни,—не малое его горе составляют и преступленія, убійства, разбой, грабежи, воровство, мошенничество, поджоги и проч.—все это нетолько ежедневныя, но ежечасныя ежеминутныя событія нашей жизни,—и никто из нас не гарантирован, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послѣзавтра подвергнется одному из сих видов несчастья, извѣстнаго в общем под именем *преступленія*. Из весьма поучительной статистики преступленій, опубликованной Министерством Юстиціи в 1899 г., оказывается, что на массу народонаселенія Россійской имперіи, находящуюся в Европейской Россіи, за пятилѣтіе (1889—1893 гг.) совершено уголовных преступленій 284073... Кажется довольно...

Такое неимовѣрно большое количество преступленій в обществѣ составляет для него великое иго и тяжкое бремя. Лучшіе люди общества и лица, стоящія на стражѣ его интересов и безопасности, не мало

думали о нем и не мало положили забот об избавленіи от него. Так как каждому из нас ежедневно, ежечасно угрожают или личному существованію, или имущественному положенію, или *нравственному* благополучію; то приняты были мѣры нетолько к *ограженію личной и имущественной безопасности* путем должнаго возмездія, но установлены были мѣры и *предупрежденія и пресѣченія преступленія в самом его зародышѣ.*

В послѣднем случаѣ во всѣх цивилизованных государствах установлены были особенныя учрежденія, агенты коих должны были предотвращать преступныя дѣянія. Каждый член общества, для того, чтобы быть по праву таковым, должен строго исполнять свои обязанности и если он будет предпринимать что либо не соотвѣтствующее положеніям бытія даннаго общества, то он является по отношенію к нему преступником. Блюстителям общественной безопасности надлежит слѣдить за тѣм—исполняет ли каждый из членов общества свой долг и не замышляет ли он чего

либо вреднаго и противузаконнаго против даннаго общества... Обязанности столь же многотрудныя, сколь и неисполнимыя; во всяком случаѣ часто ведущія к большим недоразумѣніям и постоянно к безцѣльной затратѣ времени и труда. Укажу на двѣ случайности. Граждане, исполняющіе свой долг,— истинные граждане,—граждане, нарушающіе общественныя условія бытія даннаго общества—преступники... Ну, а граждане, недѣлающіе ничего полезнаго, но и ничего вреднаго и противообщественнаго? А таких не мало, как пьяницы, нищіе, шатуны, бездомники и т. д. Всѣ эти лица могут и не совершить никакого преступленія,—но, однако, это главнѣйшій контингент, из котораго вербуются преступники,— тѣм не менѣе многіе из них не только не опекаются блюстителями порядка, а часто даже становятся под охрану оных...

Есть и другой тип людей, достойных вниманія... Часто общественные устои и общественные нравы складываются очень низко и слишком опошляются. Обществен-

ная ложь, обман, безпорядочный и безграничный протекціонизм, самое нахальное и открытое взяточничество, безпардонное самоуправство, мошенничество, безнравственность и подобныя милыя качества так насыщают общество, что отдѣльным членам становится жить невыносимо тяжело. И вотъ одни поканчивают с собою самоубійством, а другіе, болѣе нравственно и умственно крѣпкіе, а, главное, не зависимые, являются протестантами этого общественнаго болотнаго *настроенія* С точки зрѣнія истинной нравственности—это люди передовые, это лучшая часть даннаго общества, это его цвѣт,—а с точки зрѣнія блюстителей порядка—это нарушители, это люди безпокойные, это члены общества опасные, и если не вредные, то не желательные. И такой взгляд на подобных безкорыстных борцов за правду устанавливается не только у низших и мало просвѣщенных агентов—блюстителей общественной безопасности, но и у самых высоких. Еще не давно одному близко мнѣ извѣстному лицу другое высокопоставленное лицо да-

ло такой отвѣт: «мы ничего не имѣем против ваших знаній, извѣстности, добросовѣстности и дѣловитости, но, по отзыву лиц, заслуживающих довѣрія, вы представляетесь *безпокойным человѣком*... и потому...

Прослыть безпокойным человѣком в нашем обществѣ, — это значит погубить себя безвозвратно. Вы можете быть пьяницей, картежником, взяточником, мошенником, завѣдомым крупным вором, сомнительным банковым дѣятелем, никогда не исполнять возложенных на вас обязанностей... Но быть безпокойным человѣком—над вами крест.

А такой титул безпокойнаго человѣка чаще всего ставят лица, охраняющія общественную безопасность. Многовѣковой опыт всѣх цивилизованных стран міра утверждает, что эти *блюстители общественной безопасности не охраняют общества от несчастій в формѣ преступности и не выполняют de facto своего назначенія* предупрежденія и пресѣченія преступленій. Наилучшим тому доказательством служит повсемѣстный прогрессивный рост

преступленій из года в год. Обращаясь к статистическим данным того же министерства юстиціи за время с 1874—1794 гг., мы видим, что рост населенія за это время увеличился как 100: 132,—а количество преступленій в мировых учрежденіях, судах и общих судебных установленіях являются в отношеніи 100: 140. Таким образом количество преступленій в нашем государствѣ за 20 лѣт росло нетолько соотвѣтственно возрастанію народонаселенія, но даже достаточно превзошло его. Спрашивается, что же сдѣлали в это время агенты охранители и предупредители преступленій? Они исполняли свой долг. Да, это правда. Но правда и то, что их дѣятельность не оправдала себя. Очевидно, она поставлена не так, как должно было бы быть. Очевидно, в ея строѣ и дѣятельности должно прядпринять коренную и основательную реформу. Ибо, мимо того, что они для общества явились безполезными и безплодными в смыслѣ прямых результатов их дѣятельности,—они явились убыточными для общей экономіи даннаго общества. Прежде

всего тысячи людей были взяты из общества, его жизни и дѣятельности и поставлены для спеціальнаго дѣла, которое они выполняли и добросовѣстно и *безпримѣрно*, но в результатѣ безполезно, — слѣдовательно, это есть прямой дефект в производительности даннаго общества, ибо если бы всѣ эти агенты, вмѣсто охраны и пресѣченія, занимались на фабрикѣ или в полѣ, то они дали бы несомнѣнно плюс в экономіи общества. Теперь же только минус. Но этого мало. Всѣ эти агенты, служащіе в интересах общества и отдающіе ему жизнь, получали от него содержаніе. Таким образом они заставляли не только работать за себя, но и работать на себя. В концѣ же концов результат получился по меньшей мѣрѣ отрицательный.

Окончательный вывод из всего этого тот, что *охрана общественной безопасности и предупрежденіе и пресѣченіе преступленій по образу полицейскаго устройства для современнаго общества являются не достигающими цѣли, не современными и убыточными*. Нужно поискать дру-

гих способов и принять другія мѣры охраны общественной безопасности и предупрежденія и пресѣченія преступленія, согласно современно научным данным и современному соціальному строю общества. Проф. Есипов [1]) совершенно прав, говоря: истинное правовое государство должно быть не аптекою, гдѣ на аптекарских вѣсах взвѣшивают проступки и соотвѣтствующія им наказанія,— не томожни, гдѣ взимают строго установленные штрафы за переход за границу дозволеннаго,—оно должно быть прежде всего источником любви и попеченія, в котором *нравственно нездоровые*, порочные члены общества, а в особенности малолѣтніе, находили бы исцѣленіе и очищеніе, а не смерть и уничтоженіе».

Главным органом борьбы с преступностью является *суд*. Современный русскій суд — есть самое симпатичнѣйшее учрежденіе. Всѣ служители храма Ѳемиды составляют лучшую часть общества. Всѣ они получили высшее образованіе. По-

....

[1]) Проф. В. В. Есипов. Преступность и мѣры воздѣйствія, 1900, 183.

этому не удивительно, что суд в обществѣ пользуется полным уваженіем и искренним довѣріем. Это может быть единственное учрежденіе, которое наименѣй получает нареканіе во взяточничествѣ. Наибольшее число студентов наших университетов получает образованіе—на юридическом факультетѣ, задачею котораго, помимо всесторонняго гуманнаго образованія, является спеціальная подготовка к отправленію дѣйствій правосудія. К 1 января 1902 г. во всѣх университетах Росіи было 14237 студентов,—при чем на филологическом факультетѣ было 1062, на естественном 3680, на медицинском 3197 и на юридическом 5779. К этому числу студентов юристов мы должны прибавить еще спеціальные юридическіе курсы училища Правовѣдѣнія и Ярославскаго Лицея, из которых тоже выходят будущіе юристы. Таким образом ни борьбу с преступленіем подготовляет себя большее число лучших людей нашего общества, чѣм на борьбу с болѣзнями, количество которых неизмѣримо больше, чѣм количество преступленій. Разсматривая общій строй суда, мы

видим различныя его степени и специальныя части, суд мировой судебно-слѣдственную часть: окружные суды, судебныя палаты сенат и административное вѣдомство министерства юстиціи. Число лиц, посвятивших себя на служеніе этому вѣдомству не малое. Из всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи за 1899 г. видно, что личный состав министерства юстиціи за этот год простирался до 18,000 человѣк,—а их содержаніе обходилось в сумму около 20,000,000 р.

Не смотря на такой многочисленный состав служителей правосудія, не смотря на то, что он вербуется из лучшей части общества,—не смотря на то, что все это люди с высшим, широком и гуманитарным образованіем,—не смотря на несомнѣнно честное, чистое, неоспоримо почтенное служеніе всѣх этих лиц,— не смотря на участіе в отправленіи этого суда членов самого общества, конечная цѣль всего этого—уменьшеніе преступности не достигается. Судьи судят, осуждают и присуждают, — а преступленія не уменьшаются, а все ростут и ростут.

Бочка Данаид. Общество теряет лучшую часть своих членов на отправленіе правосудія,—общество не щадит средств на содержаніе этого учрежденія,—а преступность не прекращается. Выходит донкихотизм. Одни совершают преступленія, а другія судят,—в этом все и дѣло. И побѣждают первые. Судьи работают дни и ночи. А преступленія новою массою все прибывают и прибывают. Строятся новые суды, добавляются составы судов,—а преступность как бы смѣется над всѣм этим: преступленій совершается все больше и больше. Суд изнемогает, а преступность издѣвается над ним. Видимо, во всем этом строѣ отправленія правосудія существует какой-то пробѣл и недосмотр. По мнѣнію проф. Л. Е. Владимірова [1]), существует юридическая и нравственная справедливость. Юридическая справедливость никого в обществѣ не удовлетворяет, а между тѣм правосудіе должно удовлетворить именно общество, а не юристов,—

---

[1]) *Проф. Л. Е. Владиміров.* Уголовный Законодатель как воспитатель народа. 1902, 41.

народ, а не класс людей, зарабатывающих себѣ жизнь и дѣлающих карьеру разбором тяжеб и разслѣдованіем преступленій. Правосудіе, неудовлетворяющее народы, тѣм самым теряет самое важное условіе своего благодѣтельнаго дѣйствія—отвѣчать своему назначенію. Но, и это самое главное,—правосудіе, имѣющее цѣлію юридическую справедливость, превращается в алтарь, на который приносятся жертвы буквѣ, не правдѣ, а призраку, созданному искусственною и безполезною, отвлеченною, выдумкою, освященною долговременным признаніем. «Юридическая справедливость не может быть задачею уголовнаго правосудія, так как людей нельзя заставить довольствоваться такою условною справедливостію».

Предыдущее разсмотрѣніе удостовѣряет нас в том, что современный строй отправленія правосудія нисколько не вліяет на преступность: она совершается, совершенствуется и размножается. Роль суда—разслѣдованіе и присужденія. Что же дѣлается, по совершеніи суда, с преступником? Он исправляется,

он становится человѣком годным? Ничуть. Случайный преступник становится профессіональным преступником,—а профессіональный преступник—неисправимым злодѣем. Дѣло суда ограничивается назначеніем наказанія... Дѣйствительно ли наказаніе исправляет и способно исправить человѣка? Много по этому поводу говорилось и писалось, а истина остается все так истиной: наказаніе едва ли кого исправляло.

Главные оправдательные мотивы наказанія сводятся к слѣдующим положеніям:

Наказаніе является *возмездіем* за причиненное преступником человѣку или человѣчеству зло,—наказаніе есть мѣра *устрашенія* как для даннаго преступника, так и для других охотников на подобное дѣяніе—наказаніе есть *мѣра исправленія,* а также самоисправленія путем *искупленія вины в собственном страданіи.* Устрашеніе едва ли кого удерживало от совершенія преступленія. При психологической борьбѣ в момент выбора между мотивом и побужденіем к преступленію и устрашеніем наказаніе играет слишком

ничтожную роль. О наказаніи если когда и думают, то скорѣе уже по совершеніи преступленія, при чем грядущее наказаніе дает силы и внушает мысли для возможно болѣе ловкаго сокрытія слѣдов преступленія и малѣйшаго участія в оном. Бывали даже случаи обратнаго воздѣйствія устращающаго элемента — но служил для нѣкоторых лиц не задерживающим стимулом, а импульсом, толкающим на преступленіе. «Угроза наказаніем, говорит проф. Владиміров, приводимая постоянно в исполненіе многочисленными судами и над многочисленными преступниками, без сомнѣнія, подчеркивает в обиходѣ чувство отвѣтственности, но есть слои людей, настолько погруженные в нравственную и умственную тьму, пьянство, скотской разврат и привычное насиліе, что к ним никогда не проникает ни одного луча ни религіи, ни нравственности, ни соціальной этики. Между такими людьми не слышно голоса закона, а раздаются лишь брань и проклятіе. В этой зловонной ямѣ нравственнаго упадка люди никогда не думают о том, что будет через час или два,—

имѣет значеніе только то, что происходит в настоящую минуту, и тюрьма представляется часто мѣстом желаннаго и беззаботнаго отдыха послѣ хлопотнаго и голоднаго бездѣлья». Далѣе тот же автор продолжает»: Угрозами нельзя обезпечить нравственную благонадежность людей,—лишь нравственная благонадежность человѣка вполнѣ обезпечивает общество». 32.

Не болѣе оправдывает себя и принцип *возмездія*. Он рѣшительно противорѣчит основному принципу христіанской любви и всепрощенія, а этот принцип имѣет міровое значеніе, если не с религіозной точки зрѣнія, то с точки зрѣнія реальной жизненной истины; оправдываемой вѣковым опытом человѣчества.

Возмездіе не вяжется с достинством личности человѣка и имѣет в основѣ своей мотивы, свойственные скорѣе натурѣ преступной, нежели натурѣ нормальной. В основѣ возмездія—месть, а месть есть паталогическая черта характера человѣка, она не должна полагаться в основу общих общечеловѣческих и государственных мѣропріятій. Это

есть орудіе человѣка ветхаго, недостойное человѣка новаго.

Что касается *принципа искупленія своей вины в собственном страданіи*, то здѣсь кроется столько фарисейства, лжи и обмана, что для человѣчества лучше и приличнѣе исповѣдывать открыто принцип око за око и зуб за зубъ, нежели уподобляться книжникам и фарисеям.

Наказаніе во всѣх его видах не исправляет человѣка. Въ этом убѣждают нас примѣры жизни недагогической и соціальной и многовѣковая практика примѣненія судебных рѣшеній. Едва ли найдется очень много случаев исправленія настоящих преступников путем тюремнаго заключенія, ссылки, каторжных работ, галер и проч., если внутри этого человѣка не сохранились в достаточной степени свои собственныя нравственныя начала. «Любовь к ближнему, говорит проф. Владиміров [1]), есть конечная, благая

---

[1]) Проф. *Владиміров*. Уголовный Законодатель, как воспитатель народа. 1903, 32.

цѣль всѣх трудов и стремленій человѣчества. Без христіанской любви мір есть бойня и случайная конюшня, а успѣхи ума лишь изобрѣтеніе новых средств для убійства и разврата».

Достигаем ли мы в тюрьмах, мѣстах наказанія, исправленія? Всеобщіе отзывы о тюрьмѣ самые ужасные в смыслѣ необыкновенно сильнаго развращающаго и извращающаго воздѣйствія на человѣка. Тюрьма есть для предварительнаго заключенія, тюрьма слѣдственная, арестантскія роты, исправительныя роты, остроги, ссылка въ сибирь на поселеніе, ссылка в каторжныя работы, ссылка на Сахалин и т. д. Много и долго человѣчество изощрялось в изобрѣтеніи губительства человѣка: сначала его души, а потом и тѣла.

Отзыв всѣх лучших людей всего міра объ этих домах заключенія самый ужасный и самый отчаянный. В домах предварительнаго заключенія и подслѣдственных тюрьмах случайный преступник, если у него к тому есть склонность, изучает в теоріи всѣ тонкости сокрытія пре-

ступленія и всѣ разновидности преступности, причем для него представляется широкій выбор спеціальности, примѣнительно к его вкусам, взглядам и характеру,—и дѣйствительно, новички преступники, уже послѣ перваго сидѣнія в предварительном заключеніи, выходят оттуда обученными и теоретически просвѣщенными. Это есть классическія заведенія для обученія мошенничеству, воровству, лжи, обману, изворотливости, и всѣм остальным качествам преступности. Люди, на свободѣ не имѣвшіе ни возможности, ни охоты к жизни на счет легкой наживы, выходят из этой тюрьмы во всеоружіи теоретической подготовки и с соблазном к легкой наживѣ и пользованію чужим достояніем. Не достает только практики, которая и не замедлит появиться по выходѣ изъ тюрьмы. Прозелиты знают уже притоны, ознакомлены с *героями*, снабжены рекомендація, ми, имѣют внутреннее тяготѣніе- привлекаются *неизвѣстностью* и страстью к борьбѣ и опасности и с головою окунаются в лѣнь, бездѣлье, разврат и преступность.

Вот последствія одного из гуманнѣйших, симпатичнѣйших и мудрѣйших государственных и общественных учрежденій—суда. Случайный преступник стал преступником во всеоружіи, развращенным негодяем и подлым рабом низкой страсти. Незавидный плод...

Разумѣется, прозелит и неофит, неопытный и еще неловкій, не замедлит попасть в руки агентов предупрежденія и пресѣченія преступленія и предстать пред лицом правосудія. И скажут ему судіи праведные: ты нарушилъ общественную безопасность и мы заключим тебя. Ты не исправился и мы тебя посылаем в темницу, идѣже ты испытаешь скрежет зубовный... А что-бы мог сказать им, судьям, этот преступник, рецидивист?.. О, очень много горьких истин... Очень много таких истин, которыя мнѣ неудобно повторять пред лицом людей, которых я глубоко уважаю и которые сами по себѣ неповинны... Не вѣдят бо, что творят... Или точнѣе: творят волю пославшаго их...

Второе поступленіе преступника в тюрьму не особенно страшно. Там

все знакомые. Там друзья. Там своя родная сфера. Теперь он совершенствуется, получает высшее образование в преступности и выходит оттуда уже готовым злодѣем, склонным совершить любое по выбору и влеченію преступленіе, чтобы затѣм стать в числѣ героев. Преступники--каторжники для такого человѣка идеал. Он его уважает, он его чтит, он им бредит. И если он не хочет еще сам стать в число лицъ, измѣряющих разстоянія сибирских тайг, то с другой стороны он уже и не страшится этой полной приключеній и подвигов воли. Его «воля» нынѣ иная, чѣм воля обычнаго человѣка. Эти понятія противоположны. Это воля добра и зла,—чернаго и бѣлаго.

Вот печальныя послѣдствія современнаго суда...

Еще в 1826 г. Gross сказал неприятныя, но вѣрныя слова: «правоспособность и отвѣтственность есть не философское и не человѣческое начало, кощунственно берущее на себя роль судьи, присущую Господу Богу.—Это понятіе возникло во времена дикой жизни на-

родов, из глубины мстительности человѣческаго сердца, затѣм оно пробралось в соціологію, юриспруденцію и судебную медицину,—ему поклоняются как ложному божеству и как Молоху приносят тысячныя человѣческія жертвы».

Тысячи и десятки тысяч преступленій, совершаемых ежегодно в цивилизованном мірѣ,—тысячи ежегодно наблюдаемых рецидивов преступленій, не смотря на понесенную, нерѣдко тяжкую, преступником кару,—постепенное возрастаніе преступленій, несмотря на энергично принимаемыя обществом и государством мѣры,—все это говорит нам, что положеніе судебной и исправительной части стоит не на должной высотѣ.

Общественная безопасность не надлежаще гарантирована, а общественная совѣсть недостаточно удовлетворена. Эта общественная неудовлетворенность настоящим положеніем отношенія к преступному дѣлу нерѣдко выражется в обществѣ литературѣ, наукѣ и даже в самой рюиспруденціи. Среди юристов раздаются голоса, высказывающіе не-

довольство настоящим правосудіем и положеніем преступников, при чем эти голоса часто принадлежат лицам весьма почтенным и вполнѣ компетентным. Видимо это дѣло дѣйствительно стоит не на должной высотѣ. Да это и весьма естественно. Жизнь и отправленія правосудія всегда находятся в диссонансѣ. Правосудіе совершается по законам, рамки которых устанавливаются и фиксируются,—а жизнь никогда не останавливается и не фиксируется. Каждый новый день жизни приносит новые вопросы, новые запросы и новыя потребы, на которыя мы далеко не всегда найдем отвѣт в законѣ. Этот диссонанс *суда* болѣе усиливается наукою.

К чести и счастью человѣчества, оно вѣрит в науку, уважает ее и достойно ее чтит. Между тѣм наука идет вмѣстѣ с жизнью, она дѣлает открытія, разъясняет условія жизни и шествует впереди закона. Эта-то прогалина между уважаемою и почитаемою наукою и непреступным законом и порождает нерѣдко прискорбные конфликты и недовольство законом, который по своему

существу долженъ оставаться консервативнымъ болѣе, чѣмъ того требуютъ интересы общества и государства. Намъ кажется, основная ошибка въ положеніи и отправленіи суда заключается въ томъ, что *нынѣшній судъ слишкомъ много обращаетъ вниманія на преступленіе и почти никакого на преступника.*

Я считаю вполнѣ возможнымъ установить аналогію и параллель между дѣйствіями врача и судьи. Обязанность каждаго врача, приглашеннаго къ больному, складывается изъ двоякаго рода дѣятельности: установить точный діагнозъ болѣзни и назначить соотвѣтственное леченіе. Всякое преступленіе есть соціальный недугъ. Судья во всѣхъ случаяхъ долженъ доказать нарушеніе извѣстнаго порядка и назначить мѣры исправленіе преступника.

Въ исторіи медицины мы различаемъ три періода ея жизни: первый періодъ младенческій—когда лечили отдѣльныя болѣзненныя явленія и симптомы: кашель, желтуху, безсонницу, и т. д.,—второй періодъ—отроческій, когда лечили болѣзнь: страданіе легкаго, печени, мозга и т.

д.,—и, наконец, період третій, настоящій, когда лечат не болѣзнь, а больного, имѣя в виду индивидуальныя особенности каждаго лица, несомнѣнно отражающіяся и на теченіи и проявленіи болѣзни. Если мы присмотримся к исторіи развитія отправленія правосудія, то и здѣсь мы можем усмотрѣть три періода его жизни: період примитивный, гдѣ преступленіе разсматривалось безотносительно к условіям его совершенія, —період отроческій,--когда преступленіе обсуждалось с условіями его совершенія,—и, наконец, правосудіе вступает в третій фазис своей жизни, когда судья стремится познать натуру преступнаго человѣка, соотвѣтственно ея сущности и характеру разсматривать и его дѣяніе и, на основаніи этого назначит способ и мѣры исправленія. Это идеал правосудія. К нему стремится лучшая часть людей,—но это идеал, из за котораго мы только вступаем в борьбу. «Задачею судопроизводства, по проф. Владимірову [1]), уже не мо-

[1]) *Проф. Владиміров.* Уголовный Законодатель какъ воспитатель народа. 1903, 43, 76.

жет быть болѣе лишь установленіе фактов событія преступленія, совершенія его обвиняемыми и вмѣняемости послѣдняго, но и разслѣдованіе всего происшествія настолько, чтобы нравственная личность подсудимаго была освѣщена, по возможности, отчетливо и вѣрно. И это не для того, чтобы изглубить его душу и виновность, что недостижимо,—а чтобы выяснить болѣе доступный, для рѣшенія людей, вопрос: в чем именно недостаток воспитанія преступника, на что должно быть направлено вниманіе, чтобы его воспитать, или же и совсѣм перевоспитать... Преступника судить, значит—изучать для того, чтобы спасать его любовью к ближнему, усовершенствовать его».

Необходимость изученія преступника с цѣлію наибольшаго удовлетворенія чувству человѣческой справедливости и интересов общества и государства была установлена Итальянскою школою с Lombroso во главѣ. Всѣм извѣстно также и то крайнее увлеченіе, которое создано было этою школою, видѣвшею прирожденнаго преступника почти во всѣх преступ-

никах и даже иногда непреступниках Криминальная антропологія ударилась в мелочи и не создала еще ничего такого, чтобы вполнѣ оправдало ее. Это заставило людей, не нашедших в ней удовлетворенія, отклониться от нея и искать основной причины преступности в соціальных условіях жизни человѣка. Само общество условіями жизни и существованія создает преступность. Преступник—это дитя ненормальных условій жизни. Преступник не рождается, а становится таковым. Прирожденных преступников нѣт, а есть только преступник профессіональный, привычный, становящійся таковым вслѣдствіе неблагопріятных условій жизни.

Так в послѣднее десятилѣтіе создавалось постепенно новое ученіе о преступникѣ, как о порожденіи соціальном.

Если Lombroso впал в крайность, придавая всѣм преступникам прирожденность их качеств, то его противники впали в другую крайность, отвергая совершенно прирожденность преступной натуры.

Как всегда, истина оказалась ле-

жащею посрединѣ между крайностями; современныя наблюденія больше и больше укрѣпляют ту мысль, что прирожденный преступник есть, но только он не охватывает весь преступный класс, а составляет только лишь частицу его.

За существованіе прирожденнаго преступника вновь высказались очень многіе. В сентябрѣ 1901 года на съѣздѣ представителей криминальной антропологіи в Амстердамѣ prof Benedict раздѣлил всѣх преступников на три категоріи: преступников с прирожденными анормальными наклонностями, совершающих противообщественныя преступленія—*агенераты*,—преступников, сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе ненормальнаго развитія и окружающей их среды—*дегенераты*,—и преступников случайных—временно совратившихся—*эгенераты*.

На том же съѣздѣ Dr Biènfait [1]) заявил, что, по его мнѣнію, преступники чаще люди с ненормальными умственными способностями, чѣм люди

[1]) *Bienfait*. Journal medical de Bruxelles, 1901, 41.

негодные, которым общество должно не мстить, а исправлять и интернировать в надлежащую обстановку. Ingegnieros [1]) дѣлить всѣх преступников на слѣдующія категоріи: тѣх, кои совершили преступленіе вслѣдстіе прирожденных аномалій нравственой области (прирожденные преступники, или нравственно помѣшанные), или пріобрѣтенных (привычные преступники), — тѣх, кои впали в преступленіе вслѣдствіе аномалій в умственной области (прирожденных, или пріобрѣтенных),— и тѣх, кои впали в преступленіе вслѣдствіе нарушеній в области хотѣнія и воли прирожденных (импульсивных), или случайных (случайные преступники).

Проф. В. М. Бехтерев [2]) на одном из засѣданій психологическаго Общества в Петербургѣ, высказал то мнѣніе, что *біопатическій тип* преступника существует на дѣлѣ, в жизни.

....

[1]) *Ingegnieros.* Dos paginas psigiatria criminal. 1900.

[2]) Ученыя записки Военно-Медицинской Академіи 1900.

Б. И. Воротынскій[1]) говорит слѣдующее: я лично принадлежу к защитникам того положенія, что соціальныя условія, как факторы преступности, имѣют огромное значеніе, но только вліяніе их проявляется не непосредственно, не прямым путем. Окружающая среда, тѣ физическія условія, в которых человѣк живет и развивается, несомнѣнно, самым существенным образом отражаются на сформированіи его личности, на созданіи его психофизическаго и моральнаго существа. Неблагопріятныя общественно-экономическія условія, нищета, алкоголизм, невѣжество, дурныя вліянія уличной жизни, ложная система воспитанія, фальшивый характер брачных союзов, уродливый склад супружеских отношеній, гнилая атмосфера семейной жизни, антигигіеническая обстановка жилищ —все это такіе соціальные факторы, которые прежде всего отражаются на потомствѣ, вліяют на подраста-

....

[1]) *Б. И. Воротынскій.* Біологическіе и соціальные факторы преступности. Журнал граждан. и уголовнаго права, 1901.

ющее поколѣніе, которые сильнѣе всего дѣйствуют на молодых индивидуумов, способствуя развитію у них слабой, порочной, инвалидной психофизической организаціи. Выступивши на арену самостоятельной жизни и будучи вынужденными принять участіе в борьбѣ за существованіе, такіе неустойчивые организмы, такіе инвалидныя, мало приспособленныя натуры при первых же жизненых неудачах теряют под собою почву, не находят в себѣ достаточно сил для упорной борьбы за право жить—и скоро вступают на скользкій путь порока и преступленія, падая жертвой своей физической организаціи, своего нравственнаго уродства, своей душевной немощи. Обычно присоединяющаяся сюда потребность в возбуждающих средствах и наклонность к различнаго рода эксцессам приводят, в концѣ концов, таких лиц к полному тѣлесному истощенію, моральному растлѣнію, интеллектуальному маразму. Если подобные индивидуумы становятся производителями потомства, то *будущее их поколѣніе является уже наслѣдственно искалеченным*,

получая от рожденія тѣ или иныя *пагубныя наклонности, порочные инстинкты, преступныя стремленія.*

Drähms * дѣлит всѣх преступников на три категоріи: инстинктивных или прирожденных, привычных и случайных. Прирожденный преступник проявляет неудержимую склонность к нравственно преступным дѣлам и нравственно антисоціальной обстановкѣ. Его біологическое, нравственное и интеллектуальное существо является результатом наслѣдственной передачи их пренатальных источников, посредственно или непосредственно, в различных степенях от измѣненій впечатлительности. Этот класс людей является людьми sui generis и представляет класс инстинктивнаго конгенитальнаго преступника. Привычный преступник тѣсно примыкает к инстинктивному преступнику, однако, отличается от него происхожденіем, или скорѣе степенью, нежели качеством преступных наклонностей, так как

* *Drähms.* The criminal his personnel and environment. 1900.

в большинствѣ случаев его преступныя наклонности вытекают не из пренатальнаго источника, а из окружающей среды,—хотя вопрос является далеко не рѣшенным—можно ли признавать эти наклонности постнатальными. Случайный преступник есть соціальный преступник.

Психологія ребенка равняется психологіи взрослаго+воспитательныя и репрессивныя мѣры. Воспитаніе есть экивалент подбора в этической эволюціи. Задержанное развитіе есть начало дегенераціи. Преступник есть ребенок атрофированный в мужѣ. Разсматривая характерныя черты прирожденнаго преступника, наблюдаем черты дѣтства: импульсивность, жестокость, склонность к разрушенію, мстительность, эмотивность, подвижность характера, лѣнь, лживость, стремленіе к удальству и развлеченію, тщеславіе, крайнее нетерпѣніе к запрету и склонность к захвату чужой собственности,—отсутствіе способности предвидѣнія послѣдствій и стремленіе к чисто растительной жизни. Рядом с этим у прирожденных преступников наблюдаются: нравственная притуплен-

ность, жестокость, отсутствіе угрызеній совѣсти и раскаянія, умственная и нравственная невоспріимчивость, вѣрность клятвам и обѣтам в границах собственных выгод, отсутствіе стыдливости, предательство, крайняя склонность к составленію каст, попытки к резонерству и символизму и состояніе интеллекта низшаго порядка. В общем, это будет сочетаніе простоты ребенка, инстинктивности животнаго и хитрости дикаря.

Привычный преступник отличается от прирожденнаго преступника скорѣе количественно, чѣм качественно. Общій преступный діатез у привычнаго преступника менѣе развит, чѣм у прирожденнаго. Привычный преступник гораздо чаще совершает преступленія против собственности, чѣм против личности. У прирожденных преступников преступность агрессивная и активная, у привычных—пассивная. Привычные преступники создаются не сразу, а постепенно, восходя от малых преступленій к большим, так как и нравственная дегенерація их идет постепенно. «Наслѣдственность есть мать пре-

ступленія,—среда—отец». Привычный преступник составляет $^1/_3$—$^1/_4$ всего числа преступников. В основѣ этого преступнаго діатеза лежат: пьянство, бѣдность — пауперизм и невѣжество. Этот діатез состоит в специальной дегенераціи в связи с пониженной душевной, нравственной и физической степенью развитія,— причем это состояніе не подверглось ни воспитательному, ни предупредительному, ни соціальному методу, которые при нормальном положеніи должны вестись государством, обществом и семьею. Труд и обезпеченный заработок есть наилучшій способ борьбы с этой преступностью.

Случайный преступник — это обычный человѣк, который становится преступником при неблагопріятно сложившихся условіях жизни. Такой человѣк в большинствѣ совершитель одиночнаго преступленія. Такіе преступники составляют почти половину тюремнаго населенія. Отличительная черта случайных преступников—наличность раскаянія в содѣянном. Раскаяніе—это эхо прирожденнаго нравственнаго протеста. В 99% раскаяніе удерживает чело-

вѣка, случайно впавшаго в преступленіе, от рецидива преступленія. Случайными преступниками особенно часто становятся натуры деффективныя и преимущественно соціально-деффективныя.

Robinovitch [1]) говорит, что большая часть истинной настоящей преступности обязана своим происхожденіем патологической наслѣдственности, при чем очень важную роль в этом отношеніи играют пьянство и сифилис родителей,—хотя недостаточное воспитаніе и плохая жизненная обстановка также могут оказывать свое воздѣйствіе.

Д-р П. Н. Тарновская [1]) говорит слѣдующее: «Изучая женщин-преступниц с біологической точки зрѣнія... я убѣдилась, насколько существенную и первенствующую роль в преступленіи играет наслѣдственное или прирожденное предрасположеніе, выражающееся различными степенями психической неуравновѣшенности, — сколь различное воздѣйствіе вызывает од-

---

[1]) Д-р П. Н. Тарновская. Женщины убійцы. 1902.

на и таже причина у нормальных и у наслѣдственно неуравновѣшенных людей. Если при классификацiи преступленiй брать во вниманiе генетическiя основы преступленiй, то из всѣх наблюденных мною женщин-убiйц прежде всего выдѣляются двѣ группы преступниц. В одной страстный порыв имѣет первенствующее значенiе и, в извѣстные моменты всецѣло завладѣвая неуравновѣшенною личностью преступницы ведет ее к убiйству. В другой, напротив, рѣзче всего выступает притупленное воспрiятiе всѣх или нѣкоторых нравственных начал с одновременно пониженным интеллектом». «При относительно плохо развитом и меньшем по емкости черепѣ, надѣленныя многочисленными анатомическими признаками вырожденiя, отягченныя неблагопрiятною наслѣдственностью, женщины-убiйцы представляют еще большiя отклоненiя в психическом и половом отношенiях. Порывистыя и импульсивныя, или нравственно притупленныя, не чувствующiя зла, с неправильною извращенною половою функцiею, или, наконец, явно больныя с душевными и нервными

разстройствами, преступницы представляют дѣйствительно как бы своеобразный подвид даннаго типа извѣстной расы, вѣрнѣе дистрофическій продукт, дефектный плод ослабленной или измѣненной жизненной энергіи их восходящаго поколѣнія. Подавляющаго процента дистрофій у женщин-убійц, равно как и у остальных порочных женщин достаточно, чтобы утверждать, что у данной группы людей отклоненія в развитіи *наслѣдственныя и прирожденныя*, а не пріобрѣтенныя, и что преступник, отличающійся признаками вырожденія, есть показатель нарушенія правильнаго хода біологической эволюціи (456)»... «При самых грубых методах изученія, біологическая разница между преступными и непреступными людьми одной и той же расы несомнѣнно существует, (481)—и заключается в анатомических, физіологических и психологических особенностях». 485. «Криминальная антропологія фактически выясняет отвѣтственность родителей в преступности их дѣтей. Она говорит, что не злая воля преступ-

ника, зарождающаяся и развивающаяся у него помимо прямой воли его родителей, ведет его к преступленію, а большею частію тяжкая наслѣдственность, переданная ему его родителями, располагает, влечет его к преступным дѣяніям», 485.

Таким образом вновь в наукѣ устанавливают тот взгляд, что природа преступных людей не одинакова и если человѣчество желает бороться и уничтожить *побороть* не преступленія, а преступников, устранить из своей среды людей творящих зло и нарушающих его покой и благополучіе, то оно должно прежде всего позаботиться о том, чтобы эти люди не являлись в его средѣ, а если они явились, то нужно их перевоспитать и измѣнить так, чтобы они стали полезными и благожелательными и себѣ и другим. Слѣдовательно в борьбѣ с преступностью нужно имѣть в виду не преступленіе, а преступника. Преступленіе есть акт, а создающій его есть человѣк, с ним то и нужно имѣть дѣло. Для того же, чтобы исправить преступнаго человѣка нужно прежде всего изучить его, а

в этом отношении сдѣлано пока еще очень не многое. Разумѣется нужно изучить его душу и дѣйствовать на нее сообразно ея свойствам и качествам.

Необходимость изученія преступника сознается многими современными юристами, как теоретиками учеными, так и практиками, и высказывается в послѣднее время нерѣдко в произведеніях даже самих юристов, а равно и предложенія в них замѣны существующаго порядка болѣе совершенным и болѣе обезпечивающим права, свободу и неприкосновенность личности.

Еще недавно явилось в русской литературѣ прекрасное произведеніе проф. Л. Е. Владимірова, «Психологическое изслѣдованіе в уголовном судѣ», в котором он весьма ярко доказывает всю несостоятельность настоящаго положенія дѣла и предлагает новыя мѣры и новые способы замѣны стараго.

По мнѣнію проф. Владимірова, «цѣлям уголовнаго правосудія удовлетворяетъ лишь медико-психологическое изслѣдованіе, которому ex officio слѣдовало бы подвергать каж-

даго обвиняемаго в дѣяніи, влекущем наказаніе не ниже тюремнаго заключенія (290)... Это, конечно, не исключает медико-психологическаго изслѣдованія и в тѣх случаях, которые влекут болѣе легкое наказаніе, если для подобнаго изслѣдованія представляются какія-нибудь указанія (254). Обязательное медико-психологическое изслѣдованіе удовлетворило бы нѣскольким судопроизводственным потребностям: оно может своевременно подмѣтить признаки душевной болѣзни; оно может уже в началѣ дѣла установить совокупность признаков какого либо из состояній уменьшенной вмѣняемости, наконец, оно дает суду объективныя данныя для близкаго и безусловно необходимаго ознакомленія с душевным міром обвиняемаго: людьми всегда судится цѣлый человѣк, а не таксируется отдѣльное, вырванное из его жизни, дѣяніе» (291).

Я вполнѣ принимаю мысли и мнѣнія высокопочтеннаго дѣятеля юридическаго міра и вполнѣ к ним присоединяюсь. Это первые шаги на пути расширенія юридическаго го-

ризонта и вмѣстѣ с тѣм шаги весьма цѣнные, ибо исходят от человѣка вполнѣ компетентнаго и широко образованнаго, если я и не вполнѣ удовлетворен им, то только потому, что я исхожу в своем сужденіи нѣсколько от иных точек мышленія и из иныхъ требованій.

Я не удовлетворяюсь ограниченным изслѣдованіем преступников, — ограниченным психологическим изслѣдованіем только тѣх преступников, кои имѣют подвергнуться тюремному заключенію. Почему такое ограниченіе? Совершившій кражу на 15 копѣек может быть по существу великим злодѣем и прирожденным жесточайшим убійцей, между тѣм по разсмотрѣніи его преступленія он ускользнет от должнаго распознаванія и уйдет в общество для совершенія жесточайших дѣяній, дондеже его имут и тогда только изслѣдуют и упекут. Зачѣм же допускать совершеніе величайшаго, быть может, злодѣянія, если оно могло быть предусмотрѣно и устранено. Нынѣшнія мѣры предупрежденія и пресѣченія преступле-

нія должны заключаться в медико-психологическом изученіи преступника, а не в запретительных мѣропріятіях городовых. Симптомы преступности могут быть весьма разнообразны. Нельзя судить о болѣзни по одному симптому,—нельзя опредѣлить характер преступника по одному преступленію,—нужно изучить человѣка, поставить діагноз его состоянія и тогда уже принимать мѣры исправленія. Кого же должно изучать с точки зрѣнія преступности? Всѣх тѣх, кто проявит какое бы то ни было преступное дѣяніе. Таким путем мы в огромном большинствѣ случаев установим точный діагноз и назначеніем соотвѣтственнаго леченія предохраним общество от рецидивизма преступности и нерѣдко от величайших несчастій. Ограниченіе психологическаго изслѣдованія есть уступка духу времени. Мы, борцы за новое направленіе, не должны поддаваться этому чувству,—не должны малодушествовать. Я глубоко уважаю очень многих из дѣятелей юридическаго міра прежняго направленія, преклоняюсь перед их авторитетом

свѣтлостью личности. Но я еще глубже уважаю veritas и позволяю высказывать голос за примѣненіе психологическаго изслѣдованія по отношенію ко всѣм преступникам без изъятія. В этом отношеніи я с великим удовольствіем цитирую произведеніе нашего извѣстнаго криминалиста, И. Я. Фойницкаго [1]). «Уголовный суд, призванный к рѣшенію вопросов о виновности и наказаніи, обязан изслѣдовать и установить всѣ обстоятельства, имѣющія значеніе для рѣшенія каждаго из этих вопросов. Его первая задача состоит в том, чтобы выяснить себѣ, кого она имѣет перед собою, о ком идет дѣло; от этого зависит существенным образом рѣшеніе вопроса о виновности и вопроса о наказаніи. *Преступное дѣяніе неуловимо для суда, оно кануло в Лету в самый момент его учиненія, перед судом стоит живой человѣк*, в дѣяніи этом обвиняемый, с ним и нужно считаться. А между тѣм прошло уже безповоротно то

[1]) *И. Я. Фойницкій.* Курс уголовнаго судопроизводства, 1899, т. II. стр. 272.

время, когда всѣ учинившіе нарушеніе уголовнаго закона разсматривались, как однородная масса злодѣев, и требованіе индивидуализаціи стало обязательным для каждаго криминалиста.

В средѣ преступнаго населенія все болѣе и болѣе выясняется существованіе различных групп, рѣзко другъ от друга отличающихся, требующих каждая особых мѣропріятій, и без знанія их без предварительнаго рѣшенія вопроса, к какому типу принадлежит подсудимый, невозможно сознательное рѣшеніе вопроса о его наказуемости. Постановка этого вопроса до такой степени необходима, что в жизни он ставится постоянно; дѣло только в том, что если суд уклоняется от изслѣдованія личности в должном объемѣ, то изслѣдованіе это берет на себя, по необходимости, другое вѣдомство, тюремное. Едва ли такое явленіе можно признать желательным...»

Коммисія [1]) из членов Петербург-

[1]) Доклад соединенной коммисіи С-Петербургских Обществ психіатров и юри-

скихъ Юридическаго и Психіатрическаго Обществъ, занимавшаяся въ 1893 г. разсмотрѣніемъ вопроса объ участіи врачей психіатровъ въ отправленіяхъ уголовнаго правосудія, высказала два важнѣйшихъ положенія,—«для полученія точной картины психическаго состоянія преступнаго класса людей должно быть 1) примѣненіе психіатрическаго изслѣдованія *ко всякому* лицу, впавшему въ преступленіе и 2) сосредоточеніе такихъ изслѣдованій въ рукахъ врачей психіатровъ.

Г. Литовчено 1), членъ суда, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1. Судебные дѣятели по предварительному изслѣдованію преступленій и разсмотрѣнію уголовныхъ дѣлъ на судѣ, чтобы имѣть твердую почву сознательнаго отношенія къ доказательствамъ, среди которыхъ главнѣйшее, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ и исключительное, мѣсто занимаютъ показанія

....

дическаго по вопросу объ организаціи психіатрическаго изученія преступнаго класса, 1894, 11.

[1]) *М. Литовченко.* Психопатологія и уголовный судъ. Вопросы нервно-психической медицины, 1901.

свидѣтелей, необходимо должны имѣть свѣдѣнія из *психологіи* и *психопатологіи*, без которых во многих из наиболѣе серьезных уголовных дѣл к истинѣ возможно подойти только по чутью, а не на основаніи положительных данных; в виду этого указанныя науки *должны войти в кругъ преподаванія на юридическом факультетѣ*. 2. Законом должна быть расширена сфера примѣненія психіатрических изслѣдованій, которыя в настоящее время допускаются только в случаѣ основательных указаній на отсутствіе у обвиняемаго разсудка или временное умственное разстройство. 3. Расширеніе сферы приложенія психіатрической экспертизы в дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія и необходимость преподаванія юристам психологіи и психопатологіи в свою очередь вызывают необходимость расширенія психіатрами области своих изслѣдованій, своих наблюденій».

В актѣ правосудія мы должны различать двѣ функціи: слѣдственное производство и судопроизводство—діагноз человѣка—и назначеніе наказанія и мѣр исправленія

—леченіе. Но дѣло в том, что в производствѣ діагноза будет разслѣдоваться главным образом душевная жизнь человѣка, его личность, характер, свойства мыслительной жизни и дѣянія. Кто же должен вести это разслѣдованіе? Два лица: судебный слѣдователь изучает данное дѣяніе, за которое обвиняемый привлечен,—а судебный врач—душу обвиняемаго. Только при такой постановкѣ дѣла возможно установить точный діагноз личности, избѣжать ошибки, принять надлежащія мѣры вмѣненія и исправленія и наиустойчивѣе противодѣйствовать рецидивизму и развитію преступности.

Вот почему уже с точки зрѣнія діагноза я всецѣло примыкаю к мнѣнію петербургской коммисіи, что психіатрическое изслѣдованіе должно производиться *не только с цѣлію обнаружить душевную болѣзнь, а вообще с цѣлію выяснить душевное состояніе преступника, как важнѣйшій момент его виновности и наказуемости...*

Это мнѣніе во всей его силѣ было высказано на Конгрессѣ криминаль-

ной антропологіи Magnan'ом в Парижѣ ещ в 1891 г. По его мнѣнію, слѣдствіе должно охватить всю жизнь суб'екта, всѣ антецеденты, всѣ физическія болѣзни и уклоненія интеллекта, нравственности и аффективныя. Этот анализ прошлаго освѣтит настоящее и даст наилучшій матеріал для правильной оцѣнки, на которой будет устанавливать свое сужденіе суд.

Вот положенія, в силу которых я считаю безусловно необходимым поголовное психіатрическое изслѣдованіе всѣх подсудимых без исключенія в момент постановки судебнаго діагноза, без каковаго изслѣдованія самый діагноз душевнаго состоянія преступника немыслим.

Но существует и вторая сторона дѣла правосудія—наложеніе *наказанія и примѣненіе мѣр исправленія.* Петербургская коммиссія юристов и психіатров имѣла в виду и этот момент. «Знаніе душевнаго состоянія преступника существенно

....

[1]) Magnan. De l'enfance des criminels considerée dans ses rapports avec la predisosition naturelle au crime, 1891.

необходимо для успѣшнаго противодѣйствія опасности, представляемой им общежитію, и для успѣшнаго примѣненія тѣх воспитательных и карательных мѣр, которыя входили в систему тюремнаго содержанія». В самом дѣлѣ, мыслимо-ли правильное размѣщеніе, воспитаніе и исправленіе в колоніях для малолѣтних преступников обвиненных без точнаго указанія их душевной натуры?

По моему мнѣнію, самым лучшим подраздѣленіем преступников является дѣленіе Ferri: преступники от рожденія, преступники профессіональные, преступники аффективные и преступники случайные. Первые неисправимы, вторые исправимы, третьих нужно лечить врачу,—четвертые не должны имѣть мѣста в тюрьмѣ. Можно-ли всѣ эти четыре категоріи преступников помѣщать вмѣстѣ в мѣстах заключенія? Я думаю, огромнѣйшее большинство из вас скажет—нѣт невозможно. А кто должен ставить діагноз этим категоріям? Врач-психіатр.

Таким образом психіатрическое изслѣдованіе необходимо и для распредѣленія преступников по различ-

ным мѣстам заключенія и при леченіи их, т. е. примѣненіе мѣр наказанія и исправленія.

Нас пугают тѣм, что не хватит психіатров, чтобы способствовать правильной постановкѣ отправленія дѣла правосудія. Дѣло в один день нигдѣ и никогда не дѣлается. Что же касается времени, то если понадобится, в теченіе 4—5 лѣт вполнѣ можно будет найти требуемое число врачей специалистов, которые помогут дѣлу правосудія и дѣлу исправленія несчастных членов общества. Кромѣ того, в дальнѣйшем мы увидим, что самое юридическое образованіе должно быть измѣнено; в его курс должен быть введен натуралистическій элемент и познаніе духовной жизни человѣка, как в нормальном, так и в преступном и патологическом состояніях. Тогда новые юристы, надлежаще образозованные и подготовленные, быть может, устранят необходимость пополненія служителей правосудія слишком большим числом врачей—психіатров. Что касается матеріальных средств, требуемых для содержанія наших членов судебной кор-

пораціи, то об этом даже смѣшно говорить. В вопросѣ о спасеніи членов общества (одних от лишеній и потерь, а других от собственнаго тлѣнія) едва ли может быть вопрос о деньгах. Наконец, не нужно забывать и того, что затрата на одних будет окупаться сокращеніем в области современных учрежденій пресѣченія и предупрежденія преступленія,—а также уменьшеніем рецидивизма и усиленіем благополучія и безопасности общества.

Успѣшное веденіе дѣла правосудія возможно только при дружном взаимном пособіи судьи врачу и врача судьи. Взаимным пониманіем друг друга и поддержкою друг другу как преступность сократится, так и дѣло будет во многом ограничено.

Но для этого требуется еще два важных условія, судебный врач психіатр должен быть хорошо освѣдомлен в важнѣйших вопросах уголовнаго права и тюрьмовѣдѣнія в самом широком смыслѣ слова,—а судья должен быть хорошо знаком с психологіей преступника и психопатологіей.

Я как врач, не допускаю Ѳемиды с завязанными глазами,—она дол-

жна смотрѣть и об'ективно видѣть всѣ измѣненія и недостатки человѣческой души. Довѣріе хорошее дѣло,—а знаніе еще лучше. Психологія преступника должна войти в курс юридических наук и лечь в основу изученія уголовнаго права. Такой образованный юрист будет наилучшим слугою суда праваго и скораго и наилучшим товарищем врачу-психіатру.

На юридических факультетах изучаются самыя гуманныя и самыя возвышенныя науки. Онѣ создают и излагают ученіе о человѣческом достоинствѣ, человѣческой личности, ея правах, обязанностях, отношеніи друг к другу, неприкосновенности, отвѣтственности и т. д. Нужно сознаться, что из этого именно факультета наиболѣе выходит людей с возвышенными и гуманными воззрѣніями, людей, посвящающих свою жизнь служенію на благо человѣчеству, поднятію его благосостоянія, достоинства, прав, положенія,—защитѣ чести и т. д.

И вот ежегодно во всем образованном мірѣ выходят в свѣт тысячи молодых людей, которых спеціаль-

ное назначеніе состоит в том, чтобы судить людей.

Для этого в образованных странах существуют особыя судебныя вѣдомства, под громким именем *министерств провосудія*. Эти министерства состоят из центральных учрежденій, скорѣе всего административнаго характера, высших судебных учрежденій, судебных палат, судов, судебных слѣдователей, обвинителей, защитников и т. д. и т. д. Мы едва-ли ошибемся, если скажем, что таких агентов провосудія в образованном мірѣ наберется не менѣе сотни тысяч.

Какая глубоко печальная и прискорбная картина! Сотни тысяч людей имѣют спеціальным своим жизненным назначеніем судить, судить и судить.

По крайней мѣрѣ, это правосудіе избавляет общество от злоумышленников, воров и других преступников?... Да, в тѣх случаях, гдѣ правосудіе приносит радикальный приговор—смерть или пожизненное заключеніе... Ну, а в тѣх случаях, гдѣ изъятіе преступников из общества представляется временным?—В

большинствѣ случаев тюрьма—эта академія преступности—еще болѣе развращает преступников... Воров судят, а они крадут, крадут и крадут... Это бочка Данаид... И для этого учиться на юридическом факультетѣ... и для этого имѣть сотни тысяч агентов правосудія... Не будет-ли это уж слишком грустным приговором над тѣм же самым правосудіем... К счастью, можно добавить, что агенты правосудія во всем этом ни при чем...

Еще недавно суды были чисто формальные. Существовала готовая формула преступленія и соотвѣтственная форма наказанія. Кто совершил то или другое преступленіе, тот получает то или другое опредѣленное возмездіе. Как он совершил преступленіе, что его довело до этого, при каких условіях Жан Вальжан дерзнул на воровство,—это все равно: он совершил его, а потому и винен подвергнуться возмездію. Люди нашли, что такой суд—суд не правый. Надлежит всегда обращать вниманіе на то, при каких условіях данное преступленіе совершено и соотвѣтственно уже тому

ставить тот или другой приговор. Это суд правый и есть послѣднее слово современнаго правосудія. Но и при этом нерѣдко происходит масса недоразумѣній. Судится не человѣк, а судится преступленіе, т. е. одно какое-либо обстоятельство. Правда, оно, нерѣдко обсуждается всесторонне, широко и обстоятельно,—но почти всегда разсматривается эпизод жизни человѣка, а не вся его жизнь. Поэтому, естественно, что такой суд, невольно, в нѣкоторых случаях носит на себѣ выраженіе схоластики и метафизики.

Человѣчество ждет новой реформы суда, суда натуралистическаго, гдѣ бы судилось не преступленіе, а человѣк. В каждом данном случаѣ нужно разсмотрѣть: кто такой по существу преступник, какія причины его к преступленію побудили и *какія мѣры нужно принять к тому, чтобы не только этот человѣк не повторил своего преступленія, но и другіе не творили того же.* Для этого прежде всего нужно в совершенствѣ изучить: что такое преступник, какія причины ведут к нарожденію этого существа и совершенію

им своих дѣяній и какія средства нужно употребить к тому, чтобы эти аномалійныя существа болѣе не появлялись.

В этом отношеніи нужно прежде всего нѣсколько *расширить и видоизмѣнить курс юридическаго образованія. Проходящій курс юридических наук юноша должен, кромѣ всѣх прежних предметов, основательно изучить человѣка и его душу в нормальном и патологическом состояніях.* С этою цѣлью в число обязательных предметов юридическаго факультета должно ввести преподаваніе *психологіи, криминальной психологіи, судебной психопатологіи* и *антропологіи*; особенное же вниманіе должно быть обращено на изученіе *криминальной психологіи*. Этот предмет должен проходиться *теоретически и практически*, для чего при тюрьмах должны быть устроены особыя клиническія отдѣленія. Клиническія занятія с одной стороны дадут научный матеріал для развитія и совершенствованія предмета, а с другой стороны представят возможность учащимся практически ознакомиться с объектом

своего изслѣдованія и с методами его изслѣдованія. По моему мнѣнію, криминальная психологія есть один из важнѣйших и существеннѣйших предметов для юристов в области их научнаго образованія. Без знанія и изученія этого предмета всякій, выходящій из университета, юрист будет находиться в таком же положеніи, как окончившій курс врач, не видѣвшій больных в клиникѣ и изучавшій болѣзнь только по книгам.

Ferester 1) полагает, что опредѣленіе виновности подсудимаго должно быть предоставлено суду, но рядом с этим обязательно, чтобы судья был знаком с криминальной антропологіей.—Еще на криминальном съѣздѣ в Антверпенѣ Benedickt внес предложеніе, чтобы при тюрьмах, особенно там, гдѣ существуют юридическіе факультеты, были учреждены криминальныя клиники, при чем в этих клиниках должны вестись практическіе курсы по вопросам преступности, путем психологическаго изученія преступников.

....

1) *Ferester*. Sur la responsabilité dans les crims. 1897.

На том же съѣздѣ Lombroso и Ferri также поддерживали то положеніе, чтобы профессора и студенты нашли возможность свободно изучать преступника в тюрьмѣ. По мнѣнію Manouvrier, уголовная антропологія должна служить юристу свѣточем. В 1892г. Garnier [1]), во избѣжаніе печальных ошибок в судебных приговорах, рекомендовал всѣх преступников подвергать психіатрической экспертизѣ. Chapin говорит слѣдующее: интересы общества и государства требуют того, чтобы каждый преступник изучался врачом обязательно с момента поступленія его в тюрьму; только на основаніи этого изученія могут быть приняты мѣры его исправленія.

Zuccarelli [2]) полагает, что в настоящее время криминальная антропологія составляет столь важный и существенный предмет в области медицины и юриспруденціи, что ее обязательно должно признать самостоятельным предметом и основать

1) *Chapin*. American journal of insanity, 1899.

2) *Zuccarelli*. Bulletin de la societè med. mental Belgique, 1901.

отдѣльную каѳедру на медицинском и юридическом факультетах. Юридическія науки должны имѣть в основѣ своей изученіе человѣка в различных проявленіях его физической и умственно-нравственной дѣятельности. Так, уголовное право изучает наилучшія средства для низведенія числа преступленій до возможнаго minimum'а. Но в преступленіи и его происхожденіи проявляется весь человѣк со всѣми особенностями его духовной жизни. Очевидно, поэтому, что тщательное изученіе настоящаго преступника, во всем разнообразіи его разновидностей и при том в примѣненіи к задачам уголовнаго права, должно лежать в основѣ послѣдняго. Этим измѣненіем юридическаго образованія в самыя понятія молодых юристов будет внесен новый элемент, новый взгляд на преступника, новое к нему отношеніе и новыя понятія о мѣрах исправленія.

Вот почему я с глубоким убѣжденіем рѣшаюсь повторить свое положеніе, что *в курс юридических наук должен быть введен новый предмет—криминальная психоло-*

гія, при чем самое преподаваніе должно сопровождаться как демонстраціями, так и клиническим изученіем самого преступника.

Против этого расширенія курса юридических наук и освѣженія их біологическим элементом ничего не имѣют даже представители прежняго догматическаго направленія в юриспруденціи. Один из виднѣйших представителей научной и практической криминалистики в Россіи, проф. Таганцев[1]), протестуя против введенія в курс уголовнаго права ученія о преступникѣ, ничего, однако, не имѣет против преподаванія этого ученія, как самостоятельнаго предмета. «Изученіе преступленія, как соціальнаго явленія и антропологическое изученіе преступника составляют отрасли знанія, восполняющія уголовное право, как юридическую науку, а не смѣшивающіяся с ним, являясь составными частями самостоятельных наук соціологіи и антропологій. *знакомство с этими трудами*, в особенности

---

[1]) *Проф. Н. С. Таганцев.* Предмет науки уголовнаго права. Право. 1901.

с работами уголовной соціологіи, *необходимо для криминалиста*, но изученіе этих сторон преступности не может устранить необходимости и возможности изученія преступнаго дѣянія с юридической точки зрѣнія...»

Таким образом должна подвергнуться дополненію и измѣненію система юридическаго образованія, путем введенія в нее новых предметов біологическаго характера.

Должен подвергнуться *измѣненію* и самый *строй судебной жизни*. Слѣдственное судопроизводство должно вестись обязательно в двояком направленіи: судебный слѣдователь ведет дознаніе о происшествіи и распознает большее или меньшее участіе даннаго лица в этом дѣлѣ,—а судебный врач изучает душевную и тѣлесную жизнь даннаго лица. Они друг другу не мѣшают. Они друг друга дополняют.

Вполнѣ разслѣдованное дѣло. и исторія жизни обвиняемаго передаются суду. В судѣ дѣло должно разбираться при активном участіи судей, как юридическаго, так и судебно-медицинскаго характера, при

чем послѣдніе судьи должны быть не экспертами только, не свѣдущими людьми, а полноправными судьями как и всѣ остальные.

В настоящее время правосудіе во всѣх затрудненіях по медицинским вопросам обращается к врачам экспертам, при чем, в случаѣ возможности, оно приглашает врачей спеціалистов,—в случаѣ невозможности—врачей вообще. Послѣдствія такого положенія дѣла нерѣдко бывают очень печальныя для чистаго имени правосудія, для общества, для отдѣльных лиц и даже для врачебной науки. При настоящем развитіи и положеніи медицинской науки нельзя требовать, чтобы всѣ врачи знали вполнѣ основательно всѣ отдѣлы медицины. Поэтому, естественно, неправильно и неосновательно от всякаго врача требовать основательных знаній и патологической анатоміи, и химіи, и хирургіи, и акушерства, и психіатріи и т. п. Ставить в зависимость от такого положенія дѣла честное имя человѣка, его свободу и отвѣтственность невозможно. Врач, как и всякій человѣк, не может быть все-

знайкой, а от недостаточности его знаній могут возникать очень печальныя послѣдствія. За послѣднее время перед нашими глазами прошел цѣлый ряд громких по печальным недоразумѣніям судебных процессов, гдѣ самая главная ошибка заключалась в слишком недостаточном медицинском разслѣдованіи обстоятельств дѣла при первоначальном слѣдственном производствѣ их. Нам кажется, событія времени требуют неизбѣжнаго измѣненія положенія дѣла. Приглашеніе врачей экспертов по различным вопросам ex tempore является печальным анахронизмом. Пора правосудію, по крайней мѣрѣ для каждаго округа, имѣть своих спеціалистов. Эти постоянные члены учрежденія правосудія будут служить ему не только в качествѣ экспертов в судах, но и давать заключенія при слѣдственном производствѣ, избавляя слѣдственныя дознанія от случайностей и недоразумѣній, иногда и нежелательных и довольно прискорбных. Разумѣется, и такая наличность медиков в корпораціи правосудія не устраняет в тѣх или дру-

гих случаях приглашенія врачей экспертов по отдѣльным вопросам, но в тѣх случаях приглашаемые эксперты, люди науки, будут имѣть в своих руках матеріалы, в надлежащей полнотѣ собранные и должным образом сопоставленные,—что в настоящее время, очень часто обстоит далеко не так. Benedict, на съѣздѣ криминалистов в Амстердамѣ в 1901 г. предлагает устройство особенных учрежденій, сенатов, в котором судьи и врачи были бы поровну, но подъ предсѣдательством лица судебнаго вѣдомства.

В таком судѣ должен разрѣшаться вопрос как о виновности лица в данном случаѣ, так и о состояніи его умственных и душевных способностей вообще. При этом обязательно должен быть выяснен вопрос о том: случайный ли это преступник, или профессіональный, или прирожденный. Случайный преступник, какое бы он преступленіе ни совершил, может подвергнуться условному обвиненію и отпуску на свободу под опеку патроната,—или же если он подвергнется и лишенію свободы на извѣстный срок, то

при этом точно опредѣляются условія его подневольнаго бытія, не совмѣстно с прирожденными, или профессіональными преступниками,—и с правом послѣ извѣстнаго срока наблюденія, на условное освобожденіе, опять таки или под наблюденіе патроната, или же и помимо онаго. Профессіональные преступники, даже за малое преступленіе, могут задерживаться в спеціальных фермах, рабочих домах и проч. и только послѣ надлежащаго испытанія пользоваться условным освобожденіем под надзором патроната. Прирожденные преступники должны быть изолированы безсрочно, до исправленія.

При таком необыкновенно важном и серьезном положеніи дѣла, когда приходится рѣшать судьбу человѣка не на основаніи одного симптома, кражи, или грубости и проч., а на основаніи всей жизни и иногда на всю жизнь, едва ли сами честные судьи рѣшатся с легкою душою рѣшать вопрос без участія врачей психіатров. Сами условія рѣшенія роковым образом указывают на безусловно необходимое и полно-

правное участіе врача-психіатра в рѣшеніи судьбы человѣка.

Несомнѣнно, подсудимые могут переносить дѣло в высшую инстанцію—в палату. Такъ как для рѣшенія вопросы являются и чисто юридическіе и судебно-психіатрическіе, то этим самим опредѣляется и состав членов палаты. Они должны состоять из юристов и врачей, хотя бы и под предсѣдательством юриста.

Таково же участіе врачей спеціалистов должно быть и в сенатѣ и в центральном учрежденіи министерства, так как и там вопросы должны разрѣшаться как чисто юридическаго характера, так и судебно-медицинскаго,—а раз с послѣдними вопросами связана судьба человѣка, то компетентными лицами в рѣшеніи этих вопросов могут и должны быть тѣ, кто имѣет на это право.

Присутствіе полноправное и активное участіе врачей во всѣх судебных установленіях требуется не только необходимостію разрѣшенія вопросов судьбы человѣка, его душевнаго состоянія, но и еще болѣе важнѣйшею стороною дѣла является:

примѣненіе мѣръ к исправленію этого человѣка, необходимость опредѣленія степени исправленія даннаго лица, возможность досрочнаго освобожденія и т. д.

Как в медицинѣ, недостаточно поставить діагноз, но нужно установить жизненный режим больному, лечебныя средства, срок выхода и т. д.,—так и в отправленіи правосудія недостаточно доказать, что данное лицо профессіональный преступник, но нужно указать мѣры исправленія, слѣдить за ходом исправленія, наблюдать при различных условіях и, только по надлежащем убѣжденіи, разрѣшить досрочный отпуск в патронат. Во всем этом дѣлѣ главный труд и главная часть дѣла должна падать на врача.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы с глубоким убѣжденіем высказываем положеніе о привлеченіи в состав судебнаго вѣдомства врачей-психіатров в качествѣ полноправных судей,—при чем они должны принимать участіе во всѣх судебных инстанціях.

Таков, по нашему убѣжденію,

должен быть состав суда *будущаго*. В настоящее время на судебном вѣдомствѣ лежит обязанность не только судить, но и приводить в исполненіе кару: присуждать и заключать, ссылать, наказывать, заставлять работать на каторгѣ и т. д. и т. д. Нынѣшній суд—суд скорый и правый, а вмѣстѣ с тѣм является и судом карающим и мздовоздающим. Суд будущаго должен быть судом любящим и исправляющим. На его обязанности будет лежать нетолько огражденіе и охраненіе прав и личности потерпѣвших, но и исправленіе и возврат дѣеспособности лицам, совершившим преступленія.

Исходя из того положенія, что каждый преступник есть плоть от плоти и кровь от крови самого общества, что он есть дитя того человѣка и той среды, из которой он произошел,—было бы несправедливо взыскивать с него тѣ проступки, при совершеніи которых он поставлен был в такія условія, при которых он и поступить не мог иначе, как так. Всѣ преступники могут быть раздѣлены на три боль-

шихъ группы: преступники случайные, преступники привычные и преступники прирожденные. Первые— это не преступники, а люди, совершившіе свое дѣяніе под вліяніем сложившихся роковым образом условій,—вторые стали преступниками потому, что выросли и воспитались в средѣ преступной и развратной и смотрят на свои дѣянія, как на вполнѣ правильныя и должныя,—и третьи родились такими на свѣт и не их вина, что они преступны, как не повинен рыжій в своем цвѣтѣ волос, и человѣк с зелеными глазами в цвѣтѣ своих глаз. Долг общества позаботиться об этих несчастных: прежде всего, нужно стараться о том, чтобы они не появлялись на свѣт,—если же явились, то должно не наказывать их, а исправлять и приводить к познанію и дѣланію добра путем перевоспитанія и нравственнаго возрожденія.

Исполненіе этой задачи и должно стать дѣлом будущаго суда. В этом отношеніи обязанности общества должны дѣлиться на двѣ категоріи дѣяній: мѣры предупрежде-

нія и пресѣченія пресгупленій и мѣры исправленія преступных людей.

Что касается мѣр предупрежденія и пресѣченія преступленій, то онѣ должны быть сведены главным образом на борьбу с причинами, производящими преступность. Нѣт дѣйствія без причины. С другой стороны вѣрно и то, что если уничтожена будет причина, производящая то или другое явленіе, то впредь не будет и самого дѣйствія. Если устранены будут причины, преступности, то не будет и проявленія преступности. Какія же самыя главныя и важнѣйшія причины преступности? Бѣдность и нищита народа, невѣжество и нравственная тьма, временныя повальныя голодовки, эпидеміи, пожары и потопленія,— все это условія, подрывающія физическія и духовныя силы в человѣкѣ, к этому должно присоединить еще пьянство.

Бѣдность и нищета прежде всего убивают в человѣкѣ образ божій и поселяют в нем образ звѣриный. Голод и холод плохіе проповѣдники нравственности. Они убивают в человѣкѣ сознаніе своего достоин-

ства, уваженіе в человѣкѣ человѣка и прав на его личное и имущественное существованіе и сознаніе долга. На обществѣ лежит великая обязанность принять всѣ мѣры к тому, чтобы поднять благосостояніе низшаго рабочаго класса народонаселенія и с этою цѣлію возможно облегчить общественныя подати и уменьшить милитаризм, давящій человѣчество на всем земном шарѣ и во всѣх отношеніях способствующій его озвѣренію... В случаях голодовок, повальных эпидемій, пожаров, наводненій и проч. на обществѣ лежит великій долг—подать немедленную серьезную двоякую помощь: поддержать пострадавших нравственно и духовно, облегчить их несчастіе и горе и поддержать их матеріально возмѣщеніем всѣх их важнѣйших потерь. До сих пор во всѣх этих случаях дѣлали одно: помогали матеріально и затѣм оставляли пострадавших в покоѣ, предоставляя управляться им со всѣм самим. Это не вѣрно. Во всѣх великих несчастьях в родѣ голодовок, пожара и проч., человѣк несет двѣ потери: имущественную,

всѣм видимую, и духовную (в видѣ шока, нравственнаго потрясенія, удара и проч.), для нас невидимую. Нищими и преступниками эти люди становятся не потому, что они теряют имущество,—нерѣдко они получают помощ большую, чѣм потерпѣли потерю,—а тѣм не менѣе становятся пьяницами, нищими, поберушками, попрошайками, воришками, ворами, грабителями, разбойниками и проч. Такое превращеніе с ними совершается потому, что, под вліяніем перенесеннаго нравственнаго потрясенія, пострадавшіе становятся нетолько нищими тѣлом, но и нищими духом, немощными, подорванными, неспособными, вести настойчиво борьбу с жизнью и ея тяготою и падающими под тяжестью жизненной борьбы. Вот почему во всѣх этих случаях недостаточно оказывать пострадавшим одну помощ имущественную, а нужно поддержать их и нравственно, дав им нѣкоторый отдых и продержав под нѣкоторой опекой и охраной в началѣ их возрожденной жизни. Дѣло очень не легкое, но именно только в таком видѣ помощь им будет

истинною помощью, а не камнем, вмѣсто хлѣба.

Борьба с нищенством должна быть самая ожесточенная, непрерывная и настойчивая. Никогда не должно забывать, что нищій, собирая подаянія, крадеть у бѣднаго, который нерѣдко несравненно бѣднѣе этого нищаго. Для борьбы с нищенством прежде всего требуется проникновеніе в общество сознанія о великом вредѣ и злѣ нищенства; а за тѣм требуется строжайшее преслѣдованіе нищенства, парализуя его устройством рабочих домов и ферм для бездѣльников,—богодѣлень для немощных и ремесленных пріютов для калѣк. При этих условіях останутся только нищіе преступники, с которыми и прійдется имѣть дѣло как с таковыми.

Не легко бороться с невѣжеством. Просвѣщеніе народа в духѣ истинной христіанской любви, подкрѣпленной соотвѣтственым примѣром добра на дѣлѣ, будет лучшим средством удержанія их в средѣ добра. Простой народ—народ чистый и мало испорченный. Он требует очень немногаго для того, чтобы остать-

ся таким же чистым. Диво ли, что ласковое сердечное слово проповѣди самаго глупаго народнаго проповѣдника, поддержанное примѣром собственной жизни, привлекает народ сотнями и тясячами и совращает его в ереси и толки, неимѣющія в себѣ рѣшительно никакого толку. Но только нужно помнить, что фальшивое слово, как бы оно ловко ни было облечено, никогда не обманет дѣтскую душу народа. Книжники и фарисеи не для него. Напротив, проповѣдь любви и самопожертвованія на дѣлѣ плѣняют народ и могут повести его куда угодно. К сожалѣнію, истинное слово любви и доброе дѣло — явленія рѣдкія. Нынѣ всѣ стараются отдѣлаться формою.

Тоже должно сказать и о просвѣщеніи. Просвѣщеніе великое дѣло. Поголовное обученіе тоже весьма похвальное дѣло; только не на тощій желудок. Должно учить народ, должно выводить его из мрака невѣжества,—но прежде накормивши и давши ему вздохнуть.

Великим фактором для борьбы с преступностью являются также за-

веденія для воспитанія и образованія. До сих пор мы имѣли всюду классическія гимназіи и реальныя училища. Нынѣ будем имѣть реформированныя гимназіи. Благо. Исторія Россіи никогда не забудет имен двух министров, одного, нанесшаго удар формальному классицизму, а другого—низвергнувшаго его.

Но сдѣланное хорошо, а предстоящее к исполненію еще важнѣе и серьезнѣе.

Дай Бог, чтобы всѣ дѣти русской земли, имущественно и по положенію могущія получить среднее образованіе, получили его. Но дарованія дѣтей не одинаковы. Овому убо дадеся пять талант, овому два и овому один. Дѣти безталанные не могут тягаться с талантливыми. Отсюда, естественно, то послѣдствіе, что на дѣлѣ много званных, а мало избранных. Поступают в гимназіи ежегодно тысячи дѣтей и тысячи же исключаются по малоуспѣшности. В первом классѣ бывает 80 — 100 учеников, а в восьмом оканчивает 20—25... А гдѣ же остальные?? *На стогнах градов и вѣсій*... Это неудачники, без

образованія, праздношатающіеся, бездѣльники, бродяги и преступники... Таковы условія жизни.

Разсматривая всѣх дѣтей по их умственным и нравственным качествам, мы можем раздѣлить их на три категоріи: нормальных, отсталых и неисправимых. Так дѣлит их жизнь, так дѣлит их опыт стран, болѣе нас культурных и уже сдѣлавших в этом отношеніи что нибудь. Между тѣм наши гимназіи всѣ для всѣх. Естественно, что дѣти с двумя талантами не могут гнаться за успѣхом дѣтей с пятью талантами и их гонят, из заведеній, как малоуспѣшных и тормозящих успѣхи других. Еще менѣе пригодны для общих классов дѣти с одним талантом, но у которых экивалентом недостающих умственных талантов являются проявленія грубости, дерзости, жестокости, нравственной грязи, разспущенности, разнузданности, лжи, обмана, воровства, цинизма, разврата и проч. Такія дѣти нетолько неумѣстны в средѣ нормальных дѣтей, но и не терпимы... Ну, а куда же их дѣть? Куда дѣть мало умственно отсталых, нело-

развитых дѣтей и куда дѣвать дѣтей испорченных, недисциплинированных и носящих в себѣ основы безнравственности и преступности? .. В настоящее время их выбрасывают на улицу. Справедливо ли это? Развѣ это не наши дѣти? Развѣ это не дѣти правоспособных граждан и равноправных плательщиков? На улицу! Да вѣдь, значит, это умышленно дѣлать из них тунеядцев и преступников... Чему же дивиться в том явленіи, что преступность возрастает и возрастает... Мы ее сами сѣем и поливаем... На благо человѣчеству, не так дѣлается в странах болѣе культурных и цивилизованных. Там, на ряду с заведеніями для дѣтей нормальных, существуют заведенія для дѣтей отсталых и недисциплинированных.

Для того, чтобы не быть голословными, мы приведем справку из положенія подобнаго дѣла в Бельгіи.

В Брюсселѣ уже давно существуют такія школы, куда принимали для обученія дѣтей, отставших по причинѣ физической слабости, болѣзней и проч., тупых и недисциплинированных. Однако, эти классы не привели к же-

лапным результатам: во 1-х, потому, что всѣ эти дѣти были в одном классѣ и не дѣлились по своим индивидуальным способностям, а во 2-х, потому, что по отношенію к ним примѣнялись тѣ-же способы, что и по отношенію к нормальным дѣтям. Наконец, в маѣ 1897 г. в Брюсселѣ открыта центральная школа для отсталых дѣтей, гдѣ обращено было вниманіе на особенности этой отсталости. При пріемѣ дѣтей в эту школу принимают во вниманіе свѣдѣнія от директора заведенія для нормальных дѣтей и результаты наблюденія и изслѣдованія директора даннаго учрежденія и врачей. Центральная школа дѣлится на четыре отдѣла: 1) для дѣтей, отставших вслѣдствіе неправильных педагогических пріемов дома при первоначальном обученіи, 2) для дѣтей тупоумных и с запоздалым умственным развитіем, 3) для дѣтей непокорных и недисциплинированных и 4) для дѣтей с органическими недостатками, как напр. рѣчи, и проч. Здѣсь же существует переходный класс от фребелевскаго к классу обычных занятій, для возраста от

6 до 9 лѣт. Сюда принимаются дѣти, которыя проявили свою ненормальность уже в фребелевском классѣ. В этом классѣ главным образом пользуются наглядным способом обученія, в видѣ игр, прогулок, развлеченій и проч.,—к этому же прибавляют и первоначальное образованіе. Всѣ остальныя дѣти дѣлятся на дисциплинированных и недисциплированных. Различіе между ними устанавливается главным образом в отношеніях к ним и требованіях. К первым относятся мягко, сострадательно и сдержанно, принимая в основу то положеніе, что их лѣнь есть не причина их неуспѣхов, а слѣдствіе их болѣзненнаго состоянія. Число воспитанников в фребелевском отдѣленіи и в отдѣленіи дисциплинированных дѣтей очень не велико; зато их слишком много в отдѣленіи недисциплинированных дѣтей. Здѣсь режим совершенно иной. К ним относятся очень строго и сурово. Если в классах дѣтей дисциплинированных стараются индивидуализировать пріемы обученія, то в классах дѣтей недисциплинированных пріемы однообразны и вообще их ве-

дут так, чтобы их личная инициатива, почти всегда не особенно добрая, не могла становиться активною. Наказанія в этом отдѣленіи практикуются. Во всѣх классах занимаются ручным трудом, как лѣпка из глины, картонныя работы и проч.,— а также примѣняется гимнастика, экскурсіи, упражненіе в наблюдательности, рисованіе, музыка и проч. Это главные предметы занятій. Гимнастика производится по-англійски, т. е. под звуки рояля. Этот способ особенно благопріятствует развитію вниманія и памяти, не говоря уже об улучшеніи внѣшняго вида дѣтей. Администрація особенно тщательно слѣдит за исправным посѣщеніем школы. Занятія заканчиваются в 12 ч. Кромѣ этой группировки, нѣкоторых дѣтей избирают в малыя отдѣльныя группы, объединенныя какими-нибудь особенностями, требующими особых пріемов или способов преподаванія. Во главѣ учрежденія стоит директор, учительница, 10 штатных и 1 сверхкомлектный учитель и учительница для уроков наблюдательности для дѣток малаго возраста. Каждый учитель обязан

давать отчет о своих учениках два раза в год. Если ребенок развился и достиг нормальных способностей, то его переводят в училище дла нормальных дѣтей. Всѣх дѣтей пока 240. Такая же школа проектируется в Антверпенѣ, а также и в Голландіи. Значеніе этих школ важно уже в том, что онѣ освобождают от баласта нормальныя школы и позволяют вести их без задержки и тормаза, не говоря о той пользѣ, которая при этом извлекается для самих отсталых дѣтей.

Мы могли бы еще очень много хорошаго въ этом отношеніи сказать по отношенію к Швейцаріи, Германіи, Франціи, Англіи и проч.,— но то заграницей. . А у нас что? Много ли у нас гимназій для дѣтей отсталых, недоразвитых и недисциплинированных? Ни одной... Значит, в Россіи всѣ дѣти нормальны? Значит в Россіи нѣть дѣтей ни отсталых, ни, как мягко выражаются, недисциплинированных?.. Вот счастливая Аркадія... О, нѣт, — дѣтей таких у нас очень много и величайшее горе они составляют для родителей. Нѣкуда их помѣстить,—

нѣкуда их пристроить... Бѣгают они по улицѣ и замѣщаются в кадры... нищих и малолѣтних преступников... Поучительно.

Мы питаем убѣжденіе, что государство должно прійти на помощь несчастным родителям и еще болѣе несчастным дѣтям и мы льстим себя надеждою, что в настоящее время, время реформы средней школы, устроено будет хотя по одной средней школѣ для отсталых дѣтей на каждый учебный округ.

Недисциплинированныя дѣти —это собственно преступныя дѣти. Одни из них таковы от рожденія,—другія потому, что все свое дѣтство провели в преступной средѣ и обстановкѣ и потому усвоили себѣ всѣ ея нравы и привычки. Предупрежденіе и пресеченіе преступности и борьбу с такими лицами нужно начинать именно с дѣтства и давить зло в его зародышѣ. Для этого обязательно необходимо устроить учебно-исправительныя заведенія для подобных *недисциплинированных* дѣтей, при чем в них строго должно различать три отдѣленія: отдѣленіе испытуемое, отдѣленіе

дѣтей исправимых и ставших недисциплинированными под вліяніем жизненной обстановки и отдѣленіе дѣтей с прирожденным недисциплинированным характером. Мѣры, время, способы и средства перевоспитанія в обоих этих случаях далеко должны быть не одинаковы.

В эти заведенія должны быть помѣщаемы дѣти, нетолько уже признанныя преступными по суду, но и проявляющія преступныя наклонности уже в семействѣ. Слишком жестоко и несправедливо по отношенію к обществу ждать для помѣщенія ребенка в исправительное заведеніе посѣщенія им слѣдственной камеры и скамьи подсудимых. Moret [1]) полагает, что государство, видя в дѣтях дегенеративных семейств преступныя наклонности, должно приступать к исправленію их, не ожидая проявленія преступности.

Д. А. Дриль говорит слѣдующее: «в средѣ дѣтей безпріютно-безпри-

1) *Moret.* On the prophilaxis and treatement of the recidivist criminal. The Journal of mental Pathology, 1902, 3.

зорных, а также принимаемых в заведенія по просьбѣ их родителей, встрѣчаются нерѣдко субъекты, гораздо болѣе испорченные и трудные в воспитательном отношеніи, нежели в средѣ несовершеннолѣтних, помѣщенных по суду. Д. Н. Стефановскій [1]) говорит слѣдующее: Вредное вліяніе больных родителей продолжается и послѣ рожденія ребенка. Создав его слабым физически, они принимаются воспитывать его и этим еще болѣе уродуют несчастнаго. Таким образом на ребенка, уже отягченнаго наслѣдственно, падает весь ужас совмѣстной жизни с больными дикими людьми, от которых он находится в безграничной зависимости. Он видит ежедневно самые дурные примѣры порочности, разврата и преступленія. Зло таким образом удваивается. Когда же мы встрѣчаемся на судѣ с подобным суб'ектом, уже выросшим и укрѣпившимся в своих патологических влеченіях, когда замѣчаем в

.....

[1]) *Д. Н. Стефановскій.* К вопросу о чувственном убійствѣ. Архив психіатріи. 1890 г.

нем и нравственное извращеніе и тираннизм, тогда уже, разумѣется, поздно исправить дѣло... Поэтому на воспитаніе наслѣдственно пораженных дѣтей должно быть обращено особое вниманіе. *Их слѣдует поручать надзору спеціальных врачей-педагогов, но отнюдь не воспитывать дома, или в обыкновенной школѣ»*... По мнѣнію Лесгафта [1], подобный ребенок послѣ наказанія бывает как то особенно подвижен и часто избирает себѣ такія дикія развлеченія, которыя характеризуются вообще тѣм, что он мучит, истязает, уничтожает различных животных и наносит людям всевозможныя оскорбленія и непріятности, а если может, то и прямой физическій вред...

Естественно, что во всем этом дѣлѣ устройства и веденія перевоспитанія малолѣтних преступников главную роль должны играть врачи психіатры, а затѣм педагоги, мастера и т. д. Настоящіе спеціалисты правосудія во всем этом дѣлѣ

....

[1]) *Лесгафт.* Школьные типы.

мало могут принести пользы. Это дѣло других спеціальностей.

Таким образом голос разума, опыта и сердца говорит, что, желая бороться с преступностью, мы должны парализовать ее с дѣтства в особо для этого устроенных учебно-воспитательных учрежденіях.

Не малая доля преступленій совершается пьяницами, поэтому борьба с *пьянством* должна войти в область мѣр борьбы с преступностью как мѣра предупрежденія и пресѣченія преступленія. Должно, однако, строго отличать пьянство от потребленія алкогольных напитков. Употребленіе алкоголя, как и табаку, есть дѣло воли каждаго свободнаго человѣка. Можно говорить проповѣди и рѣчи о вредѣ употребленія алкогольных напитков, можно писать об этот брошюры, монографіи, статьи и проч.,—можно собирать собранія, устраивать общества трезвенников и проч.,—но запрещать всѣм и каждому из правоспособных и свободных граждан употребленіе алкогольных напитков есть пріем, не находящій себѣ должнаго оправданія и не имѣющій

предѣла и границ; сегодня запретят употребленіе алкоголя, завтра куреніе, послѣзавтра игру в винт, на слѣдующій день красные галстухи, еще на слѣдующій цилиндры и т. д. и т. д. Это будет своеволіе и насиліе, а всякое насиліе есть преступленіе. Иное дѣло пьянство. Пьянство есть болѣзнь, а пьяница— больной, человѣк лишенный воли и раб страсти, готовый для ея удовлетворенія совершить любое преступленіе. Для таких людей, лишенных собственной воли и дѣятельности личных задерживающих центров, требуется воля сторонняя, воля общественная и контроль общественнаго разума и общественнаго благополучія. В этом отношеніи общество неукоснительно и безпрекословно должно дѣйствовать строго и послѣдовательно, помѣщая данных больных в спеціальныя заведенія до полнаго их поправленія и исправленія.

«Прямым слѣдствіем уголовнаго правосудія, имѣющаго цѣлію нравственное воспитаніе народа, является государственная опека над преступниками, как над людьми,

оказавшимися, вслѣдствіе душевной ненормальности, нравственной недостаточности или порочности, неспособными жить в обществѣ, т. е. исполнять свои правовыя и нравственныя обязанности по отношенію к ближним» 227.

Вот главнѣйшія мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія. «Кто хочет не так часто прибѣгать к наказанію взрослых, говорит проф. Есипов [1]), должен позаботиться о воспитаніи младенцев. Кто хочет меньше наказывать, должен больше предупреждать. Предупреждать для государства и полезнѣе и выгоднѣе, чѣм карать»...

Но как бы общество и государство ни старались предупреждать развитіе преступности, пока строй его будет прежній и нездоровый,— преступность, хотя и уменьшенная и значительно смягченная, все таки будет проявляться и суду прійдется чинить свой суд, опредѣлять отвѣтственность, а, главное опредѣлять характер человѣка и мѣры его исправленія и перевоспитанія.

[1]) *Проф. В. В. Есипов.* Преступность и мѣры воздѣйствія, р. 181.

В этом отношеніи прежде всего прійдется отдѣлять преступников малолѣтних и несовершеннолѣтних от преступников взрослых и душевно сформировавшихся.

На первых должно быть обращено особенное и важнѣйшее вниманіе. «Забота о заброшенных и преступных дѣтях, говорит проф. Есипов, прежде всѣх других карательных и предупредительных мѣр должна быть поставлена первою задачею современнаго общества, если оно желает быть достойным своего вѣка. Из этих юных своих отпрысков общество может, при своем безучастіи, выростить бродяг и преступников и вина в этом будет лежать на самом обществѣ; из них же, при небольшой даже внимательности и заботливости, оно может возрастить честных граждан и полезных работников». Delvincourt [1]) полагает, что наиболѣе дѣйствительный способ уменьшить армію преступников, это—воспрепятствовать ея рекрутированію, преграждая к преступ-

1) *Delvincourt*. La lutte contre la criminalité dans les temps modernes, 1897,12.

ности дорогу юношеству, которое готовится занять мѣсто в ея рядах. Дѣло в том, что проступки, совершенные молодыми людьми, заключают в себѣ большею частью цѣнныя указанія на их характер, по которым можно судить и о их скрытых недостатках»...

Для малолѣтних преступников обязательно должны быть устроены колоніи, фермы, исправительные пріюты и проч. Эти учрежденія должны состоять из трех строго отдѣленных друг от друга, частей: испытуемаго отдѣленія, отдѣленія исправимых и отдѣленія неисправимых. В испытуемое отдѣленіе должны помѣщаться всѣ без исключенія малолѣтніе преступники, гдѣ они находятся под наблюденіем врача—психіатра и врача—педагога в теченіи времени, которое для сего понадобится. Путем такого наблюденія вполнѣ опредѣлится: будет ли это случайный преступник, или профессіональный, или прирожденный. Если это *преступникъ случайный*, то какое бы он преступленіе ни совершил, его можно отдать на поруки родным, родственникам, или благонадежным

членам общества. В случаѣ же не отысканія таковых, он поступает в пансіонат учебно-воспитательнаго заведенія под особою опеку администрации и лиц мѣстнаго патроната о преступниках. Пребываніе в этом зеведении в течении нѣскольких лѣт и многостороннее наблюденіе с благопріятными отзывами врача-педагога заведенія и врача психіатра патроната, могут на всегда снять с самаго преступника клеймо его позора. Напротив, неодобрительные отзывы о поведеніи этого мальчика могут послужить поводом к переводу его или в исправительное учебное заведеніе, или в исправительное отдѣленіе пріюта для малолѣтних преступников.

Если послѣ надлежащаго испытанія окажется, что данный малолѣтный преступник относится к категоріи *профессіональных и привычных преступников*, то его обязательно и неукоснительно должно перевести в исправительное отдѣленіе пріюта, на срок, который потребуется для его перевоспитанія исправленія, совершенно независимо от совершеннаго им преступна-

го дѣянія. «Исправленіе или нравственное возрожденіе, по Rossi, ни что иное, как воспитаніе, — а воспитаніе есть чисто индивидуальная особенность; поэтому перевоспитаніе, чтобы быть реальным, должно быть индивидуальным». Долг государства, говорит проф. Есипов не унижать своих граждан, а наоборот, примѣняя к ним исправительное воздѣйствіе, постараться развить в них уваженіе к своей собственной личности»; а мы прибавим и уваженіе к личности другого человѣка и своему долгу... Такое воздѣйствіе возможно только при существованіи персонала вполнѣ подготовленнаго и в достаточном количествѣ. Таковой персонал должен состоять из врачей—психіатров, из врачей—педагогов, педагогов, преподавателей ремесл, знаній и практических свѣдѣній. Разумѣется подготовленіе учебнаго персонала потребуетъ времени,—да и проэктъ нашъ осуществится не скоро. Во всяком случаѣ в дѣлѣ исправленія преступных дѣтей чисто юридическій элемент играет и может играть весьма ничтожное значеніе, хотя эти

учрежденія и находятся в вѣдѣніи министерства првосудія.

Что касается *прирожденныхъ малолѣтнихъ преступниковъ*, то они должны помѣщаться в особенныя, строго изолированныя фермы, заведенія, пріюты или отдѣленія этих учрежденій, но в полнѣ изолированные от отдѣленій дѣтей—исправимых—ибо эти неисправимые преступники, при соприкосновеніи с исправимыми, могут пагубно развращающе и растлѣвающе влiять с одной стороны,—а с другой, мѣры перевоспитанія и воздѣйствія в отдѣленіях для прирожденных, будут нѣсколько иныя, чѣм в других; причем в иных случаях могут быть примѣнены чисто лечебныя мѣры. Срок пребыванія должен быть неопредѣленный, во всяком случаѣ очень продолжительный и виных случаях даже пожизненный. Как существуют случаи неизлечимаго идіотизма, так существуют случаи и неизлечимой прирожденной преступности. Такая продолжительная изоляція дѣтей с прирожденною преступностью не должна ни смущать общество, ни огорчать его. Того требуют интересы

самаго общества и личные интересы преступника,—тѣм болѣе, что всѣ эти учрежденія будут находитьсяв вѣдѣніи министерства правосудія и под его строгим надзором.

По отношенію к взрослым преступникам в судѣ дѣло разсматривается также в двояком направленіи: по отношенію к его преступленію и по отношенію его преступности. Первая сторона чисто юридическая, вторая медико-психіатрическая. В настоящем случаѣ задача суда будет состоять в провѣркѣ и утвержденіи или отрицаніи данных предварительнаго слѣдствія о том, к какой категоріи преступников относится данное лицо, — будет ли это преступник случайный, или преступник привычный, или преступник прирожденный.

Преступники первой категоріи, случайные, безразлично, какое бы они преступленіе ни совершили, могут подлежать условному обвиненію и выйти на свободу, на попеченіе и контроль патроната. Одно прикосновеніе этих людей к тюрьмѣ может слишком тяжело и гибельно подѣйствовать на их несчастную на-

туру. На свободѣ и с помощію добрых людей они не только искупят свою вину, но, быть может, окажут слишком большую пользу самому обществу. По истинѣ вѣрно положеніе—«юстиція не воюет, государство не борется с преступниками, как с вражеской арміей, а относится к ним, как к заблудшим дѣтям». Своевременно поданная рука помощи и поддержки не губит человѣка, а спасает и, нерѣдко, дѣлает подвижника на нивѣ добра и правды.

Вопрос об условном обвиненіи поднят во всѣх просвѣщенных странах міра и исповѣдуется всѣми лучшими юристами,—и это учрежденіе вполнѣ вѣрное, честное и гуманное. Оно проповѣдывает спасеніе человѣка, а не погибель,—полное исправленіе, а не растлѣніе. Разумѣется, и эти лица будут находиться нѣкоторый срок под контролем и, в случаѣ судебной ошибки, легко возвращены в заведеніе исправимых.

Хуже дѣло обстоит, если преступник является человѣком привычным в дѣлѣ преступности. Такого человѣка нельзя сразу отпу-

стить. Его приходится изолировать. Того требуют интересы общественной безопасности и личнаго счастья преступника. Но если интересы общественные требують удаленія даннаго лица из общества, если они окупаются лишеніем общественной жизни и ея радостей, то справедливость требует, чтобы удаленный человѣк был обезпечен удобствами и безобидным существованіем в своем изолированном положеніи. Задача общества — перевоспитать таких людей, сдѣлать их пригодными для общественной жизни и полезными для себя, для семьи и для общества. Это перевоспитаніе должно совершаться не крутыми и грубыми мѣрами, а терпѣніем, любовію и ласкою. Для таких людей должно устраивать колоніи, фермы, фабрики, заводы и проч., гдѣ бы они в трудѣ, нравственном отдыхѣ и человѣколюбивой обстановкѣ, отрѣшились от своих животно-эгоистических душевных свойств, навѣянных на них злокачественною жизненною обстановкою, пріучились к жизни новой, чистой и честной, прониклись ея добрыми свойствами,

усвоили их и смогли бы явиться вновь в обществѣ в обновленном и измѣненном видѣ. Не грубостью, насиліем, наказаніем и изнурительными непосильными трудами можно у таких людей добиться благих результатов,—а изученіем их душевной жизни, их недостатков — дабы их устранить, — и проблесков добрых качеств, дабы их развить, укрѣпить и поддержать. Для этого нужно, чтобы в числѣ лиц, управляющих подобными учрежденіями, были врачи психіатры, врачи — педагоги, педагоги, и вообще, люди, преданные душой своему дѣлу, сознающіе в себѣ человѣка и уважающіе в другом человѣкѣ человѣческое достоинство. Наблюденіе и изученіе привычных преступников в теченіи их пребыванія в этих учрежденіях покажет насколько они исправляются и насколько это исправленіе прочно. С теченіем времени их можно, в видѣ опыта отпускать к родным, заслуживающим довѣрія людям, внѣ заведенія на день и нѣсколько дней на работу и т. д. Если этот искус покажет, что человѣк de facto исправляется, то к нему вполнѣ пра-

вильно примѣнить досрочное освобожденіе под наблюденіем и контролем патроната. Показателем длительности лишенія свободы должен быть не характер и свойство преступленія, а степень преступности или испорченности человѣка. Наказывать человѣка по мѣркѣ на срок времени, соотвѣствующій тому или другому преступленію,— тоже, что у больного легкими лечить кашель отдѣльно, мокроту отдѣльно, отдышку отдѣльно и т. д. Медицина симптомов отжила свой вѣк, — лечат не симптомы, а болѣзнь и даже не болѣзнь, а больного. Так и по отношенію к преступнику: укравшаго должно лечить или отучать не от воровства, а от дурных побужденій и мыслей, которые его побудили к этому и толкнули на дѣяніе,—должно исправлять его испорченную и измученную душу, а не отдѣльныя порочныя проявленіе ея. С этой то точки зрѣнія к данным больным требуется примѣненіе строго обдуманнаго и индивидуально показаннаго жизненнаго режима, поддержаннаго соотвѣтственною обста-

новкой и нравственною сердечною поддержкою окружающих.

Что касается лиц третьей категоріи, т. е. *прирожденных преступников*, то их положеніе еще хуже и труднѣе. Это люди, которые зло носят в самих себѣ. Они родились таковыми и таковыми остаются пожизненно. Они нетолько носят это с собою, но и щедрою рукою расточают его среди окружающих. Они нетерпимы нетолько в средѣ людей честных, но и среди привычных, случайных преступников, ибо на обѣ эти категоріи людей они могут вліять растлѣвающе и развращающе. Это люди с прирожденною болѣзненною натурою, а потому кромѣ исправленія они очень часто требуют и леченія. В виду их крайней опасности для всего и для всѣх, их должно изолировать от всего свѣта, в особыя учежденія, в особыя тюрьмы. Однако эти тюрьмы не должны быть тюрьмами времени Христа, гдѣ заключенные испытывали плач и скрежет зубовный; не должны быть эти тюрьмы похожимы и на современныя нам тюрьмы, гдѣ если не слышно скреже-

та зубовнаго, то наблюдаются частыя зуботычины, вышибанія зубов, сокрушенія ребер и т. д. Болѣе, чѣм гдѣ бы то не было, в устройствѣ тюрем должна быть примѣнена рука врача психіатра. Об участіи психіатров в дѣлѣ устройства тюрем говорили уже давно. Еще в наначалѣ XIX вѣка раздавались голоса, требовавшія устройства тюрем по типу домов для умалишенных. В 1843 г. Jdeler говорит слѣдующее: если тюрьмы и заведенія для душевно-больных будут основаны на одинаковых принципах, будут вестись в том же духѣ милосердія к заблудшим в порывѣ страсти несчастным душам, если эти два учрежденія так близко подойдут друг к другу, даже в нѣкоторых случаях будут друг друга поддерживать, —то тогда нам не прійдется уже дробить волос и взвѣшивать атом и соломоновой мудростью рѣшать: будет ли данный человѣк преступник, или душевно-больной, — так как один Бог знает истинную цѣну этого человѣка и право испытывать сердца Он предоставил себѣ». Еще в 1882 г. Henke совѣтовал сомни-

тельных преступников отдавать не в тюрьмы, а в особыя исправительныя учрежденія. Но для того, чтобы тюрьмы функціонировали правильно, нужно подготовить надлежащих врачей (Siemerling). Никто не проповѣдует для людей с ослабленною нравственностью невмѣняемости,—но вывесть из запутаннаго положенія, может только криминальная біологія и Siemerling [1]) прав, говоря: психіатрія по своему существу назначена уяснить и освѣтить вліяніе соціальных погрѣшностей, а потому несомнѣнно ей надлежит указать профилактику мѣропріятій в предупрежденіи душевных заболѣваній и к ограниченію преступности.

Во всяком случаѣ будущія тюрьмы должны быть устроены по тому же типу, как и исправительныя заведенія для привычных преступников в видѣ ферм, колоній, заводов и проч.,—но с болѣе строгою изоляціей, при чем на ряду с исправительными мѣрами, должны будут примѣняться и мѣры чисто ле-

[1]) *Siemerling*. Ueber die Entwickelung der Lehre von den Geisteskranken Verbrecher. Allg. Zietschrift f. Psychiatria, 1900, 4.

чебныя, как в заведеніях для нервных и душевных больных.

До нѣкоторой степени подобныя исправительныя заведенія уже функціонируют в Америкѣ, как исправительно-воспитательные институты Эльмиры, Конкорда, Гэнтингтона и др. Важнѣйшее их значеніе и преимущество состоит в том, что они позволяют индивидуализацію по отношенію к изученію заключенных, а равно и примѣненіе мѣр исправленія и воздѣйствія соотвѣтствует индивидуальным особенностям. Проф. Піонтковскій совершенно вѣрно отмѣчает, что это новое направленіе представляет крайне отрадное явленіе по своей постановкѣ в борьбѣ с преступностью. Иначе и быть не может. При таком положеніи дѣла можно быть увѣренным, что и прирожденные преступники, хотя отчасти будут давать улучшеніе, а нѣкоторые и полное исправленіе,— а один раскаявшійся грѣшник для общества пріятнѣе цѣлаго десятка праведников.

В предыдущемъ изложеніи я хотѣл оттѣнить полную несостоя-

тельность современнаго положенія дѣла правосудія в смыслѣ неуспѣшности в борьбѣ с преступностью. Эту несостоятельность сознают всѣ: и общество, и лучшіе мыслители и даже многіе из передовых юристов. Такая несостоятельность обусловливает в обществѣ реакцію, смущеніе, броженіе и проблески мысли об изобрѣтеніи средств и мѣр для борьбы с преступностью новых и болѣе соотвѣтствующих и болѣе успѣшных. Hamon [1]) говорит: «Соціальная реакція должна имѣть своим необходимым послѣдствіем, вмѣсто кар и наказаній, заботы предупредительныя, *соціальную гигіену и терапію*, простирающую свое вліяніе гораздо далѣе индивида—дѣятеля, именно *на самыя причины* диссонировавших в обществѣ дѣяній. Эта соціальная гигіена и терапія могут быть опредѣлены в подробности только *послѣ тщательнаго изученія самихъ преступниковъ*, этіологіи преступленій и современных способов воздѣйствія в отношеніи преступников.

[1]) Hamon, Determinisme et responsabilité. Paris, 1890, p. 23.

Да, полное преобразованіе вѣдѣнія правосудія и исправленія преступности—дѣло не скораго будущаго. Но оно будет. Оно покинет свои схоластическія формы и станет на почву реальную, на почву исправленія самого общества и преступнаго человѣка. Мы глубоко убѣждены, что наша фантазія осуществится. Когда? — это дѣло другое,—это может быть дѣло далекаго будущаго,—но оно будет.

Нужно разрушить многое, многое старое. Нужно ввести в сознаніе общества извѣстный взгляд. Нужно заставить людей смотрѣть на дѣло иными глазами. Нужно многому быть забыту и многому—быть усвоенному. На все это требуется время. Tempora mutantur et nos mutamur in illis... Ничто не дѣлается сразу и всё требует извѣстной подготовки. Изучая болѣе, чѣм четверть вѣка душевныя и духовныя аномаліи человѣка и современнаго человѣчества, я не мог пройти индифферентно мимо аномаліи преступности,—я не мог не видѣть ненормальности, неудовлетворенности и безплодности современнаго строя борьбы с нею,—не

мог не подумать и о том, как бы лучше это дѣло устроить. Изучая литературу вопроса, я нашел для себя нравственное удовлетвореніе в том, что я не представляю собою нѣчто единичное. Мои чувства и мои мысли находили себѣ отзвук в мыслях и чувствах безкорыстных мыслителей, живших и прежде нас и вмѣстѣ с нами.

Вот почему я рѣшился высказать публично свои мысли по данному вопросу. Онѣ могут быть ошибочны. Укажите эти ошибки. Онѣ могут быть неправильны. Исправьте их. Но да не подумает никто, что онѣ навѣяны какою либо мыслью меркантильною—и своекорыстною.

Будем ждать планов и проэктов на будущее других лиц. Мы увѣрены, они будут и болѣе обстоятельными и болѣе компетентными. Мы их встрѣтим и с глубокой радостью и с искренним благопожеланіем,—на пользу бо человѣчества суть.

Резюмируя свой бѣглый очерк надлежащаго переустройства вѣдѣнія Правосудія, я прихожу к слѣдующим выводам:

1. Современный строй отправленія правосудія не удовлетворяет жизненной потребности и не достигает надлежащих результатов.

2. Преступность не уменьшается,—она не стоит неподвижно, она растет и в своем ростѣ обгоняет рост народонаселенія земного шара.

3. Отправители современнаго правосудія заслуживают полнаго и искренняго уваженія и сердечной благодарности за безпримѣрно честное массовое служеніе в храмѣ правосудія и на благо общества и государства.

4. Недостиженіе благих результатов обусловливается не неудовлетворительностью отправленія правосудія, а устарѣлою и не надлежащею основою самаго строя организаціи правосудія.

5. Отправленіе правосудія должно вступить в новый фазис своего развитія — борьбы и исправленія не преступных форм, а преступнаго человѣка.

6. Формула схоластическая догматическая должна уступить мѣсто форфулѣ болѣе живой и реальной— формулѣ біологической.

7. Должен наступить коренной переворот в системѣ образованія лиц, идущих на служеніе в храм правосудія: в основу этой системы должно лечь изученіе человѣка, а не его дѣянія.

8. Основным предметом в курсѣ юридических наук должен быть предмет о человѣкѣ, его душѣ, дѣйствіях и поступках в видѣ нормальности и аномалійности, в курс юридических наук должно быть введено преподаваніе психологіи, антропологіи, криминальной психологіи и психопатологіи. Эти предметы должны быть основными предметами.

9. Рядом с этим в тюрьмах должны быть открыты клиническія отдѣленія, гдѣ бы студенты, под руководством профессора и его ассистентов, могли изучать преступника, как такового, а не одни только его дѣянія, как соціальное проявленіе.

10. Науки о правѣ являются науками хотя и основными, но вытекающими из ученія о человѣкѣ и дополняющими духовныя нормы современнаго человѣка и общества.

11. В число слуг в храмѣ Ѳе-

миды должны быть введены лица с біологическим образованіем, как медики, современные педагоги и проч., на равных правах с лицами, получившими настоящее спеціально юридическое образованіе.

12. Число этих лиц будет постепенно жизнью уменьшаться, по мѣрѣ увеличенія, числа юристов новых, имѣющих получить болѣе широкое, болѣе реальное и болѣе соотвѣтствующее дѣлу образованіе.

13. Отправленіе будущаго учрежденія правосудія должно складываться из двух сторон — изученія преступника и его исправленія.

14. Судебное дознаніе должно состоять в изученіи преступленія, как соціальнаго явленія, и изученіи преступника и опредѣленія его свойства и качеств.

15. Это дѣло должно совершаться юристами и психіатрами,—а в послѣдствіи юристами, получившими надлежащее полное біологическо-юридическое образованіе.

16. Состав суда должен состоять на половину из юристов, на половину из судебных врачей, главным

образом психіатров, под предсѣдательством юриста.

17. Суд провѣряет судебное слѣдствіе и опредѣляет степень преступности даннаго лица, при чем, по удостовѣреніи качества послѣдней, или подвергает подсудимаго условному обвиненію и отпускает на поручительство и под контроль благонамѣренных людей, или патроната, или посылают преступника в исправительную колонію, ферму, завод и проч., на срок, который будет опредѣлен фактическим исправленіем свойств преступной натуры даннаго лица.

18. Администрація этих исправительных учрежденій должна состоять из врачей психіатров, врачей педагогов, педагогов и лиц с спеціально — хозяйственным образованіем; во главѣ дѣла должно стоять лицо с юридическим образованіем и все заведеніе находиться под строгим контролем охранителей закона.

19. Соотвѣтственно исправленію, преступники могут из этих заведеній отпускаться домой, к благонамѣренным лицам, на заработки и проч., в видѣ испытанія,—и по по-

лученіи удовлетворительных отзывов от лиц, блюдущих за его жизнью, и по освидѣтельствованіи, быть отпущенными на свободу,— при чем срок пребыванія в исправительном учрежденіи опредѣляется не свойством и характером совершеннаго преступленія,—а свойствами и характером самаго преступника.

20. По выходѣ на свободу, такое лицо состоит нѣкоторое время под контролем патроната и только по вполнѣ одобрительном отзывѣ лиц патроната, основанном на достаточном наблюденіи, всякая опека над данным лицом может быть снята.

21. Преступники прирожденные и неисправимые помѣщаются в особыя, строго изолированныя, учрежденія, устроенныя по типу исправительных учрежденій, но с невозможностью имѣть сношеніе ни с преступниками других категорій, ни с людьми не преступнаго характера.

22. В этих учрежденіях помимо исправительных пріемов должны примѣняться и пріемы лечебные, так как лица этой категоріи в очень

значительном большинствѣ носят в себѣ стигматы дегенераціи и требуют надлежащаго отношенія.

23. Состав лиц, имѣющих попеченіе о существованіи неисправимых преступников, остается прежній, что и в исправительных заведеніях.

24. Вполнѣ возможно, что, под вліяніем строгаго режима, осмысленной жизни, устраненій соблазна, леченія и проч., нѣкоторыя и из лиц этой категоріи проявят улучшеніе в своем аномалійном состояніи и заслужат перевода в отдѣленіе исправительных учрежденій.

25. Особенное вниманіе должно быть обращено на малолѣтних преступников,из которых рекрутируются преступники взрослые.

26. Малолѣтніе преступники всѣ должны поступать в испытуемыя заведенія, гдѣ по надлежащем испытаніи точно опредѣлится—будет ли это преступник случайный, или привычный, или прирожденный.

27. Преступников случайных отдают в общественныя заведенія особаго типа, которыя должны быть государством устроены на ряду с

обычными учрежденіями, для дѣтей отсталых и недисциплинированных, при чем администраціи учрежденія дается знать, что данный воспитанник проявил преступное дѣяніе.

28. Только продолжительное безпорочное пребываніе в этом учрежденіи, по надлежащем удостовѣреніи администраціи заведенія, такой воспитанник пріобрѣтает право перевода в обычное учрежденіе.

29. Малолѣтніе преступники типа привычных и профессіональных преступников помѣщаются в особенныя заведенія, дающія им надлежащее нравственное и дѣловое воспитаніе и образованіе.

30. Если окажется, что такія дѣти исправляются и проявят вполнѣ нормальныя душевныя свойства, то их возможно допустить сначала в заведенія, в которых воспитываются недисциплинированныя дѣти,—а потом в обычныя нормальныя заведенія.

31. Малолѣтніе преступники типа прирожденных преступников помѣщаются в исправительныя заведенія, отличныя от прежних полной

изоляціей от других заведеній для преступников, полной изоляціей от дѣтей нормальных и устройством потребных лечебных институтов, как для гидротерапіи, электротерапіи и проч.

32. По мѣрѣ исправленія и улучшенія духовнаго состоянія этих дѣтей, онѣ могут переводиться в отдѣленія исправимых и т. д.

33. Соотвѣтственно перемѣны всего духа отправленія правосудія, высшія судебныя палаты и сенат пополняются лицами со спеціальным медицинским образованіем, с правом присвоенным остальным активным членам сената.

34. Центральное административное учрежденіе вѣдомства правосудія должно также измѣниться и состоять из членов как чисто юридическаго, так и медицинскаго образованія.

35. Человѣчество, государство и общество тѣм болѣе выиграет, чѣм скорѣе приступит к исправленію отправленія дѣла правосудія.

Гигіена и леченіе душевныхъ и нервныхъ больныхъ. Изд. 3. Ц. 2 р.

Призрѣніе эпилептиковъ въ Европѣ и Америкѣ. 1901. Ц. 50 к. Весь сборъ отъ продажи поступаетъ въ пользу устройства пріюта для эпилептиковъ.

Пуэрперальные психозы. Ц. 1 р. 50 к.

Нищіе духомъ: бродяги, профессіональные нищіе и калѣки. 1902 г. Ц. 50 к.

Пьянство, его причины и леченіе. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Альбомъ душевно-больныхъ. Ц. 1 р.

Сумашествіе (Amentia Meynert'a) Ц. 1 р.

Абастуманъ. Ц. 1 р.

Боржомъ. Въ изящн. пер. Ц. 1 р.

Кисловодскъ. Въ изящн. пер. Ц.1 р.

Ялта. Ц. 50 к.

La Psychologie criminelle. 1903. Ц. 2 р.

Hygiène et traitement des nerveuses. 2 р.

Epilepsie, traitement, assistence et médecine légale. 1 р. 25 к.

La Migraine et son traitement. 1 р. 50 к.

Ivrognerie, ses causes et son traitement. 50 к.

Prof. Gowers. *Болѣзни головного мозга.* Пер. подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 75 к.

Ph. Pinel. *Медико-философское ученіе о душевныхъ болѣзняхъ.* Переводъ К. Н. Ковалевской и А. И. Ющенко, подъ редакціею П. И. Ковалевскаго. Ц. 2 р.